

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 1819-2785 (Print)
ISSN 2587-7275 (Online)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Theory and Practice of Forensic Science

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Scientific and Practical Journal

Том
Vol. 14

№ 2

2019

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научно-практический журнал

«Теория и практика судебной экспертизы» – это рецензируемый научно-практический журнал, публикующий результаты фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых в виде научных статей, обзорных научных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров и исторических справок по вопросам судебно-экспертной деятельности.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Смирнова Светлана Аркадьевна*, д. ю. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Усов Александр Иванович*, д. ю. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *Никулина Марина Вячеславовна*, к. б. н., ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ПЕРЕВОДЧИК: *Завьялова Дарья Владимировна, Игнатъева Анна Александровна*

ВЕРСТКА: *Мурзаев Алхан Магомедбекович*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бутырин Андрей Юрьевич, д. ю. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Герадс Зено, доктор наук, профессор, Институт судебных экспертиз Министерства юстиции Нидерландов (Гаага, Нидерланды)

Джабир Ахмет, доктор наук, Департамент обеспечения качества Центра Судебной Экспертизы Министерства Юстиции Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)

Замараева Наталия Александровна, к. ю. н., доцент, ФБУ Северо-Западный РЦСЭ Минюста России (Санкт-Петербург, Россия)

Колдин Валентин Яковлевич, д. ю. н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Крестовников Олег Анатольевич, к. ю. н., ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Кузнецова Алсу Минуровна, к. б. н., Университет Альберты (Эдмонтон, Канада)

Майлис Надежда Павловна, д. ю. н., профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

Махов Вадим Николаевич, д. ю. н., профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Микляева Ольга Васильевна, к. ю. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Моисеева Татьяна Федоровна, д. ю. н., профессор, Российский государственный университет правосудия (Москва, Россия)

Никулин Вячеслав Валентинович, д. ф.-м. н., профессор, Университет Ливерпуля (Ливерпуль, Великобритания)

Омельянюк Георгий Георгиевич, д. ю. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Павлова Татьяна Витальевна, к. ф.-м. н., Высшая школа экономики (Москва, Россия)

Россинская Елена Рафаиловна, д. ю. н., профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия)

Рубис Александр Сергеевич, д. ю. н., профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Сейтенов Калиолла Кабаевич, д. ю. н., профессор, Институт судебной экспертизы Университета КазГЮУ (Астана, Казахстан)

Секераж Татьяна Николаевна, к. ю. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Соллиеро-Реболledo Элизабет, доктор наук, Национальный автономный университет Мексики (Мехико, Мексика)

Хазиев Шамиль Николаевич, д. ю. н., доцент, адвокатская контора «Аснис и партнеры» (Москва, Россия)

Щеглов Алексей Иванович, д. б. н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ян де Киндер, доктор наук, Национальный институт криминалистики и криминологии (Брюссель, Бельгия)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-22228 от 28 октября 2005 г.)

ISSN:

1819-2785 (Print), 2587-7275 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России)

Сайт:

<http://www.tipse.ru>

Адрес:

109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2

e-mail:

tipse@sudexpert.ru

Подписка

Каталог «Пресса России»

THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC SCIENCE

Science & Practice Journal

«Theory and Practice of Forensic Science» is a peer-reviewed academic journal that publishes the findings of fundamental and applied research conducted by Russian and foreign scientists in the form of research papers, review articles, scientific communications, literature reviews, and historical overviews on the issues of forensic science and practice. The journal is included in the List of peer-reviewed academic journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education, and is required to publish the key scientific findings of dissertations for doctoral and candidate's degrees.

The journal is listed in the system of the Russian Science Citation Index (www.elibrary.ru).

EDITOR-IN-CHIEF: *Svetlana A. Smirnova*, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Aleksandr I. Usov*, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

PRODUCTION EDITOR: *Marina V. Nikulina*, Candidate of Science, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

TRANSLATOR: *Dar'ya V. Zav'yalova, Anna A. Ignat'eva*

DESIGNER: *Alkhan M. Murzaev*

EDITORIAL BOARD:

Andrei Yu. Butyrin, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zeno Geradts, Doctor of Science, Professor, the Netherlands Forensic Institute (the Hague, the Netherlands)

Jabir Ahmet, Doctor of Philosophy in Law, Quality Assurance Department of the Forensic Science Center of the Ministry of Justice of the Azerbaijan Republic (Baku, Azerbaijan)

Natal'ya A. Zamaraeva, Candidate of Science, Associate Professor, North-Western Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (Saint Petersburg, Russia)

Valentin Ya. Koldin, Doctor of Science, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Oleg A. Krestovnikov, Candidate of Science, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alsu M. Kuznetsova, Candidate of Science, the University of Alberta (Edmonton, Canada)

Nadezhda P. Mailis, Doctor of Science, Professor, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of the Interior (Moscow, Russia)

Vadim N. Makhov, Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Ol'ga V. Miklyaeva, Candidate of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tat'yana F. Moiseeva, Doctor of Science, Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Vyacheslav V. Nikulin, Doctor of Science, Professor, the University of Liverpool (Liverpool, United Kingdom)

Georgii G. Omel'yanyuk, Doctor of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tat'yana V. Pavlova, Candidate of Science, Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Elena R. Rossinskaya, Doctor of Science, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Rubis, Doctor of Science, Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Kaliolla K. Seitenov, Doctor of Science, Professor, Institute of Forensic Science of Kazakh State Legal University (KAZGUU University) (Astana, Kazakhstan)

Tat'yana N. Sekerazh, Candidate of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elizabeth Solleiro-Rebolledo, Doctor of Science, National Autonomous University of Mexico (Mexico City, Mexico)

Shamil' N. Khaziev, Doctor of Science, Associate Professor, «Asnis & Partners» Law Office (Moscow, Russia)

Aleksei I. Shcheglov, Doctor of Science, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Jan De Kinder, Doctor of Science, National Institute of Criminalistics and Criminology (Brussels, Belgium)

Registered by: The Federal Service for Monitoring Compliance with Cultural Heritage Protection Law (Registration Certificate Pl № FS77-22228 issued October 28, 2005)

ISSN: 1819-2785 (Print), 2587-7275 (Online)

Frequency: 4 times a year

Established by: The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RFCFS of the Russian Ministry of Justice)

Website: <http://www.tipse.ru>

Address: 109028, Moscow, Khokhlovskii per., 13, str. 2

e-mail: tipse@sudexpert.ru

Subscription: Russian Press Subscription Catalog

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические вопросы

**А.Ю. Бутырин, Е.Б. Статива,
О.В. Жукова, А.В. Капусткина**
Эксперт-строитель в роли медиатора

А.Е. Фоменко
Оценка достоверности заключения
судебного эксперта при расследовании
нарушений правил безопасности строи-
тельных работ

О.Г. Дьяконова
Право эксперта заявлять ходатайства как
реализация экспертной инициативы

Н.Н. Ильин
Задачи судебных транспортно-техничес-
ких экспертиз

Методы и средства

**А.А. Бессонов, А.Г. Бояров,
М.В. Степанов**
Метод производства судебной эксперти-
зы фонограмм с использованием данных
о частоте электрического тока сети

Экспертная практика

М.В. Жижина, И.Р. Ягутьян
О форме и содержании заключения экс-
перта-почерковеда

С.В. Доронина
Речевой экстремизм в бытовой межлич-
ностной коммуникации

**С.С. Жарких, А.А. Годлевский,
С.А. Кривошецов**
Возможности комплексных исследова-
ний экспертизы видеозаписи и автотех-
нической экспертизы

В.Г. Григорян
Новые объекты исследования судебных
автотехнических экспертиз

Стандартизация и менеджмент качества

**С.А. Смирнова, Г.И. Бебешко,
И.П. Любецкая, Г.Г. Омелянюк,
А.И. Усов**
Вероятностная оценка пригодности су-
дебно-экспертной методики «Микро-
скопическое исследование текстильных
волокон»

О.А. Суровая
Деятельность руководителя судебно-
экспертного учреждения в свете тре-
бований международных стандартов по
оценке соответствия

CONTENTS

Theoretical Issues

**6 Andrey Yu. Butyrin, Ekaterina B. Stativa,
Oksana V. Zhukova, Anna V. Kapustkina**
The Forensic Construction Expert as a
Mediator

16 Aleksandr E. Fomenko
Validation of Forensic Expert's Opinion in
Investigation of Safety Rules Violations in
Construction Works

24 Oksana G. Dyakonova
The Expert Right to Submit Petitions as an
Exercise Form of Expert Initiative

35 Nikolai N. Il'in
The Tasks of Forensic Vehicle Inspections

Methods and Tools

**43 Aleksey A. Bessonov, Alexander G. Boyarov,
Maksim V. Stepanov**
The Electric Network Frequency Based
Method of Forensic Audio Analysis

Forensic Casework

51 Marina V. Zhizhina, Inna R. Yagut'yan
On the Form and Content of a Forensic
Handwriting Expert's Opinion

61 Svetlana V. Doronina
Verbal Extremism in Everyday Interpersonal
Communication

**67 Sergei S. Zharkikh, Andrei A. Godlevskiy,
Sergei A. Krivoshchekov**
The Potential of Integrated Video and
Vehicle Forensic Investigation

84 Varazdat G. Grigoryan
The New Objects of Forensic Vehicle
Examinations

Standardization and Quality Management

**92 Svetlana A. Smirnova, Galina I. Bebeshko,
Irina P. Lyubetskaya,
Georgii G. Omel'yanyuk, Aleksandr I. Usov**
Probability-Based Validation of the Forensic
Method "Microscopic Analysis of Textile
Fibers"

100 Olesya A. Surovaya
The Activity of the Chief Executive of
a Forensic Organization in the Light of
International Standards for Conformity
Assessment Requirements

<p style="text-align: center;">Дискуссии</p> <p>И.В. Корниенко, К.В. Степанов, Т.Г. Фалеева, В.С. Ракуц, И.Н. Иванов, Е.С. Мишин, Н.В. Кононов, Н.Е. Левченко, Ю.С. Сидоренко О лицензировании работ в области мо- лекулярно-генетических экспертиз</p>	107	<p style="text-align: center;">Discussions</p> <p>Igor' V. Kornienko, Konstantin V. Stepanov, Tat'yana G. Faleeva, Vladimir S. Rakuts, Igor' N. Ivanov, Evgeniy S. Mishin, Nikolay V. Kononov, Natal'ya E. Levchenko, Yuriy S. Sidorenko On the Licensing of Forensic DNA Analysis Activities</p>
<p>А.А. Бойцов Право экспертной инициативы с пози- ции юридической герменевтики</p>	115	<p>Aleksei A. Boitsov The Expert Initiative Right from a Perspective of Legal Hermeneutics</p>
<p style="text-align: center;">Судебная экспертиза за рубежом</p> <p>К.О. Мамиконян Особенности оценки рыночной стои- мости объектов интеллектуальной соб- ственности при проведении судебных экспертиз</p>	128	<p style="text-align: center;">International Perspectives in Forensic Science</p> <p>Karen H. Mamikonyan The Features of Market Value Assessment of the Objects of Intellectual Property When Conducting Forensic Expertise</p>

Эксперт-строитель в роли медиатора

 А.Ю. Бутырин^{1,2}, **Е.Б. Статива**^{1,2}, **О.В. Жукова**³, **А.В. Капусткина**²

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва 129337, Россия

³ Истринский районный суд Московской области, Истра 143500, Россия

Аннотация. Рассмотрена проблема внесудебного урегулирования споров, возникающих между участниками строительства. Актуальность исследования обусловлена чрезмерным количеством судебных споров хозяйствующих субъектов. Данное обстоятельство требует нового взгляда на существующие, но до сих пор непопулярные формы примиренческих процедур, что позволит снизить нагрузку на судебный корпус. Наиболее конструктивной в этой части авторам представляется процедура медиации. Приведены преимущества обращения спорящих сторон к медиатору в сравнении с традиционным судебным процессом. Внимание концентрируется на самой фигуре медиатора, обосновываются преимущества использования в этой роли эксперта-строителя – сведущего в области строительства лица, осуществляющего на постоянной основе судебно-экспертную деятельность.

Рассмотрен вопрос готовности участников строительного производства разрешать свои хозяйственно-экономические споры в досудебном порядке. Этому, по мнению авторов, мешают: устойчивый патернализм, прочно укрепившийся в сознании участников спора; традиционное недоверие к медиатору, как не обладающему властными полномочиями; абсолютизм в стремлении сторон к безусловной победе в споре, а не к поиску компромисса; неэффективность привычного в практике отстаивания своих интересов с помощью сокрытия или фальсификации информации и пр. В заключение авторы, констатируя неготовность на сегодняшний день участников строительного производства к активному участию во внесудебном разрешении споров, отмечают положительную тенденцию у российских строителей к цивилизованным формам производственного взаимодействия и выражают надежду на то, что медиация займет достойное место в системе рассматриваемого сегмента общественных отношений.

Ключевые слова: медиация, судебная строительно-техническая экспертиза, судебный эксперт-строитель, урегулирование споров

Для цитирования: Бутырин А.Ю., Статива Е.Б., Жукова О.В., Капусткина А.В. Эксперт-строитель в роли медиатора // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 6–15.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-6-15>

The Forensic Construction Expert as a Mediator

 Andrey Yu. Butyrin^{1,2}, **Ekaterina B. Stativa**^{1,2}, **Oksana V. Zhukova**³, **Anna V. Kapustkina**²

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow 129337, Russia

³ Istra district court of the Moscow region, Istra 143500, Russia

Abstract. The issue of out-of-court settlement of disputes between participants in construction is considered. The relevance of the study stems from the excessive number of legal disputes of business entities. This fact requires a new perspective on the existing but still unpopular conciliation procedures, which can mitigate the burden of the judiciary. The mediation procedure seems to be the most attractive to the authors to that end. The article provides a range of advantages of turning the disputants to the mediator in comparison with the traditional judicial process. In this regard, the attention of the authors is focused on the mediator figure itself, the benefits of engaging an expert builder (a person competent in the field of construction who carries out forensic analysis on a permanent basis) are explained.

The question of whether the participants in the construction industry are ready to resolve their economic disputes in the pretrial order is considered. According to the authors this is obstructed by: persistent paternalism firmly

entrenched in the minds of the disputing parties, traditional distrust to the mediator as not having the authority, the exhaustiveness of the parties' desire for unquestionable victory in the dispute and not for a compromise the inefficiency of the defensive practice using concealment or falsification of information, etc.

In conclusion, the authors note the current unreadiness of the construction industry parties to actively participate in out-of-court settlement of disputes as well as a positive tendency among the Russian builders to using civilized forms of industrial interaction and express the hope that mediation will take its rightful place in the segment of public relations under consideration.

Keywords: *mediation, forensic construction expertise, forensic construction expert, dispute settlement*

For citation: Butyrin A.Yu., Stativa E.B., Zhukova O.V., Kapustkina A.V. The Forensic Construction Expert as a Mediator. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 6–15. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-6-15>

Введение

Судебный эксперт-строитель, сотрудник государственного или негосударственного судебно-экспертного учреждения, традиционно выступает в трех ролях: 1) судебно-эксперта, 2) специалиста в уголовном, гражданском или административном праве и 3) сведущего лица, проводящего исследования вне судопроизводства. В настоящее время все чаще высказывается мнение, что судебный эксперт-строитель, осуществляющий судебно-экспертную деятельность на постоянной основе, может также быть арбитром в досудебном урегулировании экономических споров хозяйствующих субъектов – в медиации [1].

Цель статьи – на основе изучения теоретических и методических основ судебной строительно-технической экспертизы (ССТЭ), практики ее назначения и производства показать, что судебный эксперт-строитель профессионально подготовлен быть медиатором в досудебном урегулировании.

Медиация – это самостоятельный внеюрисдикционный способ урегулирования правового спора путем переговоров сторон при содействии нейтрального лица – медиатора. По сравнению с традиционным судебным разбирательством процедура медиации имеет безусловные преимущества. Специалисты в области альтернативных судопроизводству форм разрешения конфликтов выделяют следующие позитивные ее черты [1–3]:

– *свободная воля сторон* спора участвовать в его рассмотрении и разрешении, тогда как судебный процесс может быть инициирован одной из сторон вопреки воле других;

– *выборность медиатора* спорящими сторонами, притом что судья назначается;

– *приоритет интересов сторон* в условиях полной легитимности в противовес главенству формального следования букве закона в процессе судопроизводства;

– *конвенциональность разрешения спора* – итоговое решение представляет собой компромисс для всех его участников, в судопроизводстве же итоговое решение – это реализация властных полномочий суда;

– *оптимальные сроки*, тогда как судопроизводство по делу на сегодняшний день – это относительно длительный многостадийный процесс;

– *оптимальные финансовые затраты* против дорогостоящих услуг представителя в судебном процессе;

– *сотрудничество сторон* при разработке внесудебного решения спора, тогда как современное судопроизводство характеризуется состязательностью, активным антагонистическим противостоянием сторон;

– *доверительность, конфиденциальность* поиска способов разрешения конфликта при публичности судебного процесса;

– *активность медиатора* в поисках компромиссного решения, притом что суды в основном пассивны в части подведения спорящих сторон к примирению. Этому способствует чрезмерная загруженность судей. Так, средняя нагрузка арбитражных судов – 106 дел в месяц у одного судьи. Безусловными рекордсменами здесь являются суды Москвы и Московской области: 250 и 212 дел соответственно.

Эффективно проведенная процедура медиации позволяет избежать участия в судебном разбирательстве, что само по себе, безусловно, является благом. «Мое становление как профессионала, – отмечает Уоррен Эрл Бергер, 15-й Председатель Верховного суда США, – происходило вместе с тем поколением юристов, которые со студенческой скамьи осознавали, что луч-

шая услуга для клиента – оградить его от судебных разбирательств» [4, 5].

Несмотря на все очевидные преимущества медиации и ее правового закрепления¹, в России она развивается медленно. При этом, например, в Великобритании, по данным исследования Центра строительного права и разрешения споров, Королевский колледж Лондона (King's College London), 70 % споров в строительстве разрешаются путем самостоятельных переговоров между сторонами [6, 7], в США же существует более двадцати форм медиативных процедур [8, 9]. Первые шаги на пути формирования института медиации в США были предприняты в начале 1970-х годов. Результаты оказались столь успешными, что медиация быстро приобрела широкое распространение и была закреплена в правовой системе страны [10]. В 2001 году в США вступил в силу единый закон о медиации – Uniform Mediation Act, в котором консолидированы нормы более 2500 законов, регламентирующих порядок внесудебного урегулирования споров в разных штатах. Ни один серьезный конфликт в бизнесе или экономике здесь не проходит без участия медиаторов [11]. Проблемам примиренческих процедур посвящены специализированные журналы, успешно функционирует Национальный институт разрешения диспутов, основная цель работы которого – формирование новых методов медиации. Таким образом, медиация в строительной сфере приобретает все большие масштабы и развивается во многих странах с благоприятными условиями для инвестирования в строительстве [7, 12].

В отечественной практике внесудебные разбирательства споров количественно не доминируют над судебными процессами; число коммерческих и гражданских споров, урегулированных с помощью медиации, остается на стабильно низком уровне [2, 13–15]. Учитывая данное обстоятельство, а также отмеченные выше мнения о возможности выступления эксперта-строителя в роли медиатора, представляется целесообразным рассмотреть два вопроса: готовы

ли эксперты-строители к этой роли и сформировались ли в настоящее время условия для успешной реализации внесудебных форм разрешения споров между сторонами, осуществляющими строительное производство, и участвующими в инвестиционных проектах в строительстве.

Преимущества использования эксперта-строителя в качестве медиатора

За то, что роль медиатора не чужда экспертам-строителям, говорят пять аргументов.

1. *Практически ни одно судебное дело в области строительства не обходится без эксперта-строителя.* Более 90% гражданских дел, отражающих споры хозяйствующих в сфере строительства субъектов, требуют назначения и производства ССТЭ [1, с. 29]. Таким образом эксперт-строитель участвует в разбирательстве этих конфликтов в качестве сведущего лица, используя свои специальные знания в области строительства при проведении исследований по вопросам, которые ставит перед ним суд, либо в качестве специалиста, консультируя его и стороны по вопросам, возникающим в ходе производства по делу, но не требующим назначения экспертизы. При этом указанное лицо, разумеется, не ставит перед собой задачу примирить конфликтующие стороны, но, изучив дело и выполнив свою работу, эксперт уже понимает, кто прав, а кто виноват в этой тяжбе, и, стремясь сократить сроки своего участия в деле, невольно и, разумеется, неявно (языком цифр) «подсказывает» суду способы эффективного рассмотрения сложившихся в споре проблем, предлагает способы его разрешения. Для этого ему не нужно декларировать прогнозируемое итоговое решение суда, за него это делает заключение эксперта или консультация специалиста. Причины этого во многом объясняются особой ролью эксперта-строителя в судопроизводстве, что и позволяет говорить о втором аргументе – особой значимости результатов его работы, приближающей эксперта к медиатору.

2. *Высокая доказательственная значимость заключения эксперта-строителя.* Заключение эксперта-строителя, в отличие, например, от заключений экспертов-криминалистов, в подавляющем большинстве случаев предопределяет итоговое решение суда, составляет его фактическую основу. Так, если в ходе производства дактилоско-

¹ Положения о медиации изложены в п. 2 ч. 1 ст. 135; ч. 1 и 2 ст. 138; п. 9 ч. 2 ст. 153; ч. 2 ст. 158 АПК РФ, в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», Федеральном законе от 27.07.2010 № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

пической экспертизы будет установлено, что отпечатки пальцев, обнаруженные на месте преступления, принадлежат конкретному лицу, а при производстве баллистической экспертизы будет установлено, что роковые выстрелы были сделаны из револьвера подозреваемого, то после производства этих экспертиз последует достаточно длительный и многоплановый процесс доказывания по делу, конечной целью которого будет вынесение обвинительного либо оправдательного приговора.

Вопросы, ставящиеся судом на разрешение эксперта-строителя, напротив, по своему содержанию преимущественно совпадают с предметом спора и предметом доказывания по делу, что обуславливает его высокую доказательственную значимость², поэтому ответы (выводы) эксперта формируют условия разрешения дела. Так, если предметом спора является рыночная или иная стоимость объекта недвижимости, стоимость выполненных строительных работ, их количественные и качественные характеристики, причины обрушения здания или сооружения и пр., то предмет доказывания и предмет ССТЭ будет один и тот же. Соответственно, дистанция между такими процессуальными действиями, как дача заключения эксперта и принятие судом итогового решения будет составлять один шаг – судьи зачастую просто копируют выводные суждения эксперта-строителя при составлении своего решения, ставящего точку в гражданском споре.

Своеобразным подтверждением высокой значимости работы эксперта-строителя являются его вызовы в судебное заседание на допрос практически по каждому данному им заключению. Иницирует такие вызовы «проигрывающая» в деле сторона. Это происходит от понимания того, что участие в судебном заседании с критикой заключения эксперта – это последняя попытка «переломить» ситуацию, смоделированную экспертом и предрешающую исход дела. Столь значительное влияние эксперта-строителя в судопроизводстве, создавая ему дополнительные (в том числе психологические) проблемы, формирует реальные предпосылки для его готовности к новой роли –

медиатора во внесудебных спорах по тем же вопросам, которые он решает в качестве эксперта, оставаясь в стороне от принятия решений, имеющих правовые последствия.

3. *Высокий уровень развития ССТЭ* и, соответственно, специальных строительно-технических знаний. Первые подразделения ССТЭ в системе судебно-экспертных учреждений были созданы в середине 80-х годов прошлого века, и за прошедшее время этот вид познавательной деятельности успешно прошел путь своего становления и развития, являясь сейчас одним из самых востребованных направлений судебно-экспертной деятельности в современном судопроизводстве.

На сегодняшний день сформированы теория, методология ССТЭ и ее методическая база, опубликован обширный и четко структурированный дидактический материал (учебники, учебные пособия, курсы лекций), накоплен богатый и разносторонний практический опыт производства ССТЭ в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах.

Структура специальных судебно-экспертных строительно-технических знаний включает в себя в том числе ряд исследовательских направлений, содержание которых определялось потребностями судебной практики, а точнее – наиболее распространенными, повторяющимися судебными ситуациями, разрешение которых требовало участия сведущего в строительстве лица. Иными словами, о чем спорили стороны по делу – о том и размышляли эксперты, в последующем создавшие методики и методические рекомендации для решения практических задач. По всем основным направлениям этих исследований подготовлен, опубликован и внедрен в практику комплекс научных работ, содержание которых составляет основу методического аппарата судебного эксперта-строителя.

Все это говорит о том, что специальные строительно-технические знания на современном этапе базируются не только на научных и прикладных строительных дисциплинах, как это было на первых порах становления ССТЭ, но и на достаточно основательной судебно-экспертной научно-методической базе, что позволяет весьма эффективно решать проблемы, возникающие в ходе рассмотрения и разрешения гражданских споров в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Это свидетельствует о том, что эксперт-строитель,

² Высокую доказательственную значимость имеют доказательства, устанавливающие обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Заключение эксперта тоже будет весьма значимым, если оно устанавливает такие обстоятельства... особенно, если от них зависит судьба дела [16, с. 152].

случись ему стать медиатором, уже будет вооружен современным научно-методическим арсеналом, используя который он обеспечит дополнительную научно обоснованную аргументацию своих суждений и предложений, направленных на компромиссное внесудебное решение спора участников конфликта.

4. *Профессиональная коммуникативность эксперта-строителя.* У современного эксперта-строителя достаточно высоко развиты коммуникативные навыки, столь необходимые медиатору. Как уже отмечалось, его вызывают в судебное заседание на допрос практически по каждому данному им заключению. К этому следует добавить, что допрос эксперта длится, как правило, не один час и представляет собой достаточно острую полемику с представителями стороны, для которой его заключение является серьезным препятствием на пути к победе в тяжбе. Обширная практика участия в различных по содержанию делам безусловно способствует развитию коммуникативного потенциала эксперта, и за несколько лет он достигает достаточно высокого уровня владения техникой спора. Разумеется, направленность этого потенциала несколько иная, чем у медиатора: эксперт отстаивает достоверность данного им заключения, научную обоснованность проведенных исследований и правильность промежуточных и окончательных суждений; медиатор же разрабатывает и предлагает компромиссные варианты решения спора. При этом многие (и весьма значимые) аналитические, психологические и риторические навыки, необходимые медиатору, входят и в коммуникативный арсенал эксперта: это умение правильно определить и четко сформулировать суть проблемы, видеть причины и условия ее возникновения и развития, устанавливать факторы, оказывающие то или иное влияние на масштабы и характер проблемы. Сюда же следует отнести умение осуществлять целенаправленный и результативный поиск оптимального ее решения. Это – общая основа и единое направление мыслительной деятельности эксперта и медиатора, а при достаточно высоком развитии аналитических и риторических навыков переключиться на поиск компромиссных решений особого труда не составит. Таким образом, коммуникативная состоятельность эксперта-строителя во многом определяет его готовность к роли медиатора.

5. *Опыт содействия эксперта-строителя в примирении сторон.* Одним из наиболее развитых направлений ССТЭ являются исследования, связанные с установлением возможности и разработкой вариантов реального раздела объектов недвижимости между их владельцами в соответствии с условиями, заданными судом. Принципиальной отличительной чертой этих исследований является то, что в процессе их проведения эксперт получает информацию, использование которой предполагает преобразование объекта экспертизы в будущем, поэтому преобразовательные задачи носят прогностический характер. Будущее многовариантно, и спорящие стороны, стремящиеся разделить имущество, часто склонны к предложению и рассмотрению все новых и новых вариантов преобразования спорных строительных объектов (например, участков земли), что делает необходимым привлечение экспертов к участию в следующих одно за другим судебных заседаниях. Кроме того, судья, предвидя значительную эмоциональную нагрузку, обусловленную накалом человеческих страстей в судебных слушаниях данной категории дел, чисто психологически ищет опору в лице эксперта.

Другая специфическая черта этого вида ССТЭ – многовариантность (альтернативность) выводов в заключении эксперта. При назначении экспертиз по делам, связанным со спорами о праве собственности на недвижимость, суды ориентируют экспертов на многовариантные ответы, и здесь вопросы типа «разработать возможные варианты раздела спорного объекта недвижимости» встречаются достаточно часто, что коренным образом отличает ССТЭ от судебных экспертиз других родов (видов), где в соответствии с целями экспертного исследования и решаемыми задачами предпочтение отдается не многовариантным (альтернативным), а однозначным выводам. Объясняется это следующим: одна из основных задач судопроизводства состоит в установлении истины по делу, на это ориентировано и экспертное исследование. Истина однозначна по своей природе, поэтому правильный по существу и однозначный по форме ответ эксперта удовлетворяет требованиям судопроизводства. Судебный процесс не может завершиться только констатацией истины, по каждому делу должно быть принято какое-то решение. Установление истины является лишь

предпосылкой такого решения, необходимым условием его правильности. Поэтому познание истины по делу – не самоцель, а лишь средство достижения других, более широких целей (общих задач судопроизводства).

При рассмотрении гражданских дел по искам о разделе недвижимости истинность – необходимое, на наш взгляд, условие судебного разбирательства, а цель его – эффективное разрешение гражданского спора, достижение которой во многом определяется тем, насколько полно в заключении эксперта отражены мнения сторон – их видение преобразований в результате раздела объектов недвижимости или их комплекса. Мнения эти могут быть диаметрально противоположными, взаимоисключающими, при этом стороны по делу вправе в установленном законом порядке излагать свое видение преобразованного объекта. Эксперт в свою очередь должен учитывать это и представить суду некий компромиссный вариант, который бы удовлетворял интересы каждой из сторон. Судебное решение, в основу которого положен такой вариант, сторонами, как правило, принимается и, соответственно, не обжалуется: иными словами – это и есть эффективное, в нашем понимании, разрешение спора.

На практике разработка такого компромиссного варианта порой происходит следующим образом: на заседании судья предоставляет возможность эксперту в режиме диалога обсудить со сторонами уже разработанный вариант раздела, чтобы внести в него коррективы, удовлетворяющие все стороны. Этот процесс, учитывая отмеченную выше полярность мнений, может занимать весьма много времени, и эксперт при этом, слушая доводы сторон, мысленно моделирует образ преобразуемого объекта, постепенно продвигается к некоему бесспорному «идеальному» решению. При этом его участие в обсуждении достаточно активное: предложения сторон эксперт трансформирует, соотнося их с нормативно определенными критериями возможности реального раздела объектов недвижимости, так как итоговый вариант должен соответствовать требованиям технических и социальных норм. В этом и проявляется природа медиативной, посреднической функции эксперта-строителя. Судья в свою очередь позитивно относится к проведенной экспертом работе, результаты которой

становятся основой итогового его решения по делу.

Таким образом, этот опыт фактически у эксперта уже наработан, что говорит о сложившемся умении проведения примиренческих процедур. Разумеется, эксперт-строитель должен приобрести также и дополнительные знания и навыки в этой части.

Приведенные аргументы, на наш взгляд, в совокупности достаточно убедительно иллюстрируют готовность эксперта-строителя к роли медиатора.

Проблемы, препятствующие применению медиативных процедур в хозяйственно-экономических спорах в нашей стране

Российский строительный комплекс, в котором на сегодняшний день, по данным Росстата, занято 6,3 млн работников, представляет множество самостоятельных, обладающих своей производственной и структурной спецификой хозяйствующих субъектов, не связанных какой-либо общепринятой системой правил рассмотрения и разрешения конфликтов с заказчиком, инвестором, застройщиком, проектировщиком и другими субъектами профессионального взаимодействия. К особенностям инвестиционно-строительной деятельности можно отнести наличие широкого круга субъектов, причем как профессиональных участников, так и менее опытных субъектов; вовлеченность в эту деятельность публично-правового элемента; тесную взаимосвязь стадий проекта строительства, а также сложные юридические конструкции, используемые в процессе реализации проекта. Наиболее распространенными причинами конфликтов в инвестиционно-строительной сфере деятельности являются:

- несоблюдение сроков строительства;
- некачественно выполненные работы;
- невыполнение части работ, предусмотренных проектом и договором подряда;
- изменение проектных решений без должного (нормативно определенного) согласования;
- ошибки в результатах предпроектных гидрогеологических изысканий и ошибки проекта;
- увеличение стоимости строительства при отсутствии убедительного обоснования;
- необоснованный отказ от оплаты выполненных работ.

При этом возникают следующие судебные ситуации:

- взыскание неустойки, начисленной в связи с незаконным отказом в выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию;
- сложности при согласовании окончательной стоимости работ (договор с ориентировочной ценой) и определении момента передачи исполнительной документации после подписания актов приема-передачи;
- инициирование нескольких отдельных споров, касающихся одного и того же проекта строительства;
- подача исковых заявлений против партнера, с которым продолжается сотрудничество и реализация совместного проекта [4, 5].

Эти ситуации возникают достаточно часто, они разнообразны по предмету спора, учитывая несовершенство правового регулирования производственных отношений и отсутствие развитой конкуренции между участниками строительства. Свою роль играет и общий спад в сфере строительного производства как отрасли экономики страны. Так, если объем выполненных строительно-монтажных работ в 2011 году составлял 1 500 млрд рублей, то к 2018 году этот показатель снизился до 900 млрд рублей. Схожая тенденция наблюдается и в отношении количественных показателей ввода жилья в эксплуатацию: в 2011 году было сдано в эксплуатацию 4 349 тыс. кв. м, а в 2018 – только 3 541 тыс. кв. м. На 01.01.2019 строительные предприятия в России были загружены лишь на 67 % [13].

Разрешению споров, возникающих при осуществлении профессиональной деятельности в строительной сфере, в досудебном порядке, на наш взгляд, препятствует следующее.

1. *Патернализм в сознании участников спора*, который обусловлен определенным поведенческим консерватизмом участников строительного производства. Это выражается в устойчивом представлении, что судебное разбирательство производственных конфликтов обеспечит наибольшую вероятность успеха в отстаивании своих интересов. В этом убеждении просматривается патерналистская традиция сознания россиян: рассудить может только тот, кто обладает силой, властными полномочиями, чье решение обязательно для исполнения. Поэтому на первых порах становления российского бизнеса за разрешением спорных вопросов представители деловых кругов

обращались к местным криминальным авторитетам, руководителям силовых структур и территориальным административным руководителям, которые в тесном взаимодействии (и это не изжито до конца и сегодня) представляли собой властное начало, способное эффективно разрешить спор.

2. *Недоверие к медиатору*. «Если россиянин не всегда верит в беспристрастность суда, то что можно говорить об отношении к медиатору?» – отмечает В. Барсебян [15]. Непривычная, нетрадиционная форма обсуждения проблем усиливает эффект настороженного отношения к посреднику. Привычно криминализованная сфера строительного производства, сложившаяся небезупречная с точки зрения справедливости система проведения тендеров на подряды, фиктивное участие в конкурсах, преднамеренно заниженная стоимость строительства, фальсификация исполнительной документации либо ее уничтожение, непрозрачность определения фактической заработной платы рабочих (прежде всего гастарбайтеров) не способствуют формированию доверительных отношений с субъектами взаимодействия.

В таких условиях «фигура примирителя ошибочно воспринимается в качестве латентного сторонника противоположной стороны конфликта» [15]. Отсутствие механизма ответственности медиатора за незаконность заключенного медиативного соглашения только усиливает характер такого восприятия.

3. *Стремление сторон к абсолютной победе в споре, а не к поиску компромиссных решений*, что обусловлено недостаточно высоким уровнем их правовой культуры и относительно высокой степенью конфликтности.

Изначально спор имеет цель снять противоречие в производственных отношениях, исправить складывающиеся деструктивные моменты в общем деле. Если взаимопонимание сразу не достигнуто, то развивается и принимает все более угрожающие масштабы противодействие, порождающее желание взять реванш, отомстить, доказать свою правоту, в конечном итоге – выиграть. А в таких условиях медиация абсолютно неэффективна, поэтому не уместна. И спор переходит в сферу судопроизводства.

4. *При медиации обман как средство отстаивания своих интересов утрачивает свою эффективность*. Если при разбирательстве споров в судах США сторона по делу будет

уличена в обмане, она обречена на провал. Данное обстоятельство формирует соответствующее отношение к попыткам введения в заблуждение: врать не принято, стыдно. «А у нас это не стыдно. И никогда не было стыдным. <...> Врем всегда, везде, всем. Себе, другим, друг другу» [17, с. 127]. Профессор Нильс Кристи (Норвегия) в своем интервью газете «Русский репортер» отмечает: «В России очень плохая ситуация с доверием людей друг к другу. <...> Ваши трудности с самоуправлением, неспособность людей организовать свою жизнь без указаний сверху – это все связано с взаимным недоверием» [18].

Обман широко используется истцами и ответчиками. Вместе с тем сторона, которая лукавит, как правило, проигрывает спор при столкновении с безупречно выстроенной, базирующейся на объективных началах позицией. Во всяком случае, статистика говорит именно об этом: при общем увеличении количества споров отечественных контрагентов с иностранными инвесторами (с 2014 года оно выросло в пять раз) по итогам 2018 года – 92 % дел разрешается в пользу иностранного инвестора [4, 5].

При медиации в поисках компромисса формируется механизм взаимных уступок. К этому следует добавить необязательность исполнения медиативного договора: если одна из сторон конфликта была поймана на неисполнении условия договора строительного подряда, то шансы исполнения внесудебного соглашения весьма невелики – и тут обманет.

5. *Медиация не способствует отсрочке исполнения обязательств.* Абсолютно непривлекательна медиация для тех участников взаимодействия в строительном производстве, которые по тем или иным причинам лишены возможности исполнить свои обязательства, предусмотренные договором строительного подряда. Вхождение в судебный процесс, а затем его затягивание является средством легальной отсрочки необходимости решать свои проблемы. Медиация для этой категории тяжущихся так же неприемлема, как и для тех, кто априори настроен на абсолютную победу в споре.

6. *Устойчивая тенденция к доступности, относительной дешевизне и скоротечности судопроизводства – успешного на сегодняшний день конкурента медиации.* За последние несколько лет в арбитражное процессуальное законодательство были вне-

сены изменения по ряду существенных направлений, ключевыми из которых являются: реализация права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумные сроки, обеспечение доступности правосудия, реализация права на судебную защиту, принцип правовой определенности и стабильности судебных актов, внедрение информационных технологий в деятельность арбитражных судов. Названные принципы успешно реализуются на практике.

Согласно статистическим данным, отраженным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации³, количество рассмотренных арбитражными судами дел в 2015 году составляло 1 531 480, в 2016 – 1 571 316, в 2017 – 1 747 979, в 2018 – 1 908 000 дел. Рост количества дел, таким образом, составил 9 % за 2018 год, а за четыре года – 24 %. Количество рассмотренных дел, в частности, Арбитражным судом Московской области в 2015 году составило 123 399, в 2016 году – 141 538, в 2017 году – 144 807, в 2018 году – 163 843 дела. Следовательно, рост количества дел здесь составил 13 % за 2018 год и 33 % – за четыре года. При этом отмечается низкий процент рассмотрения дел с нарушением срока – около 3,5 %.

Существует ряд иных преимуществ, таких как крайне невысокий размер государственной пошлины (от 2 до 200 тысяч рублей), заявлений о признании права и о признании сделки недействительной (6 тысяч рублей), развитие «удобных» форм судопроизводства: упрощенного и приказного производства, возможность дистанционного участия в судебных заседаниях, наличие сервисов электронного правосудия [4, 5].

Нужно признать, что все сказанное выше является бесспорным преимуществом рассмотрения споров в суде по сравнению с привлечением посредника для урегулирования конфликта во внесудебном порядке.

Заключение

Участники строительного производства, лица, осуществляющие инвестиционные проекты, на сегодняшний день не готовы к медиации. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего их ментальностью, которая в большей степени соответствует судебному порядку рас-

³ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>

смотрения и разрешения хозяйственно-экономических споров. Вместе с тем общая тенденция развития рыночных отношений в России позволяет говорить об определенном, вполне заметном движении от преимущественно криминальных способов решения конфликтов к цивилизованным их формам – через судебные процедуры.

Направление этого движения при благоприятных условиях предполагает постепенное повышение договороспособности участников строительного бизнеса, а значит, и более широкое использование медиации как средства разрешения споров. Эксперты-строители, как было отмечено выше, готовы способствовать этому в качестве эффективных медиаторов.

СПСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев Е.Г., Сутырина Е.В. Медиации при урегулировании споров в сфере строительства // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 3 (8). С. 27–32.
2. Дьяконова О.Г., Мотехина М.В. Как урегулировать спор с помощью медиации. Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ, 2013. 32 с. (Серия «Правовое просвещение населения»)
3. Дьяконова О.Г. Медиатор – посредник при разрешении спора или урегулировании конфликта // Восьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 14 декабря 2012 г.): сб. ст.: в 7 кн. Кн. 4: Проблемы предпринимательского и гражданского права, гражданского и арбитражного процесса / Под ред. М.Н. Илюшина и Е.В. Богданова. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 89–93.
4. Зайцева Л.И. Перспективы применения процедуры медиации в арбитражных судах Российской Федерации // Закон. 2012. № 3. С. 68–76.
5. Зайцева Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Известия Байкальского государственного университета. 2013. № 5 (91). С. 89–96. <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=18254>
6. Гайдаенко Шер Н.И. Примирительные и согласительные процедуры: сложности перевода, или на пути к единому понятийному аппарату // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 139–144. <https://doi.org/10.12737/art.2018.3.19>
7. Brooker P., Wilkinson S. (ed.). *Mediation in the construction industry: an international review*. London: Routledge, 2010. 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203893012>
8. Alfini J.J., Press S.B., Stulberg J.B. *Mediation Theory and Practice*. New York: Carolina Academic Press, 2013. 357 p.
9. Bush R.A.B., Folger J.P. *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict*. San Francisco: John Wiley & Sons, 2004. 304 p.
10. Allen T. *Mediation Law and Civil Practice*. London: Bloomsbury Professional, 2018. 416 p.
11. Brunet E., Speidel R.E., Sternlight J.E., Ware S.H. *Arbitration Law in America: A Critical Assessment*. New York: Cambridge University Press, 2006. 397 p.

REFERENCES

1. Zhuravlev E.G., Sutyryna E.V. Mediation in the argument regulation in the building sphere. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*. 2014. No. 3 (8). P. 27–32. (In Russ.)
2. D'yakonova O.G., Motekhina M.V. *How to settle a dispute by means of mediation*. Series "Legal education of the population". Tula: Tul'skii institut (filial) VGUYu, 2013. 32 p. (In Russ.)
3. D'yakonova O.G. Mediator as an intermediary in dispute and conflict resolution. *The 8th All-Russian Derzhavin Readings (Moscow, December 14, 2012): Collected papers: in 7 volumes. Vol. 4: Issues of business and civil law, civil and arbitration process / M.N. Ilyushin and E.V. Bogdanov (eds.)*. Moscow: RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2013. P. 89–93. (In Russ.)
4. Zaitseva L.I. Prospects for the application of mediation procedures in the arbitration courts of the Russian Federation. *Law*. 2012. No. 3. P. 68–76. (In Russ.)
5. Zaitseva L.I. Mediation as an Alternative Dispute Resolution in International Public Law. *Bulletin of Baikal State University*. 2013. No. 5 (91). P. 89–96. (In Russ.). <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=18254>
6. Gaidaenko Shaer N.I. Conciliation and Mediation: Difficulties in Translating, or on the Way to the Unified Terminology. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018. No. 3 (70). P. 139–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/art.2018.3.19>
7. Brooker P., Wilkinson S. (ed.). *Mediation in the construction industry: an international review*. London: Routledge, 2010. 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203893012>
8. Alfini J.J., Press S.B., Stulberg J.B. *Mediation Theory and Practice*. New York: Carolina Academic Press, 2013. 357 p.
9. Bush R.A.B., Folger J.P. *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict*. San Francisco: John Wiley & Sons, 2004. 304 p.
10. Allen T. *Mediation Law and Civil Practice*. London: Bloomsbury Professional, 2018. 416 p.
11. Brunet E., Speidel R.E., Sternlight J.E., Ware S.H. *Arbitration Law in America: A Critical Assessment*. New York: Cambridge University Press, 2006. 397 p.

12. Ismail Z., Abdullah J., Hassan P.F., Zin R.M. Mediation in Construction Industry? // *Journal of Surveying, Construction and Property*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.22452/jscp.vol1no1.1>
13. Фоломеев Е.В. Малый бизнес в экономике РФ: мифы и реальность // Сборник докладов и материалов IV Межд. науч.-практ. конф. «Инновации в отраслях народного хозяйства как фактор решения социально-экономических проблем современности» (Москва, 5–6 декабря 2014 г.). М.: Московский гуманитарный ун-т, 2014. С. 203–213.
14. Афанасьева Т.И. Проблемы интеграции медиации и медиативных технологий в юридическую деятельность // *Известия Байкальского государственного университета*. 2017. Том 27. № 1. С. 88–93. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27\(1\).88-93](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27(1).88-93)
15. Барсегян В. Что мешает медиации в России? // *Предпринимательство и право*. Информационно-аналитический портал. 10.08.2016. <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7576>
16. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. 264 с.
17. Вайнер А.А., Вайнер Г.А. Евангелие от палача. М.: Квадрат, ИКПА, 1991. 512 с.
18. Константинов А. Медиатор [интервью с Нильсом Кристи] // *Русский репортер*. 2011. № 18 (196). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2011/18/mediator/
12. Ismail Z., Abdullah J., Hassan P.F., Zin R.M. Mediation in Construction Industry? *Journal of Surveying, Construction and Property*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.22452/jscp.vol1no1.1>
13. Folomeev E.V. Small business in the economy of the Russian Federation: myths and reality. *Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference "Innovation in sectors of national economy as a factor of solving socio-economic problems of modernity"*. Moscow: Moscow University for the Humanities. 2014. P. 203–213. (In Russ.)
14. Afanasieva T.I. Problems of Integration of Mediation and Mediation Techniques into Legal Activity. *Bulletin of Baikal State University*. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 88–93. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27\(1\).88-93](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27(1).88-93)
15. Barsegyan V. What obstructs mediation in Russia? *Information and analytical portal "Business and law"*. 10.08.2016. (In Russ.). <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7576>
16. Orlov Yu.K. *Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings*. Moscow: IPK RFCFS, 2005. 264 p. (In Russ.)
17. Vainer A.A., Vainer G.A. *The Gospel of the Executioner*. Moscow: Kvadrat, IKPA, 1991. 512 p. (In Russ.)
18. Konstantinov A. Mediator [Interview with Neils Christie]. *The Russian reporter*. 2011. No. 18 (196). (In Russ.) URL: http://expert.ru/russian_reporter/2011/18/mediator/

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутырин Андрей Юрьевич – д. ю. н., заведующий лабораторией судебной строительно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; e-mail: stroisud@mail.ru

Статива Екатерина Борисовна – к. ю. н., ведущий государственный судебный эксперт лаборатории судебной строительно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; e-mail: stroisud@mail.ru

Жукова Оксана Викторовна – судья Истринского городского суда Московской области; e-mail: gedra@inbox.ru

Капусткина Анна Вячеславовна – преподаватель кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; e-mail: KapustkinaAV@mgsu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Butyrin Andrei Yur'evich – Doctor of Law, Head of the Laboratory of Construction Forensics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Professor at the Department of Construction and Property Management, Moscow State University of Civil Engineering; e-mail: stroisud@mail.ru

Stativa Ekaterina Borisovna – Candidate of Law, Leading State Forensic Expert of the Laboratory of Construction Forensics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Associate Professor at the Department of Construction and Property Management, Moscow State University of Civil Engineering; e-mail: stroisud@mail.ru

Zhukova Oksana Viktorovna – judge at the Istra district court of the Moscow region; e-mail: gedra@inbox.ru

Kapustkina Anna Vyacheslavovna – Lecturer at the Department of Organization of Construction and Real Estate Management, Moscow State University of Civil Engineering; e-mail: KapustkinaAV@mgsu.ru

Статья поступила: 15.04.2019

Received: 15.04.2019

Оценка достоверности заключения судебного эксперта при расследовании нарушений правил безопасности строительных работ

А.Е. Фоменко^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Челябинская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Челябинск 454071, Россия

² ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Челябинск 454001, Россия

Аннотация. Цель статьи – анализ актуальных проблем оценки достоверности заключения судебного эксперта, связанного с расследованием нарушений правил безопасности строительных работ в рамках уголовных дел, и определение путей их решения. В работе подробно рассмотрены следующие критерии оценки заключения эксперта: квалификация и компетентность эксперта, правильность составления заключения эксперта, полнота исследования и его научная обоснованность, согласованность и взаимосвязь полученных выводов с исследовательской частью заключения, убедительность заключения для следователя (суда) и других участников дела. На основе анализа экспертной практики приведены характерные примеры проблемных ситуаций, связанных с оценкой достоверности данного вида заключений, предложены и обоснованы способы их разрешения. Изложенные в статье сведения могут представлять практический интерес при подготовке оценочного суждения в отношении заключения эксперта по указанной категории дел.

Ключевые слова: доказательства, достоверность, заключение эксперта, нарушение правил безопасности строительных работ, несчастный случай, судебная строительно-техническая экспертиза, осмотр места происшествия, охрана труда, оценка, техника безопасности

Для цитирования: Фоменко А.Е. Оценка достоверности заключения судебного эксперта при расследовании нарушений правил безопасности строительных работ // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 16–23. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-16-23>

Validation of Forensic Expert's Opinion in Investigation of Safety Rules Violations in Construction Works

Aleksandr E. Fomenko^{1,2}

¹ Chelyabinsk Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Chelyabinsk 454071, Russia

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk 454001, Russia

Abstract. The article aims to review the pressing issues of expert's opinion validation in criminal cases related to investigation of safety rules violations in construction work and to find ways to resolve them. The following assessment criteria are addressed in the paper: expert's qualification and competence, correctness of an expert's opinion drafting, thoroughness and scientific validation of a research, coherence and correlation between findings and research part of an expert's opinion, cogency of an opinion to an investigator (court) and other parties to the proceedings. Based on the expert practice analysis typical examples of problem situations related to validation of this type of expert's opinions are given as well as the ways to resolve them are suggested and justified. The information presented may be of practical interest when preparing an evaluative judgement on an expert's opinion on the category of cases in question.

Keywords: evidence, validity, expert's opinion, safety rules violation in construction works, accident, construction forensics, crime scene examination, labor protection, evaluation, occupational safety

For citation: Fomenko A.E. Validation of Forensic Expert's Opinion in Investigation of Safety Rules Violations in Construction Works. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 16–23. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-16-23>

Введение

Целью статьи является анализ актуальных проблем оценки достоверности заключения судебного эксперта, связанного с нарушением правил безопасности строительных работ, и определение путей их решения. Понятию достоверности заключения эксперта и его оценке посвящены работы Е.Р. Россинской, Т.В. Аверьяновой, И.В. Овсянникова и др. В рамках строительно-технической экспертизы по указанной категории дел эта тема, в частности, рассмотрена в монографии А.Ю. Бутырина [1], где отражены характерные особенности данного оценочного суждения, а также связанные с ним проблемы и пути их преодоления. При этом часть из существующих проблем до настоящего времени изучена недостаточно. Статья призвана восполнить данные пробелы.

В системе свойств доказательств достоверность имеет определяющее значение, так как это свойство является фундаментальным, обеспечивающим установление истины по уголовному делу, а также законное, справедливое и обоснованное его решение.

Согласно частям 3 и 4 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК РФ) все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, толкуются в пользу обвиняемого, а обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Стоит отметить, что в законе отсутствуют какие-либо четкие критерии, позволяющие оценивать достоверность доказательств. Это, в частности, отмечает в своей работе И.В. Овсянников [2]. В общем случае к критериям, по которым можно оценить достоверность заключения эксперта, следует отнести:

- квалификацию и компетентность эксперта;
- правильность составления заключения;
- полноту исследования;
- научную обоснованность исследования;
- согласованность и взаимосвязь полученных выводов с исследовательской частью заключения;
- убедительность заключения для следователя, суда и других участников рассматриваемого дела.

Приведенный перечень свидетельствует о сложности оценки достоверности проведенного экспертного исследования. Между тем практика показывает, что в настоящее время имеется ряд проблем, связанных, в частности, с фальсификацией документации, предоставляемой на исследование экспертам; со сложностью для следователя, суда и других участников рассматриваемого дела смысла проведенного исследования и полученных выводов; с изменением обстановки места происшествия, которые искажают фактические исходные данные, и др.

Критерии оценки достоверности заключения эксперта

Рассмотрим подробнее критерии оценки достоверности заключения эксперта.

Оценка квалификации и компетентности эксперта обеспечивается проверкой наличия у эксперта следующих квалификационных характеристик: специального высшего образования, ученой степени или звания, подготовки по определенной экспертной специальности, стажа работы по ней.

Представляется, что следователю и суду следует оценивать квалификацию и компетентность эксперта до назначения экспертизы, например путем направления в экспертное учреждение предварительного запроса, кому из экспертов может быть поручено проведение экспертизы по конкретным вопросам, которые планируется поставить в постановлении. Соответственно, решение о поручении проведения экспертизы конкретному экспертному учреждению рекомендуется принимать после анализа сведений, полученных в ответ на указанный запрос. Представляется, что такой подход в подавляющем большинстве случаев позволил бы исключить в дальнейшем необходимость в проведении повторной экспертизы, основанием для назначения которой могут быть возникшие сомнения в достаточной квалификации и компетенции эксперта, выполнившего первичную экспертизу.

При оценке *правильности составления заключения* проверяют структуру документа и все необходимые реквизиты, предусмотренные ст. 204 УПК РФ. Обращается внимание на наличие согласованности и логической последовательности вводной, исследовательской частей заключения и его выводов. Стоит отметить, что схожие тре-

бования, предъявляемые в отношении исследований аварий и обрушений, являются традиционными для многих стран, на что указано в работе П. Аллеаума (P. Alleaume) с соавторами [3].

Отметим, что на практике оценке данного критерия далеко не всегда уделяется должное внимание. Нередко она ограничивается лишь беглой сверкой соответствия вводной части и выводов заключения эксперта с формулировками вопросов, содержащихся в постановлении о назначении экспертизы. Представляется, что такой формализованный подход недопустим. В частности, в отношении судебных строительно-технических экспертиз, связанных с несчастными случаями, произошедшими в результате нарушений правил безопасности при ведении строительных работ, при оценке правильности составления заключения необходимо обратить внимание на следующее:

- при указании экспертом в исследовательской части заключения об отсутствии в представленных материалах дела тех или иных документов, нужно проверить наличие в вводной части заключения сведений о заявленных ходатайствах эксперта о предоставлении отсутствующих документов и о результатах их удовлетворения;

- наличие в исследовательской части заключения списка используемых источников, если на таковые имеются ссылки по тексту;

- наличие подробных сведений о пострадавшем (пострадавших) при несчастном случае: об общем и профессиональном образовании, о прохождении медицинской комиссии, о прохождении обучения и аттестации по охране труда и технике безопасности, о получении всех необходимых видов инструктажей, о получении нормативно предусмотренного комплекта спецодежды и средств индивидуальной защиты, об опыте работы по специальности, о наличии алкогольного либо наркотического опьянения на момент несчастного случая и др.

Представленный перечень, разумеется, не является исчерпывающим, поскольку он может дополняться в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Вместе с тем он достаточен для подавляющего большинства указанной категории строительно-технических экспертиз.

Оценка полноты исследования сводится к установлению, на все ли вопросы, поставленные следователем или судом, экс-

перт дал ответы. При отказе эксперта дать ответ на тот или иной вопрос проверяется наличие мотивированного обоснования. Полнота исследования обеспечивается в том числе достаточным объемом представленных материалов, документов и т. д. При их недостаточности эксперт, как правило, должен направить субъекту доказывания, назначившему экспертизу, соответствующее ходатайство о предоставлении дополнительных материалов. На этом этапе субъекту доказывания обязательно нужно дать предварительную оценку достоверности тех материалов, которые планируется представить эксперту в порядке удовлетворения его ходатайства.

Приведем пример из практики производства судебных строительно-технических экспертиз, связанных с несчастными случаями, произошедшими в результате преступных нарушений правил безопасности при ведении строительных работ. Так, на начальной стадии проведения исследования по вопросам, поставленным на разрешение экспертизы, эксперт знакомится с представленными материалами дела. В ходе ознакомления эксперт определяет перечень документов, которые отсутствуют в представленных материалах дела, но в принципе должны существовать в соответствии с нормативным порядком, регламентирующим проведение работ, при проведении которых произошел несчастный случай. Далее эксперт готовит и направляет в адрес лица или органа, назначившего экспертизу, соответствующее ходатайство о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для проведения исследования.

Здесь нужно обратить внимание на особенности документов, которые запрашиваются экспертом. В общем случае это: журналы инструктажей, журналы выдачи нарядов-допусков на работы повышенной опасности и сами наряды-допуски, журналы работ, должностные инструкции, карточки выдачи спецодежды, проекты производства работ и др. К особенностям указанных документов относится то, что в них, как правило, должны иметься личные подписи должных лиц и работников организации, подтверждающие их ознакомление с тем или иным документом, либо получение инструктажа, спецодежды и т. д. В итоге в подавляющем большинстве случаев указанное ходатайство экспертов удовлетворяется в полном объеме либо частично путем предоставления пакета документов. Нередко эти до-

кументы представляют собой абсолютно новые экземпляры журналов, бланков рядов-допусков и т. д., написанные аккуратным почерком и содержащие все необходимые подписи. Тем, кто имел или имеет отношение к строительству, известно, в каких условиях ведется вышеуказанная документация на практике – это производственные площадки, строительные вагончики, цеха, в лучшем случае комнаты мастеров, начальников участков, уголки охраны труда и техники безопасности. При этом работники организаций в подавляющем большинстве случаев знакомятся с необходимыми документами и подписывают их, находясь в рабочей спецодежде, используемой в отнюдь не «стерильных» условиях стройки. Не нужно быть специалистом в области почерковедения, чтобы в дополнительно представленных эксперту документах увидеть подписи, которые явно далеки от оригиналов подписей работника, пострадавшего при несчастном случае. При этом оригиналы подписей, как правило, имеются в первично представленных материалах дела – например, в копиях общегражданского паспорта, трудового договора, трудовой книжки, приказа о приеме на работу и др.

Все это может свидетельствовать о том, что дополнительно представленные эксперту документы с большой степенью вероятности выполнены задним числом, одномоментно и уже после произошедшего несчастного случая. Фальсификация документации, сопутствующей строительному производству, присуща не только нашей стране, но и проявляется в разных формах в строительной индустрии во всем мире [4–6]. Существенное влияние фальсифицированных исходных данных на заключение эксперта, которое в результате может оказаться ошибочным, отмечает в своей работе В.В. Бушуев [7].

Не секрет, что в настоящее время появилось большое количество разного рода фирм, предлагающих услуги по подготовке для любой организации необходимого пакета документов, связанных с системой охраны труда и техники безопасности. Представляется, что именно услугами таких фирм зачастую пользуются нерадивые работодатели, в организациях которых произошел несчастный случай с работником. Только вот услуги эти оказываются уже после несчастного случая, а результаты этих услуг направляются эксперту на исследование. Разумеется, что достоверность таких

документов вызывает объективные сомнения. Между тем проверка их достоверности органом или лицом, назначившим экспертизу, фактически никогда не проводится. На наш взгляд, на это следует обратить их особое внимание. Во-первых, по нашему мнению, всю подобную документацию следует изымать в организации в самом начале следственных действий, что называется по горячим следам, и желательно в сотрудничестве и с привлечением специалиста в области охраны труда и техники безопасности либо после соответствующей консультации экспертов. Во-вторых, в случае предоставления указанной документации с задержкой, которая может предполагать ее изначальное отсутствие и изготовление задним числом, рассмотреть вариант назначения почерковедческой экспертизы для установления подлинности подписей пострадавшего в спорных документах (разумеется, в случае наличия условий для проведения такой экспертизы, например при наличии и достаточности сравнительных образцов почерка погибшего работника).

Достоверность заключения эксперта по делам, связанным с несчастными случаями, произошедшими в результате преступных нарушений правил безопасности при ведении строительных работ, напрямую связана с достоверностью исходных данных, полученных экспертом от лица или органа, назначившего экспертизу. Одной из актуальных проблем в этом отношении остается достоверность сведений, изложенных в протоколе осмотра места происшествия. Это связано с действиями работников организации, осуществляющей работы, при которых произошел несчастный случай. Нередко эти действия осознанно либо неосознанно приводят к изменению обстановки места происшествия. В этой связи в ходе проведения осмотра следователю, наряду с прочим, необходимо в обязательном порядке выяснить: вносились ли изменения в обстановку места происшествия? Если такие факты имелись, установить, кем и с какой целью они были внесены? Какие предметы, кем и куда перемещались? Где на момент проведения осмотра находятся перемещенные предметы?

Все эти данные должны быть тщательно проверены и только после этого переданы эксперту. В ходе проведения исследования эксперт, как правило, мысленно проводит реконструкцию и моделирование ситуационной обстановки на месте проведения ра-

бот, непосредственно предшествовавшей моменту происшествия несчастного случая. Поэтому только наличие достоверных, тщательно проверенных и детализированных исходных данных, собранных следователем, позволят эксперту получить объективную и достоверную картину произошедшего.

Таким образом, оценка полноты исследования по рассматриваемой категории строительно-технических экспертиз не должна ограничиваться формальным подтверждением использования и учета всей представленной эксперту документации и наличия ответов на все вопросы, поставленные следователем или судом. В данном случае необходимой составляющей должна быть предварительная оценка подлинности той документации, которая была представлена на исследование эксперту. Только это будет гарантировать достоверность заключения эксперта и возможность его использования в качестве бесспорного доказательства по делу. В противном же случае даже безупречно составленное заключение эксперта будет ошибочным, не отражающим объективную действительность.

При оценке *научной обоснованности исследования* необходимо опираться на положения ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и обратить внимание на применение экспертом научных знаний (специальных знаний), а также методов и методик исследования¹. Используемые экспертом методы и методики должны быть научно обоснованными и практически апробированными для данного рода (вида) экспертизы. Заключение должно быть доступным и понятным для всех участников рассматриваемого дела, и для его интерпретации не должны требоваться специальные знания. При этом наличие в заключении эксперта специальных терминов и обозначений вполне допускается, но их разъяснение должно быть ясным, позволяющим однозначно толковать смысл проведенного исследования и полученных выводов.

Применительно к судебной строительно-технической экспертизе, связанной с исследованием нарушений правил безопасности строительных работ, можно отметить, что на сегодняшний день не существует

нормативно определенных понятий причины и вида причинной связи. Между тем перечень видов причинной связи, которые описаны в специальной литературе, разнообразен. Так, например, выделяются такие характерные виды причинной связи, как последовательная, параллельная, концентрическая, круговая и другие [8].

К последовательной относится причинная связь событий, при которой одно событие (действие) вызывает второе, второе – третье и так далее до того момента, когда последнее приводит к негативному последствию. Такая связь может иметь как организационный, так и технический характер.

Параллельной считается причинная связь, когда несколько автономных по отношению друг к другу связей порождают одну общую причину.

Концентрической является причинная связь, при которой один фактор становится источником нескольких причин, раскрывающихся параллельно и вызывающих одну общую причину.

Круговой считается причинная связь, при которой последовательность действий, рабочих операций, выполняемых с отступлениями от требований специальных правил, имеет циклический, повторяющийся характер. При этом совокупность выполнения таких действий не приводит к негативному событию до тех пор, пока не начнет действовать какой-либо новый негативный фактор, либо те или иные условия происходящего не изменят своих характеристик.

На множественные различия терминологии причинности в современной науке за рубежом обращают внимание в своих работах М. Бунге (M. Bunge) [9] и Д. Перл (J. Pearl) [10].

Наряду с изложенным, сложность оценки данной категории заключений экспертов обусловлена большой многогранностью причин несчастных случаев и аварий в строительстве. Причем эта многогранность не является характерной чертой лишь отечественной строительной индустрии. Так, в Малайзии происходящие на строительных площадках несчастные случаи и аварии могут быть вызваны множеством причин: работой без полномочий, неспособностью предупредить других об опасности, отсутствием ограждений, неадекватными системами оповещения о пожаре, чрезмерным шумом, плохим освещением, финансовыми ограничениями, отсутствием образования, недостаточной подготовкой, плохой систе-

¹ Метод является способом решения определенной задачи, а методика – это совокупность методов.

мой контроля качества, перегрузками в работе, отраслевыми традициями, отношением общества к риску и конкуренцией между подрядчиками [11].

Анализ более 1 600 000 несчастных случаев, произошедших с рабочими в строительном секторе в Испании за период 1990–2000 годов, также свидетельствует о множественности причин произошедших аварий и несчастных случаев [12].

При таком многообразии причин несчастных случаев, а также понятий, связанных с причинностью, эксперту в заключении следует привести используемое им толкование терминов «причина», «причинная связь» и т. д., что обеспечит их определенность и позволит следователю, суду и другим участникам рассматриваемого дела однозначно понимать смысл проведенного исследования и полученных выводов.

Таким образом, в общем случае оценка научной обоснованности исследования должна сводиться к установлению:

- использования экспертом научно обоснованных и практически апробированных для данного рода (вида) экспертизы методов и методик;

- ясности и доступности заключения эксперта для всех участников рассматриваемого дела;

- наличия в заключении толкований терминов «причина», «причинная связь» и т. д., позволяющих однозначно понимать смысл проведенного исследования и полученных выводов.

Оценка согласованности и взаимосвязи полученных выводов с исследовательской частью заключения заключается в установлении наличия в заключении эксперта смысловой взаимосвязи и соответствия между его исследовательской частью и выводами.

Рассмотрим пример из практики производства судебных строительно-технических экспертиз. Допустим, что в выводах заключения эксперта указано, что определенное лицо не выполнило конкретные положения своей должностной инструкции, в связи с чем работы повышенной опасности проводились без оформления наряда-допуска, а это в свою очередь повлекло несоблюдение необходимых условий безопасности и привело к травмированию работника. В этой связи при ознакомлении с исследовательской частью заключения необходимо обра-

тить внимание на наличие в ней следующих составляющих:

- извлечения из должностной инструкции указанного должностного лица;

- приказа о назначении указанного лица ответственным за выдачу наряда-допуска на работы повышенной опасности;

- ссылки на нормативные документы, которые относят работы, при выполнении которых произошел несчастный случай, к работам повышенной опасности, на которые в обязательном порядке должен оформляться наряд-допуск. Подтвержденное наличие в исследовательской части указанных составляющих будет свидетельствовать о ее согласованности и взаимосвязи с полученными выводами. В отдельных случаях для оценки данного критерия рекомендуется привлечь специалиста, обладающего специальными знаниями в данной области.

Оценка убедительности заключения для следователя, суда и других участников рассматриваемого дела, пожалуй, является венцом всей оценки достоверности заключения эксперта и, по существу, складывается из совокупности всех рассмотренных выше критериев. Вместе с тем к дополнительным условиям оценки данного критерия можно отнести аргументированность проведенного исследования, ясность и определенность выводов, грамотность и лаконичность выводов, отсутствие в выводах каких-либо противоречий.

Противоречия в заключении эксперта могут проявляться в наличии вероятного либо условного характера обоснования выводов в исследовательской части заключения при их категорическом характере в выводах. Это может быть связано, с одной стороны, с излишней осторожностью и отсутствием полной уверенности эксперта в собственной правоте при составлении исследовательской части заключения, с другой – со стремлением эксперта к лаконичности и категоричности при формулировке выводов. Наличие таких нестыковок, безусловно, не прибавляет убедительности заключению эксперта.

Таким образом, чтобы установить один из основных признаков убедительности заключения эксперта достаточно определить наличие либо отсутствие соответствия характера полученных выводов (категоричности, степени подтверждения установленных данных) и характера их обоснования в исследовательской части.

Три варианта оценки достоверности заключения судебного эксперта

В процессе оценки достоверности заключения судебного эксперта, как правило, возможны три варианта ее результатов.

В первом варианте заключение обладает всеми признаками достоверности: эксперт обладает достаточной квалификацией и компетентностью, заключение составлено правильно, исследование проведено полно и научно обосновано, исследовательская часть и выводы заключения взаимосвязаны и согласованы, убедительность заключения не вызывает сомнения. В этом случае у следователя или судьи имеются все основания использовать данное заключение эксперта наряду с другими доказательствами по делу.

Во втором варианте заключение эксперта, обладая большей частью признаков достоверности, тем не менее является недостаточно ясным или полным. В этом случае в соответствии с ч. 1 ст. 207 УПК РФ имеются основания для назначения дополнительной судебной экспертизы, проведение которой может быть поручено тому же или другому эксперту. Стоит отметить, что не во всех случаях этот вариант оценки достоверности заключения эксперта должен обязательно заканчиваться назначением дополнительной экспертизы. Часто недостатки, обусловленные неясностью и неполнотой заключения, могут быть легко устранены путем допроса эксперта по данному им заключению.

В третьем варианте заключение эксперта практически не обладает признаками достоверности, поскольку возникают сомнения в его обоснованности или имеются противоречия в выводах эксперта или экспертов. В таком случае в соответствии с

ч. 1 ст. 207 УПК РФ имеются основания для назначения по тем же вопросам повторной экспертизы, проведение которой поручается другому эксперту.

Заключение

Надлежащая оценка достоверности заключения судебного эксперта, связанного с расследованием нарушений правил безопасности строительных работ, может быть выполнена только с учетом всех перечисленных критериев. Рассмотренные в статье актуальные проблемы оценки достоверности заключений по указанной категории дел, а также способы их решения позволят, на наш взгляд, достаточно эффективно выполнить эту важную часть работы следователя и суда. При оценке достоверности заключения эксперта рекомендуется активно использовать такие инструменты, как допрос эксперта по данному им заключению и привлечение специалиста. Результаты оценки позволят принять решение о признании заключения достоверным полностью или частично и возможности его использования в качестве доказательства по делу либо о признании данного заключения недостоверным и недопустимым доказательством.

Благодарности. Автор выражает благодарность и глубокую признательность доктору юридических наук, заведующему лабораторией судебной строительно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессору кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета А.Ю. Бутырину за советы и ценные замечания при работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутырин А.Ю. Судебная строительно-техническая экспертиза в расследовании несчастных случаев и аварий. Монография. Москва: РФЦСЭ, 2003. 320 с.
2. Овсянников И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7. С. 35–41.
3. Alleaume P., Bodin O., Jarrault M., Klein B. Expertise Construction: Responsabilités, Dommages Ouvrage, Expertise et Rapports. Paris: Le Moniteur, 2013. 358 p.
4. Carpenter J. Release of data following a serious incident in the UK construction industry // Proceedings of the Institution of Civil Engineers

REFERENCES

1. Butyrin A.Yu. *Construction forensics in incidents and accidents investigations. Monograph.* Moscow: RFCFS, 2003. 320 p. (In Russ.)
2. Ovsyannikov I.V. The issue of evidence validity in the Russian law of evidence. *Modern law.* 2004. No. 7. P. 35–41. (In Russ.)
3. Alleaume P., Bodin O., Jarrault M., Klein B. *Expertise Construction: Responsabilités, Dommages Ouvrage, Expertise et Rapports.* Paris: Le Moniteur, 2013, 358 p. (In French).
4. Carpenter J. Release of data following a serious incident in the UK construction industry. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers*

- *Forensic Engineering*. 2015. Vol. 168. Issue 3. P. 140–147.
<https://doi.org/10.1680/feng.14.00009>
5. Reese Ch.D. *Accident/Incident Prevention Techniques*. 2nd ed. Florida: CRC Press, 2011. 624 p. <https://doi.org/10.1201/b11390>
 6. Zhipeng Zh., Goh Y.M., Li Q. Overview and analysis of safety management studies in the construction industry // *Safety Science*. 2015. Vol. 72. P. 337–350.
<https://doi.org/10.1016/j.ssci.2014.10.006>
 7. Бушуев В.В. Экспертные ошибки: причины и профилактика // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 3. С. 23–26.
 8. Бутырин А.Ю. *Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы*. М.: Городец, 2006. 224 с.
 9. Bunge M. *Causality and Modern Science*. 3rd ed. New York: Dover Publications, 2011. 448 p.
 10. Pearl J. *Causality: models, reasoning and conclusions*. New York: Cambridge University Press, 2003. Vol. 19. Issue 4. 386 p.
<https://doi.org/10.1017/S0266466603004109>
 11. Ali A.S., Kamaruzzaman S.N., Sing G.S. Study on Causes of Accident and Prevention in Malaysian Construction Industry // *Journal of Design + Built*. 2010. Vol. 3. P. 95–104.
 12. López M.A.C., Ritzel D.O., Fontaneda I., Alcantara O.J.G. Construction industry accidents in Spain // *Journal of Safety Research*. 2008. Vol. 39. Issue 5. P. 497–507.
<https://doi.org/10.1016/j.jsr.2008.07.006>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фоменко Александр Евгеньевич – заведующий отделом строительно-технических, экономических и товароведческих экспертиз Челябинской лаборатории судебной экспертизы Минюста России; e-mail: chel_lse@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Fomenko Aleksandr Evgen'evich – Head of the Department of Forensic Engineering, Economics and Commodity Evaluation of the Chelyabinsk Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: chel_lse@mail.ru

Статья поступила: 30.04.2019
 Received: 30.04.2019

Право эксперта заявлять ходатайства как реализация экспертной инициативы

О.Г. Дьяконова

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», Коломна 140410, Россия

Аннотация: Вопросы прав эксперта на инициативу при производстве экспертного исследования весьма актуальны, поскольку их надлежащее нормативное регулирование до сих пор отсутствует. В статье анализируются положения законодательства о судебно-экспертной деятельности стран – участниц Евразийского экономического союза, Модельного закона Евразийского экономического сообщества о судебно-экспертной деятельности, а также точки зрения ряда ученых на сущность, структуру, проявление, пределы и регламентацию экспертной инициативы. Рассмотрен вариант закрепления права эксперта на экспертную инициативу посредством установления его права заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством судебной экспертизы. Автор предлагает внести в законодательство о судебно-экспертной деятельности дополнения по закреплению конкретизированного права эксперта на заявление ряда ходатайств. В частности, о привлечении к производству экспертизы других экспертов, продлении срока производства экспертизы, изменении формулировок поставленных в определении/постановлении о назначении судебной экспертизы вопросов с сохранением их смыслового содержания, отмене разрешения присутствовать при производстве судебной экспертизы участнику процесса, если при этом он мешает эксперту. В качестве возможного варианта сокращения временных и финансовых затрат на ходатайства эксперта предложен примерный порядок их направления в электронном виде.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, эксперт, экспертная инициатива, право эксперта на заявление ходатайства*

Для цитирования: Дьяконова О.Г. Право эксперта заявлять ходатайства как реализация экспертной инициативы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 24–34.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-24-34>

The Expert Right to Submit Petitions as an Exercise Form of Expert Initiative

Oksana G. Dyakonova

State University of Humanities and Social Studies, Kolomna 140410, Russia

Abstract: The issues of an expert right of initiative when undertaking a study is very relevant to this day since there is still no proper legal regulation. The provisions of legislation on expert activities of the member States of the Eurasian Economic Union, the Model Law of the Eurasian Economic Community on forensic activities, as well as scientific positions on the nature, structure, exercise, limits and regulation of expert initiative are analyzed in the article. An opportunity to establish the expert initiative right by entitling him to submit petitions connected with appointment and production of forensic examination is examined. The author proposes to make additions to the existing legislation on forensic activities to enshrine the specific expert right to submit a range of petitions. For instance, to invite other experts to examination; to extend the term of examination; to change the wording of the issues for expertise preserving their semantic content in the decision on the appointment of an examination, to withdraw permission for a proceedings participant to attend an examination if he obstructs the work of an expert. As a possible way to reduce the time and financial costs to resolute the expert's petitions an exemplary order of their submission in electronic form is proposed.

Keywords: *forensic expertise, expert, expert initiative, the expert right to submit petitions*

For citation: Dyakonova O.G. The Expert Right to Submit Petitions as an Exercise Form of Expert Initiative. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 24–34. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-24-34>

Введение

Являясь востребованной формой использования специальных знаний в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности, экспертиза нуждается в качественном нормативном регулировании. Особенно остро встает вопрос о процессуально-правовом статусе эксперта, проводящего исследование, поскольку, выполняя идентичную функцию в различных видах судопроизводства, он, как ни странно, не обладает равнозначными правами. И в определенной степени перечень прав эксперта в существующих в России на сегодняшний день видах судопроизводства различается. Как показывает практика, качественное выполнение возложенных на эксперта обязанностей напрямую зависит от объема и надлежащего законодательного закрепления его возможностей и инициатив.

Ряд предоставленных процессуальным законодательством эксперту прав выступает в качестве возможностей реализации экспертной инициативы. К таким правам, по нашему мнению, относятся:

1) право частного эксперта или сотрудника экспертной организации заявлять ходатайство лицу (органу), ведущему процесс, лично или через руководителя судебно-экспертной организации;

2) право самостоятельно выбирать методику и методы проведения экспертного исследования;

3) право переформулировать вопросы, поставленные в определении/постановлении о назначении судебной экспертизы, не изменяя их смыслового содержания;

4) право указывать в заключении сведения и обстоятельства, выявленные в ходе проведения экспертизы и имеющие отношение к объекту исследования, по поводу которых эксперту не были поставлены вопросы.

Возможность эксперта обращаться с ходатайством к лицу (органу), ведущему процесс, по вопросам, касающимся производства судебной экспертизы, полагаем, должна быть неотъемлемым правом эксперта, поскольку она обеспечивает выполнение экспертом одной из важнейших его обязанностей – проведение полного и объективного исследования.

Проблема реализации экспертной инициативы была предметом исследования многих ученых, посвятивших свои труды процессуально-правовому статусу эксперта в судопроизводстве (Р.С. Белкина, Л.В. Виницкого,

Р.С. Россинской, Е.А. Зайцевой, А.Р. Белкина и других).

Применение метода сравнительно-правового исследования позволяет провести анализ нормативной регламентации указанного права эксперта в странах – участницах ЕАЭС.

Результаты и обсуждение

В действующем законодательстве стран – участниц ЕАЭС недостаточно обстоятельно регламентирован данный вопрос. Так, в ст. 23 Модельного закона ЕврАзЭС о судебно-экспертной деятельности (СЭД)¹ и в ст. 17 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ о ГСЭД) закреплено право эксперта заявлять ходатайство о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения. Кроме того, в абзаце четвертом ст. 24 ФЗ о ГСЭД установлено право эксперта ходатайствовать перед органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, об отмене разрешения присутствовать при производстве судебной экспертизы участнику процесса, присутствующему при производстве судебной экспертизы и мешающему эксперту. Аналогичное положение содержится в ст. 29 Модельного закона ЕврАзЭС о СЭД, в ч. 3 ст. 35 Закона Республики Казахстан (РК) о судебно-экспертной деятельности², и его предлагается внести в ст. 23 проекта закона Республики Беларусь (РБ) о СЭД³.

В п. 2 ч. 1 ст. 23 Закона РК о СЭД право эксперта заявлять ходатайства также ограничено вопросами предоставления ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, и принятия мер безопасности.

¹ Типовой проект законодательного акта (модельный закон) «О судебно-экспертной деятельности». Принят Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества. Постановление от 11 апреля 2013 г. № 15-6 [Электронный ресурс]. <http://lawbelarus.com/014145> (дата обращения: 01.10.2018).

² Закон Республики Казахстан № 44-VI от 10.02.2017 «О судебно-экспертной деятельности». <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 01.10.2018).

³ Проект закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности». <http://www.sudmed.mogilev.by/proiekt-zakona-riepublik-bielarus-o-sudiebno-ekspiernoi-dieiatielnosti.html> (дата обращения: 01.10.2018).

В п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона Кыргызской Республики (КР) о судебно-экспертной деятельности⁴ эксперту предоставляется право ходатайствовать перед руководителем соответствующей судебно-экспертной организации о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов о предоставлении дополнительных материалов (п. 4 ч. 1 ст. 21), а также «присутствовать при проведении следственных или судебных действий и заявлять ходатайства, касающиеся предмета судебной экспертизы»⁵ (п. 12 ч. 1 ст. 21). Идентичное положение закреплено в ст. 23 Модельного закона ЕвразЭС о СЭД и ст. 22 проекта федерального закона о СЭД⁶.

В ст. 16 проекта закона Республики Беларусь о СЭД предложено предоставить эксперту право заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения эксперта; о привлечении к проведению экспертизы других экспертов экспертного учреждения и иных субъектов экспертной деятельности, если их специальные знания необходимы для дачи заключения эксперта; об изменении формулировки поставленного перед ним вопроса с учетом использования применяемых в данной сфере деятельности специальных терминов и понятий; о принятии мер по обеспечению его безопасности, безопасности членов его семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества.

Однако в процессуальных кодексах закреплено право эксперта подавать ходатайства по нескольким либо по одному определенному вопросу. Так, право эксперта ходатайствовать о предоставлении эксперту дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, предусмотрено п. 2 ч. 2 ст. 57 УПК РФ, п. 1 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ, ч. 3 ст. 55 АПК РФ, ч. 3 ст. 85 ГПК РФ, п. 4 ч. 13 ст. 49 КАС РФ, п. 2 ст. 272 КоАП Республики Армения, п. 2 ч. 2 ст. 61 УПК РБ, п. 2 ст. 97 ГПК РБ, ст. 70 ХПК РБ, п. 2 ч. 2 ст. 4.7 ПИКоАП РБ, п. 2 ч. 6 ст. 59

УПК КР, п. 2 ч. 4 ст. 319 Кодекса КР о нарушениях, ч. 2 ст. 96 ГПК КР, п. 2 ч. 3 ст. 79 УПК РК, ч. 1 ст. 91 ГПК РК, ч. 2 ст. 757 КоАП РК. Право ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов установлено в п. 2 ч. 2 ст. 57 УПК РФ, ч. 3 ст. 85 ГПК РФ, п. 4 ч. 13 ст. 49 КАС РФ, п. 2 ч. 2 ст. 61 УПК РБ, п. 2 ч. 2 ст. 4.7 ПИКоАП РБ. Право эксперта заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, установлено только ч. 1 ст. 119 УПК РФ и ст. 125 УПК РК.

УПК Республики Армения не конкретизирует право эксперта заявлять ходатайства, но в ч. 2 ст. 249 УПК Республики Армения предусмотрено, что при назначении судебной экспертизы лицо, ее назначившее, вручает эксперту постановление о назначении экспертизы, разъясняет его права и обязанности и предупреждает об установленной ответственности, в связи с чем составляется протокол, в котором отмечаются сделанные экспертом заявления и его ходатайства.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 61 УПК РБ и п. 3 ч. 3 ст. 79 УПК РК эксперт также имеет право ходатайствовать о принятии мер по обеспечению его безопасности, безопасности членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, и имущества.

Следует отметить формулировку п. 3 ч. 6 ст. 59 УПК КР, согласно которой эксперт вправе «*требовать* предоставления ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения или проведения экспертизы с участием других экспертов». Полагаем, что право требовать и право заявлять ходатайство все же несколько различаются. Право требовать имеется у того субъекта, который обладает властными полномочиями, например у суда. У эксперта, и это представляется вполне достаточным, должно быть право заявлять ходатайство.

Право на заявление ходатайств в специальной литературе рассматривается в связи с вопросами реализации экспертной инициативы. Понятию, формам и проблемам реализации экспертной инициативы посвятили свои работы многие ученые. Так, Р.С. Белкин сформулировал определение экспертной инициативы: «...установление экспертом по собственному усмотрению фактов и обстоятельств, не предусмотрен-

⁴ Закон Кыргызской Республики от 24.06.2013 № 100 «О судебно-экспертной деятельности». http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=60856 (дата обращения: 01.10.2018).

⁵ Здесь и далее курсив автора.

⁶ Проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (редакция, принятая ГД ФС РФ в первом чтении 20.11.2013) // СПС «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=102984> (дата обращения: 01.10.2018).

ных экспертным заданием, но имеющих значение для дела... Чаще всего выражается в установлении экспертом обстоятельств, способствовавших совершению преступления, конструктивных дефектов исследуемых объектов и т. п.» [1, с. 42]. По сути, Р.С. Белкин отметил реализацию профилактической функции эксперта, выраженной в экспертной инициативе. В последующем на этот аспект обратил внимание и А.Р. Белкин [2, с. 91]. Тем не менее Р.С. Белкин подчеркивал, что выражение экспертной инициативы в непредусмотренных законом формах следует относить к ошибкам процессуального характера, которые заключаются в нарушении экспертом процессуальных режимов и процедуры экспертного исследования [3, с. 328]. Помимо этого, в качестве субъективной причины экспертных ошибок Р.С. Белкин выделял «стремление проявить экспертную инициативу без достаточных к тому оснований, утвердить свой приоритет в применении нетривиальных методов решения экспертной задачи, отличиться новизной и дерзостью решения, оригинальностью суждений и выводов» [3, с. 333].

Л.В. Веницкий и С.Л. Мельник полагают, что экспертная инициатива определяется «как уголовно-процессуальная категория, согласно которой эксперт при исследовании конкретных объектов убеждается в наличии возможности выйти за рамки сформулированного следователем (судом) задания и реализует данную возможность путем формулирования дополнительных сведений, относящихся к предмету доказывания» [4, с. 57]. А.Р. Белкин предлагает определять экспертную инициативу как «право эксперта выйти за формальные рамки поставленного перед ним задания, в том числе поставить и разрешить дополнительный вопрос, имеющий значение для уголовного дела, но не поставленный лицом, назначившим экспертизу, либо по согласованию с этим лицом изменить формулировку поставленного перед экспертом вопроса» [5, с. 203] и закрепить данный термин в п. 59² ст. 5 УПК РФ.

А.В. Кудрявцева считает, что «право эксперта на инициативу – это право устанавливать на основе специальных познаний фактические обстоятельства дела, а также причины, условия совершения преступления, если вопросы о них перед экспертом не были поставлены. Право эксперта на инициативу может быть реализовано, если: 1) фактические данные, о которых ему не

поставлены вопросы, входят в предмет экспертизы данного рода (вида); 2) установление таких фактических данных вытекает из проведенных исследований и не требует отдельных самостоятельных исследований; 3) установление фактических данных производится экспертом в пределах тех объектов и материалов дела, которые ему представлены следователем и судом»⁷. Считаем, что данное понимание экспертной инициативы является довольно узким, поскольку ограничивает эксперта в ее реализации.

Е.А. Зайцева пишет, что закрепленное в п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК право эксперта «давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования... можно рассматривать как проявление экспертной инициативы в узком смысле слова... В широком смысле, право эксперта на инициативу – «это слагаемое всех прав, которыми эксперт пользуется, проявляя активность и процессуальную самостоятельность»⁸.

Тем не менее, отмечая существование права на экспертную инициативу, не все авторы признают необходимость его развития даже с учетом соответствующих ограничений. Так, Т.В. Сахнова пишет, что «право на экспертную инициативу противоречит принципу состязательности, не в полной мере согласуется с функциями суда в процессе, не соответствует требованиям гражданско-процессуальной формы (недопустимость смешения процессуальных функций), а в некоторых случаях, при назначении экспертизы в отношении субъекта процесса, способно привести к нарушению прав человека (права на неприкосновенность личности). В этой связи обосновывается необходимость отказаться в будущем от права на экспертную инициативу»⁹. Представляется, что сформулированное в законодательстве должным образом, с установленными пределами ее осуществления экспертом, положение об экспертной инициативе вполне

⁷ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.

⁸ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с. (С. 244).

⁹ Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1998. 62 с. (С. 16).

может позволить ее реализовывать без допущения приведенных Т.В. Сахновой недостатков.

Е.В. Иванова отмечает, что «принципиальное значение имеет наличие права эксперта в рамках его специального статуса на проявление при производстве экспертизы инициативы, определяемой как деятельность эксперта, основанная на специальных познаниях и профессиональном опыте и направленная на выявление новых существенных обстоятельств судебного дела, не предусмотренных заданием на проведение экспертизы. <...> Необходимость принятия соответствующей нормы продиктована тем, что органы, назначающие экспертизу, не всегда могут установить верный объем задания эксперту, так как информация о новых возможностях судебной экспертизы, как правило, доходит до следователя (суда) с опозданием» [6].

Экспертная инициатива может выражаться в различных формах. Л.В. Виноцкий и С.Л. Мельник определяют формы экспертной инициативы на этапе уяснения и уточнения экспертных задач и иных стадиях исследования. В первом случае проявление экспертной инициативы выражается в таких формах, как «ходатайство о предоставлении дополнительных материалов, сведений об условиях хранения, транспортировки, эксплуатации поступивших на исследование объектов, сведений о технологии их производства, об участии в процессуальных действиях и необходимости задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы, о необходимости проведения с участием эксперта конкретного следственного действия, о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, о приглашении следователя участвовать при производстве экспертизы. Проявление экспертной инициативы на иных стадиях исследования сводится к определению наиболее рационального пути проведения исследования и таким образом определить последовательность решения поставленных задач. В порядке инициативы может быть проведен эксперимент и реконструкция на месте происшествия. Уже в процессе проведения определенных исследований эксперт может ходатайствовать о проведении следственного действия с его участием» [4, с. 255].

И.В. Глазунова выделяет две разновидности форм экспертной инициативы: «... прямо предусмотренные УПК РФ и не пред-

усмотренные им достаточно определенно. Первая группа включает: расширение экспертом объема исследования, реализацию экспертом прав, предусмотренных УПК РФ (в отношении всех судебных экспертов в уголовном процессе) и ФЗ о ГСЭД (этим правами обладает только государственный судебный эксперт). Вторая группа представлена следующими действиями эксперта: сужением объема исследования, получением объектов исследования, профилактической деятельностью, иными инициативными действиями эксперта»¹⁰.

Полагаем, наиболее частой формой выражения экспертной инициативы является зафиксированное в ч. 2 ст. 204 УПК РФ положение, в соответствии с которым эксперт вправе указать в своем заключении обстоятельства, выявленные при производстве судебной экспертизы и имеющие значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы. Данное положение установлено в ст. 23 Модельного закона ЕврАзЭС о СЭД. Статья 333 Устава уголовного судопроизводства¹¹ содержала весьма прогрессивное положение, которое касалось проведения сведущим лицом освидетельствования, но, по сути, распространялось и на осмотр, и на исследование: «...сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимание, но исследование которых может привести к открытию истины». Эта норма позволила некоторым авторам заключить, что Устав учреждал задатки экспертной инициативы [4, с. 57], и следует признать, что они правы. Следователь ставил перед сведущим лицом четко определенное задание (ст. 332 Устава), а, выходя за его пределы, сведущее лицо проявляло экспертную инициативу.

Л.В. Лазарева, приводя данные анкетирования, отмечает определенные трудности у следователей при постановке вопросов эксперту (63 % респондентов), а некоторые следователи вообще не задумываются над правильной постановкой вопросов эксперту, рассчитывая на то, что эксперт

¹⁰ Глазунова И.В. Теоретические и правовые аспекты участия эксперта в досудебном производстве по уголовным делам: по материалам ФТС России: дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 269 с. (С. 120).

¹¹ Устав уголовного судопроизводства. Изд. 1914 г. со всеми позднейшими узаконениями, с объяснениями по решениям Уголов. кас. деп. Правительствующего Сената по 1916 г. / сост. Д.А. Каплан. 2-е изд., испр., доп. и вновь обр. Екатеринбург: Типография И.Е. Коган, 1916. 937 с.

при необходимости самостоятельно переформулирует вопросы (18 % опрошенных). В других случаях следователи, пользуясь справочниками о назначении экспертиз, в которых приводятся перечни вопросов по каждому виду экспертиз, переписывают всю формулировку вопроса, не наполняя ее никаким своим содержанием и никак не связывая с обстоятельствами расследования уголовных дел (20 % респондентов). И в 75 % случаев эксперты переформулировали вопросы, поставленные им на разрешение следователем. В связи с этим Л.В. Лазарева полагает целесообразным включить дополнительно в ст. 199 УПК РФ часть 6 следующего содержания: «6. Эксперт вправе переформулировать вопросы, поставленные следователем на разрешение экспертизы, не изменяя их смысла»¹².

Думается, однако, что приведенные указанными учеными данные свидетельствуют не о превышении полномочий эксперта, а о некомпетентности следователей и (или) их желании переложить свои обязанности по надлежащей подготовке к судебной экспертизе на эксперта.

Экспертная инициатива, по мнению В.В. Яровенко, «допустима применительно к решению экспертом вопросов, если они не изменяют смыслового содержания и объема исследования, во-первых, из-за отсутствия знания о современных возможностях судебной экспертизы, во-вторых, сформулированы неграмотно из-за отсутствия необходимого объема профессиональных знаний, в-третьих, имеют одинаковое смысловое значение или повторяются. <...> ...Экспертная инициатива должна касаться не изменения объема и смыслового содержания вопросов, вопросов, не поставленных в постановлении о назначении судебной экспертизы, или постановки самим экспертом дополнительных вопросов, а грамотной, логически последовательной их формулировки и применения более современных методик исследования объектов» [7].

А.Р. Белкин отмечает, что «само требование согласия лица, назначившего экспертизу, на переформулирование вопроса не является формальным. В п. 30 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических

подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации указывается, что «в случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл» [8, с. 41]. Как справедливо указывает Е.Р. Россинская, это «достаточно вольная трактовка права эксперта выйти за пределы экспертного задания и ответить на вопросы, которые не были поставлены, – права, предусмотренного ст. 204 УПК, а такие действия эксперта без согласия лица, назначившего экспертизу, можно квалифицировать как экспертную ошибку процессуального характера» [9, с. 44].

Е.А. Зайцева среди форм экспертной инициативы выделяет «привлечение для консультаций специалистов при проведении экспертизы... В таких случаях эксперт при наличии письменного согласия органа, назначившего экспертизу, вправе обращаться за помощью к этим специалистам для проведения полного, всестороннего и объективного исследования по поставленным вопросам. Привлечение такого специалиста следует отличать от реализации экспертом права, предусмотренного п. 2. ч. 3. ст. 57 УПК РФ, «ходатайствовать о привлечении к производству экспертизы других экспертов». В данном пункте ст. 57 речь идет о необходимости создания комиссии экспертов, которые будут участвовать в формулировании конечных выводов по экспертизе. Цель же привлечения специалиста – оказание научно-технической и консультационной помощи эксперту»¹³. Л.В. Веницкий и С.Л. Мельник полагают неоправданной такую практику, когда консультация специалиста получена экспертом не в процессуальной форме, и считают, что специалистов, привлекаемых решать промежуточные задачи, следует вводить в ранг экспертов [10, с. 84].

А.Р. Белкин считает необходимым разрешить эксперту «...с согласия руководителя экспертного учреждения (а частному эксперту – с согласия лица, назначившего судебную экспертизу), привлекать специалиста для решения и/или разъяснения частных (промежуточных) вопросов, играющих вспомогательную роль для итогового заключения эксперта, однако требующих некоторых дополнительных специальных знаний... Привлеченный специалист в форми-

¹² Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с. (С. 158).

¹³ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с. (С. 256).

ровании итогового вывода не участвует, его не подписывает и несет ответственность только за те промежуточные результаты и умозаключения, которые он представил эксперту» [5, с. 193]. В качестве отличительного признака этой формы использования специальных знаний от комиссионной экспертизы А.Р. Белкин называет неучастие такого специалиста в формулировании общего вывода. Не совсем ясно при этом, в чем заключается отличие предлагаемой формы от комплексной экспертизы, если специалист выступает носителем специальных знаний из другой области, нежели эксперт. К тому же возникает сомнение в компетентности эксперта, который привлекает дополнительно специалиста «для разъяснения отдельных аспектов поставленных перед экспертом вопросов или применения специальных вспомогательных методов исследования и (или) обработки результатов» [5, с. 193]. Полагаем, что подобное дополнение является излишним, но при условии предоставления эксперту права заявить ходатайство о привлечении других экспертов к производству экспертизы.

Е.Р. Россинская определяет факторы, обуславливающие необходимость в предоставлении эксперту права ходатайствовать перед руководителем экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов:

«а) при производстве многообъектной экспертизы число однородных объектов исследования может быть столь велико, что экспертное исследование невозможно выполнить в установленный срок;

б) еще до начала экспертизы или уже в ходе ее производства выясняется, что необходимо применить методы, которыми сам эксперт не владеет, или использовать приборы и оборудование, отсутствующие в данном экспертном учреждении, т. е. речь идет о комплексном исследовании;

в) в ходе исследования или до его начала эксперт понимает, что часть вопросов может быть решена только при производстве комплексной экспертизы;

г) эксперт решает воспользоваться правом расширить перечень вопросов, имеющих значение для доказывания (законодатель предоставляет это право эксперту в соответствующих статьях процессуальных кодексов), на которые могут быть даны ответы, но при этом ему может понадобиться помощь других экспертов» [9, с. 147].

При этом Е.Р. Россинская верно уточняет, что в случаях, когда эксперт не считает себя компетентным разрешить вопросы экспертизы, он должен не ходатайствовать о привлечении дополнительно других экспертов, а вообще отказаться от ее производства. Представляется, что это одно из оснований для заявления экспертом самоотвода. Указанные Е.Р. Россинской факторы, по сути, можно использовать для определения пределов применения экспертной инициативы, поскольку очень важно не «раздувать» возможность эксперта при наличии у него условий выполнить самостоятельно и в полном объеме назначенное исследование.

Полагаем, нельзя допускать злоупотреблений экспертной инициативой. Анализируя практику, М.А. Матыцин отмечает, что при получении определения (постановления) о производстве судебной экспертизы в судебно-экспертном учреждении (лаборатории) судебные эксперты невнимательно изучают определение (постановление) и материалы судебной экспертизы, не полностью используют свои права и обязанности, зачастую превышают свои полномочия и выходят за рамки экспертной специальности, самовольно привлекают других экспертов и специалистов, не соблюдают действующее законодательство по производству судебных экспертиз; кроме того, эксперты, минуя суд, контактируют с истцом (ответчиком) – «заказчиком» экспертизы, тем самым ставя под сомнение свою независимость [11, с. 19].

Т.В. Сахнова выделяет критерии пределов экспертной инициативы: юридический, ограниченный предметом судебного познания, и специальный критерий, который ограничивается компетенцией эксперта¹⁴.

Представляется, что пределы экспертной инициативы установить возможно, при этом следует ограничить данный комплекс прав эксперта, во-первых, его компетенцией, во-вторых, относимостью к рассматриваемому делу, по поводу обстоятельств которого назначена экспертиза, в-третьих, взаимодействием эксперта с лицом (органом), назначившим экспертизу, по вопросам, связанным с проявлениями экспертной инициативы. Реализация экспертной инициативы в большинстве случаев предполагает как минимум уведомление лица (органа), назначившего экспертизу, и по-

¹⁴ Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе. Теоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1998. 62 с. (С. 20).

лучение разрешения на совершение того или иного действия, не оговоренного в постановлении/определении либо в договоре (при альтернативной экспертизе).

Многие авторы предлагают ввести в уголовно-процессуальное законодательство статью, определяющую экспертную инициативу. Например, по мнению Е.А. Зайцевой, в общем виде экспертная инициатива может выражаться в двух существенных правомочиях эксперта: переформулировать вопросы и установить обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы¹⁵. Аналогичную позицию занимает и Е.П. Гришина, предложившая дополнить УПК РФ статьей 196.1 «Экспертная инициатива» [12, с. 10]. Однако думается, что введение новой статьи ради фиксации этой нормы нецелесообразно, т. к. это сузит возможности эксперта.

Профессор А.Р. Белкин предлагает выделить соответствующую часть 2 ст. 204 УПК РФ и преобразовать ее в отдельную новую статью, закрепив в ней основные правомочия эксперта, связанные с реализацией экспертной инициативы, и пределы ее осуществления [5, с. 203]. Предлагаемая А.Р. Белкиным формулировка комплекса прав эксперта в рамках экспертной инициативы представляется более полной, чем у предыдущих авторов, но тем не менее недостаточной.

Следует также отметить, что существует точка зрения, в соответствии с которой реализация экспертной инициативы должна выступать не только в качестве права. Так, Е.А. Зайцева полагает, что «в тех случаях, когда самостоятельно выявленные экспертом обстоятельства имеют существенное значение для разрешения дела, он обязан реализовать свое право на инициативу, отразив в своем заключении данные обстоятельства. Эта ситуация фактически напоминает реализацию принципа публичности в деятельности органов уголовного преследования – но только применительно к деятельности эксперта»¹⁶. В связи с чем автор предлагает сформулировать это положение в виде обязанности в ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Но установление обязанности в

отношении участника процесса неминусом должно повлечь и ответственность в случае ее неисполнения или недобросовестного исполнения, а такую ответственность определить будет практически невозможно, поскольку выявить все условия относительно того, мог ли эксперт получить информацию о новых обстоятельствах, и доказать, что эксперт намеренно умолчал об этих обстоятельствах, можно далеко не всегда. Как показывает практика, эксперты зачастую сообщают лицу (органу), назначившему экспертизу, о выявлении обстоятельств, по поводу которых не были поставлены вопросы, и в последующем включают их исследование и сформулированные по ним выводы в свое заключение.

Считаем, что регламентация экспертной инициативы вполне может быть представлена посредством установления его права на заявление ходатайств, поскольку через это право и может быть реализована экспертная инициатива. Конечно, далеко не во всех обозначенных вопросах, по которым эксперт вправе заявлять ходатайство, реализуется экспертная инициатива. Представляется, что *само понятие «экспертная инициатива» является теоретическим и не нуждается в законодательном закреплении в отличие от прав и в определенной степени обязанностей эксперта, посредством которых создаются возможности для ее реализации.*

Право на заявление ходатайства предполагает, что эксперт до разрешения ходатайства и получения согласия лица, ведущего процесс, не вправе совершать те действия, по поводу которых испрашивал разрешение, если на это нет специального указания в законе.

Очевидно, что *в процессуальные кодексы и в законодательство о судебно-экспертной деятельности следует внести дополнения, связанные с закреплением конкретизированного права эксперта на заявление ходатайств. Для надлежащего проведения экспертизы следует предоставить эксперту возможность заявлять ходатайства по следующим вопросам, связанным с назначением и производством экспертизы:*

- о предоставлении дополнительных объектов или иных материалов для исследования;
- о привлечении к производству экспертизы других экспертов;
- о продлении сроков производства экспертизы;

¹⁵ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с. (С. 252).

¹⁶ Зайцева Е.А. Там же.

- об уточнении содержания или объема поручения (задания);
- об изменении формулировок вопросов с сохранением их смыслового содержания, поставленных в определении/постановлении о назначении судебной экспертизы, без изменения их смыслового содержания;
- об отмене разрешения присутствовать при производстве судебной экспертизы участнику процесса, если при этом он мешает эксперту;
- о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для дела;
- о разрешении при проведении экспертизы задавать вопросы, связанные с ее предметом, участникам процесса в присутствии лица (органа), назначившего экспертизу;
- о мерах безопасности эксперта, его родственников или близких лиц, а также их имущества.

Закрепление в законе открытого перечня вопросов, с ходатайством по разрешению которых мог бы обращаться эксперт, вполне закономерно. Следует отметить, что *порядок обращения эксперта с ходатайством должен различаться в зависимости от того, является ли эксперт сотрудником судебно-экспертной организации или частным экспертом*. В первом случае эксперт вправе обращаться с ходатайством только через своего руководителя, который обязан направить ходатайство эксперта лицу (органу), назначившему экспертизу. Например, эксперт полагает невозможным проведение экспертного исследования представленных объектов ввиду их большого количества и ходатайствует о привлечении других экспертов и (или) о продлении сроков производства экспертизы. Руководитель экспертной организации может предложить лицу (органу), назначившему экспертизу, кандидатуры конкретных экспертов. Полагаем также, что у руководителя экспертной организации должно быть право выразить несогласие с заявленным экспертом ходатайством; в этом случае он должен направить данное ходатайство лицу (органу), назначившему экспертизу, но при этом должен уведомить о своем несогласии с объяснением причин такового.

Когда экспертиза назначается частному эксперту, он взаимодействует с лицом (органом), ее назначившим, напрямую.

Считаем целесообразным в целях сокращения временных и финансовых затрат рассмотреть *вопрос о возможности направления ходатайств в электронном виде*. Примерный порядок подачи экспертом (а также направлением руководителем экспертной организации) ходатайства можно было бы определить по аналогии с действующим уже порядком подачи документов в арбитражные суды Российской Федерации, в том числе в форме электронного документа¹⁷. Согласно ему документы подаются через личный кабинет, созданный в информационной системе «Мой арбитр». Личный кабинет создается на физическое лицо, подавшее документы в электронном виде в суд; при подаче документов представителем личный кабинет создается на имя представителя. Через личный кабинет представителя могут быть поданы документы в отношении одного и более представляемых им физических и (или) юридических лиц. Доступ к личному кабинету осуществляется посредством идентификации и аутентификации с использованием учетной записи физического лица в ЕСИА (Единой системе идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме). Документ может быть направлен в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью лица, подающего документы (заявителя или его представителя), либо в виде электронного образа документа (созданного с помощью средств сканирования), заверенного простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной подписью лица, подающего документы.

К сожалению, в настоящее время даже в рамках арбитражного процесса подача документов в электронном виде возможна только для лиц, участвующих в деле (ст. 159 АПК РФ), но представляется, что возможность такого взаимодействия участников процесса в будущем позволит ускорить ре-

¹⁷ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

шение организационных вопросов при производстве судебных экспертиз.

Заключение

Таким образом, необходимость в регламентации экспертной инициативы с указанием ее четких пределов в настоящее время

очевидна, что заставляет искать пути ее законодательного закрепления с учетом принципов законодательной техники, процессуальной экономии, четкости и однозначности правовых положений и требований об обеспечении независимости и самостоятельности судебного эксперта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 332 с.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. В 2 ч. Ч. 2. Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 353 с.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
4. Виноцкий Л.В., Мельник С.Л. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2009. 382 с.
5. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить *нельзя* поправить? В 2 томах. Т. 2. Досудебное производство. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 331 с.
6. Иванова Е.В. Современное состояние и актуальные проблемы правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2014. № 3. С. 11–15.
7. Яровенко В.В. Применение экспертной инициативы в современной экспертной практике // Юридические исследования. 2017. № 6. С. 84–94. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2017.6.22855>
8. Белкин А.Р. Законодательная регламентация экспертной инициативы // Материалы VI Межд. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 19–20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 39–45.
9. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Монография. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 736 с.
10. Виноцкий Л.В., Мельник С.Л. Возможна ли помощь специалиста эксперту для обоснования заключения // Материалы VI Межд. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 19–20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 81–85.
11. Матыцин М.А. Основные проблемы назначения и производства судебных экспертиз и пути их преодоления // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 17–20.
12. Гришина Е.П. Ошибки экспертной инициативы // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 9–10.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *The forensic encyclopedia*. Moscow: BEK, 1997. 332 p. (In Russ.)
2. Belkin A.R. *Theory of evidence in criminal proceedings. In two volumes. Part 2. Textbook for universities. 2nd ed.* Moscow: Yurait, 2017. 353 p. (In Russ.)
3. Belkin R.S. *Course of criminalistics. In 3 volumes. Vol. 2. Forensic subtheories*. Moscow: Yurist", 1997. 464 p. (In Russ.)
4. Vinitzkii L.V., Mel'nik S.L. *Expert initiative in the criminal proceedings*. Moscow: Ekzamen, 2009. 382 p. (In Russ.)
5. Belkin A.R. *The Russian Criminal Code: cancel cannot be corrected? In two volumes. Vol. 2. Pre-trial proceedings. 2nd ed.* Moscow: Yurait, 2017. 331 p. (In Russ.)
6. Ivanova E.V. The current state and pressing problems of the legal status of the expert in criminal proceedings. *Russian Investigator*. 2014. No. 3. P. 11–15. (In Russ.)
7. Yarovenko V.V. Application of expert initiative in the modern expert practice. *Legal studies*. 2017. No. 6. P. 84–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2017.6.22855>
8. Belkin A.R. Legislative regulation of the expert initiative. *Materials of VI International scientific and practical Conference "Theory and practice of forensic science in current conditions" (Moscow, 19–20 January, 2017)*. Moscow: Prospekt, 2017. P. 39–45. (In Russ.)
9. Rossinskaya E.R. *Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Monograph. 3rd ed.* Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. 736 p. (In Russ.)
10. Vinitzkii L.V., Mel'nik S.L. Is it possible the help of a specialist expert to justify the conclusion. *Materials of VI International scientific and practical conference "Theory and practice of forensic science in current conditions" (Moscow, 19–20 January, 2017)*. Moscow: Prospekt, 2017. P. 81–85. (In Russ.)
11. Matytsin M.A. The Main Problems of Appointment and Production of Forensic Examinations and Ways to Overcome them. *Expert-Criminalist*. 2013. No. 1. P. 17–20. (In Russ.)
12. Grishina E.P. Mistakes of Expert's Initiative. *Expert-Criminalist*. 2012. No. 2. P. 9–10. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дьяконова Оксана Геннадьевна – к. ю. н., доцент, доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: oxana_diakonova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dyakonova Oksana Gennadievna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Criminal Procedure of the Law Faculty, State University of Humanities and Social Studies;
e-mail: oxana_diakonova@mail.ru

Статья поступила: 04.10.2018

Received: 04.10.2018

Задачи судебных транспортно-технических экспертиз

Н.Н. Ильин

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Москва 125080, Россия

Аннотация. В криминалистической и экспертной литературе до сих пор не разработаны теоретические положения, касающиеся предмета транспортно-технических судебных экспертиз, их объектов и задач, методик проведения исследований. На основе изученной следственной и экспертной практики, специальной литературы, обобщения мнений ученых предложена классификация диагностических задач судебных транспортно-технических экспертиз по установлению: технического состояния транспортных средств; траектории и характеристик движения транспортных средств; состояния транспортных путей сообщения; причины, механизма и обстоятельств транспортного происшествия; обстоятельств, предшествовавших транспортному происшествию, а также связанных с оценкой действий работников, ответственных за обслуживание и ремонт транспортного средства, с целью определения возможности предотвращения происшествия. Особое внимание уделено ситуационным задачам.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебные транспортно-технические экспертизы, задачи судебной экспертизы, ситуационные задачи*

Для цитирования: Ильин Н.Н. Задачи судебных транспортно-технических экспертиз. 2019. Том 14. № 2. С. 35–42. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-35-42>

The Tasks of Forensic Vehicle Inspections

Nikolai N. Il'in

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 125080, Russia

Abstract. Theoretical provisions concerning the subject of forensic vehicle inspections, their objects and tasks, investigatory techniques are still not developed in forensic and expert literature. Based on a review of investigative and expert practice, professional literature, synthesis of scientific opinions a classification is offered for diagnostic tasks of forensic vehicle inspections to establish: technical condition of vehicles; trajectory and characteristics of their movement; conditions of transport communication lines; reasons, mechanism and circumstances of a road traffic accident; the circumstances preceding a road traffic accident as well as related to assessment of actions of the workers responsible for service and repair of a vehicle to ascertain a possibility to prevent an accident. Situational tasks are given special consideration.

Keywords: *forensic expertise, forensic vehicle inspections, tasks of forensic expertise, situational tasks*

For citation: Il'in N.N. The Tasks of Forensic Vehicle Inspections. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 35–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-35-42>

Введение

Современная классификация судебных экспертиз определяется объектами, задачами, областями специальных знаний и методами экспертных исследований. Задачи же, решаемые судебными экспертами, определяются предметом соответствующей су-

дебной экспертизы, возможностями исследования объекта и тесным образом связаны с методикой проведения исследования. О.А. Крестовников справедливо отмечает, что правильное понимание любой задачи непременно связано с определенной степенью обобщения конкретных вариантов ее прояв-

лений, с достаточно общей ее характеристикой, только имея представление о которой и можно охватить все многообразие частных форм [1]. Однако сводить все лишь к практической составляющей было бы не совсем правильно, поскольку решение какого-либо вопроса требует также теоретической разработки. Задачи рассматриваемого класса судебных транспортно-технических экспертиз можно подразделить на две основные группы: 1) задачи раздела научного знания (частной теории) и 2) задачи экспертных исследований.

Общей задачей частной теории судебных транспортно-технических экспертиз является разработка научных основ, связанных с понятием и классификацией, определением предмета, объекта, частных (специальных) задач и общих подходов исследования транспортных средств (ТС), обстоятельств происшествий, в которых они были задействованы.

К частным (или специальным) задачам теории данного класса судебных экспертиз следует отнести:

- изучение закономерностей формирования и развития авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз, а также расширение их возможностей;

- создание новых видов (подвидов) экспертиз в рамках авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз в связи с появлением новых объектов либо усовершенствованием существующих в экспертной практике методов и методик (автотехническая экспертиза);

- разработку и совершенствование комплексного подхода при производстве автотехнических, авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз;

- систематическое пополнение научных основ и совершенствование в целом частной теории судебных транспортно-технических экспертиз;

- разработку программного обеспечения производства авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз;

- изучение практики производства судебных транспортно-технических экспертиз и разработку методов и методик оценки заключения эксперта, способствующих полноценному использованию заключения в процессе доказывания по делу;

- разработку программ подготовки экспертов, специализирующихся в области производства авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз.

Задачи судебных транспортно-технических экспертиз, связанные непосредственно с процессом исследования, заключаются в выявлении и изучении свойств и признаков объектов, которые в результате практико-познавательной деятельности эксперта позволяют устанавливать некоторые факты и события, ранее существовавшие в действительности.

Анализ научной литературы в области судебной экспертологии и практики расследования преступлений, совершенных с участием объектов транспорта, показывает, что в настоящее время отсутствует единая классификация задач как в целом для судебной экспертизы, так и применительно к транспортно-техническим экспертизам. Ввиду не до конца изученного вопроса о транспортно-технических судебных экспертизах, в статье предпринята попытка разработки классификации ее экспертных задач, что, как представляется, будет полезно для теории и практики судебной экспертизы.

Материалы и методы

Исследование основано на изучении 47 уголовных дел и 56 приговоров по преступлениям, предусмотренным статьями 238, 263, 264, 266–268 УК РФ, 107 экспертных заключений (из них по авиационно-технической экспертизе – 21, автотехнической – 38, водно-технической – 25, железнодорожно-технической экспертизе – 23), анкетирования 65 следователей Следственного комитета Российской Федерации следственных органов на транспорте.

Результаты и обсуждение

В настоящее время нет единого подхода к классификации экспертных задач [2]. Например, А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская предлагали подразделять экспертные задачи на идентификационные, диагностические, ситуационные и классификационные [3]. В.А. Пучков добавил к этим задачам реставрационные [4]. А.Ю. Бутырин и Е.А. Мелешко, помимо диагностических, классификационных и ситуационных задач применительно к судебным строительно-техническим экспертизам, выделили еще и стоимостные, нормативистские, казуальные

и преобразовательные задачи [5]. По формам связей объектов экспертизы Ю.Г. Корухов предложил деление экспертных задач на классификационные, диагностические и идентификационные, исключив блок ситуационных задач [6]. По его мнению, в рамках классификационных задач устанавливается принадлежность объектов к определенному классу; в рамках диагностических задач распознается состояние объекта, познается событие, явление, процесс; идентификационные же задачи направлены на установление тождества конкретного объекта самому себе на основе выявленных признаков.

По нашему мнению, в данном случае не стоит так категорично говорить о невозможности включать в классификацию задач судебных экспертиз ситуационные задачи. Во-первых, сначала стоит обратиться к значению слова «ситуация». Так, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под ситуацией понимается «...совокупность обстоятельств, положение, обстановка»¹. Понятие «диагностика» означает «...распознавание... определение признаков... знание примет...»². Очевидно, что термин «диагностика» не охватывает смысла слова «ситуация». А это значит, что в рамках диагностических задач не могут решаться вопросы, связанные с реконструкцией событий.

Во-вторых, идея о необходимости формирования в криминалистике ситуалогии была предложена еще Г.Л. Грановским [7] и развита Т.С. Волчецкой³. Другие известные ученые в области судебной экспертизы, такие как Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина и А.М. Зинин, выделяют ситуационные задачи и отмечают, что они могут быть как диагностическими, связанными с анализом ситуации в целом (когда в качестве объекта исследования выступает система событий), так и входить в отдельную группу [8, с. 87–88]. Н.П. Майлис предложила различать идентификационные, диагностические, классификационные, ситуационные и интеграционные задачи [9, с. 39].

В-третьих, ситуационные задачи уже и нормативно закреплены. Так, в Приказе Министерства здравоохранения и социаль-

ного развития Российской Федерации от 12 мая 2010 года № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» указано, что «медико-криминалистическую экспертизу вещественных доказательств и объектов производят с целью решения диагностических, идентификационных и ситуационных экспертных задач» (п. 85.1). В п. 85.7 этого же Приказа приводится перечень объектов судебно-медицинских исследований по реконструкции событий (ситуационных исследований).

В связи с этим возникает вопрос: почему тогда в отдельную группу выделяются классификационные задачи, которые, как справедливо отмечено авторами учебника по судебной экспертологии, по своей гносеологической сущности являются диагностическими? [8, с. 85]. Кроме того, Н.П. Майлис обращает внимание на то, что классификационные задачи могут решаться как в ходе идентификационных исследований, так и диагностических [9, с. 57].

Исходя из вышесказанного, ситуационные задачи могут быть выделены в отдельную группу.

Для нас наибольший интерес представляет классификация, предложенная Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной и А.М. Зининым, по мнению которых основные задачи, разрешаемые при производстве судебных экспертиз, следует классифицировать следующим образом [8, с. 85–88]:

– идентификационные, в рамках которых устанавливается: 1) индивидуально-конкретное тождество, 2) групповая принадлежность, 3) единый источник происхождения;

– диагностические, которые могут быть: 1) в зависимости от степени сложности: простыми (исследование свойств и состояния объектов) и сложными (исследование механизмов, событий, процессов и действий по результатам); 2) в зависимости от анализа причины и следствия: прямыми (от причины к следствию) и обратными (от следствия к причине); 3) классификационными, являющимися частным случаем диагностической задачи; 4) ситуационными (ситуалогическими), связанными с анализом ситуации в целом, когда в качестве объекта исследования выступает система событий.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 1. СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1882. 712 с.

³ Волчецкая Т.С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 395 с.

Представляется, что приведенная классификация экспертных задач в зависимости от основных целей экспертного исследования отражает сущность рассматриваемого класса судебных транспортно-технических экспертиз. Исключение составляют лишь ситуационные задачи, которые следует выделять в отдельную группу (см. выше). К слову сказать, данной точки зрения придерживаются и специалисты по отдельным родам транспортно-технических экспертиз, в частности автотехнических. Так, И.И. Чава пишет, что «все задачи, решаемые судебной экспертизой исследования обстоятельств ДТП, относятся к категории ситуационных и решаются математическим методом либо методом сопоставления фактических действий участника ДТП с действиями, предусмотренными нормативными актами и правилами» [10, с. 11]. Похожую точку зрения высказывает и Ю.Б. Суворов, даже выделивший в качестве самостоятельного вида дорожно-транспортной экспертизы ситуационную экспертизу (исследование обстоятельств ДТП) [11, с. 32]. М.В. Беляев предлагает диагностические исследования следов столкновения ТС на месте дорожно-транспортного происшествия относить к трасологическим и автотехническим, причем, по его мнению, в трасологии будут изучаться не только следы частей ТС, но и сами части узлов и механизмов, отделившихся при ДТП [12, с. 27]. В данном случае следует частично согласиться с указанным мнением. С одной стороны, в рамках трасологии действительно исследуются следы ТС, и эксперт-трасолог является вполне компетентным специалистом по установлению механизма ДТП. С другой стороны, следователь при установлении обстоятельств ДТП, как правило, именно перед экспертом-автотехником ставит вопросы, связанные с техническим состоянием транспортных средств, определением траектории и характеристик их движения и др. Наряду с этим перед ним ставится вопрос и о механизме слеодообразования, поэтому специально назначать трасологическую экспертизу в данном случае не стоит.

Таким образом, применительно к классу судебных транспортно-технических экспертиз, исходя из предмета, объектов и целей исследования, на основе изученной экспертной практики стоит выделить следующие группы экспертных задач.

1. *Диагностические задачи технического состояния транспортных средств*, направленные на установление:

- дефектов конструкции транспортного средства (правильно ли произведен монтаж, сборка узлов и деталей ТС);
- непосредственного технического состояния транспортного средства, его отдельных узлов, механизмов, систем и агрегатов, включая достаточное для движения обеспечение топливом, смазочными материалами, картами, метеорологическими данными и др., соответствие характеристик ТС требованиям, предусмотренным технической документацией;
- пригодности транспортного средства по своей конструкции к движению;
- внесения изменений в конструкцию транспортного средства;
- неисправностей транспортного средства, причин и времени их возникновения (до, во время и после транспортного происшествия);
- влияния неисправностей транспортного средства на возникновение и развитие транспортного происшествия, а также возможности их своевременного обнаружения лицом, управляющим ТС;
- влияния ремонта транспортного средства на возникновение и развитие его технической неисправности;
- причинной связи между обнаруженной технической неисправностью и (или) дополнительными обстоятельствами (недостаточный запас топлива, заправка ТС недоброкачественным топливом, перегрузка ТС и т. д.) и наступившими последствиями технического характера;
- технической возможности предотвращения транспортного происшествия, возникшего вследствие технической неисправности транспортного средства;
- качества технического осмотра, обслуживания и ремонта.

2. *Диагностические задачи определения траектории и характеристик движения транспортных средств*, направленные на установление:

- механизма взаимодействия транспортного средства с различными объектами в момент наступления технических последствий;
- механизма наступления технических последствий;
- части транспортного средства, которой нанесены повреждения потерпевшим;

- места нахождения потерпевшего в момент столкновения;
- наличия, времени и причины повреждения отдельных узлов, механизмов, систем и агрегатов транспортного средства;
- факта возникновения неисправности деталей транспортного средства после происшествия (технических последствий);
- направления и угла падения транспортного средства (для воздушных судов) по выявленным следам на земле и окружающих предметах, а также характеру и расположению обломков.

3. *Диагностические задачи установления состояния транспортных путей сообщения*, направленные на установление:

- основных характеристик транспортного пути сообщения и их соответствии требованиям, предусмотренным технической документацией, для движения по ним конкретного ТС;
- технического состояния элементов транспортного пути сообщения;
- наличия, причины и времени образования дефектов;
- причинной связи между обнаруженными дефектами транспортного пути сообщения и наступившими последствиями технического характера.

4. *Диагностические (ситуационные) задачи определения причины, механизма и обстоятельств транспортного происшествия*, направленные на установление:

- непосредственной причины транспортного происшествия и иных обстоятельств (например, с какой высоты началось падение самолета, в воздухе или на земле происходило разрушение воздушного судна и т. д.);
- скорости движения и других параметров транспортного средства;
- тормозного и остановочного пути, а также остановочного времени транспортного средства (для наземных ТС);
- времени преодоления транспортным средством определенных участков пути;
- момента возникновения опасности для движения, требующего принятия экстренных мер по предотвращению транспортного происшествия;
- взаимного положения транспортного средства и препятствия в момент, когда лицо, управляющее ТС, еще имело техническую возможность предотвратить происшествие;
- характера действий лица, управляющего транспортным средством, и их значе-

ния для транспортного происшествия (нарушение заданной высоты для самолета, отклонение от курса морского судна и т. д.);

– конкретных действий лица, управляющего транспортным средством, начиная с момента возникновения опасности для движения, которые могли предотвратить транспортное происшествие;

– технической возможности у лица, управляющего транспортным средством, в определенный период времени предотвратить последствия технического характера путем снижения скорости или иными маневрами;

– причинной связи между действиями (бездействием) лица, управляющего транспортным средством, как и лица, ответственного за его ремонт, и последствиями технического характера (падение, столкновение, опрокидывание и т. п.) на основе использования технических данных и учета объективных закономерностей;

– причин и условий, связанных с организацией движения транспортного средства, способствующих совершению происшествия;

– влияния погодных условий на возникновение причины транспортного происшествия и его технических последствий, их влияние на человека, управляющего транспортным средством.

5. *Диагностические (реконструкционные) задачи по установлению обстоятельств, предшествовавших транспортному происшествию, по оценке действий работников, ответственных за обслуживание и ремонт транспортного средства, с целью определения возможности предотвращения происшествия*. Кроме того, экспертом в рамках данной задачи может быть построена реконструированная схема транспортного происшествия.

Например, при производстве авиационно-технической экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы.

– Соответствовала ли подготовка экипажа воздушного судна уровню, необходимому для полета на данном типе воздушного судна и выполнения конкретного полетного задания?

– Соответствовали ли метеоусловия тем, в которых должен был производиться данный полет, каким образом было организовано метеорологическое обеспечение полета, было ли оно достаточным – если нет, то какие требования были нарушены и кем именно из должностных лиц?

– Находилось ли воздушное судно в технически исправном состоянии непосредственно перед вылетом, в полете и при возникновении аварийной ситуации – если нет, то в чем это выражалось и как могло повлиять на возникновение аварийной ситуации?

– Выполнялся ли текущий и капитальный ремонт воздушного судна в соответствии с правилами?

Представляется, что понятие «реконструкционные задачи» в данном случае уточняют сущность, поскольку позволяют воссоздать обстоятельства, предшествовавшие транспортному происшествию. Если обратиться к разъяснению этого слова, то, например, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под реконструкцией понимается «...восстановление чего-нибудь по сохранившимся остаткам, описаниям». В нашем случае на основе собранной информации, содержащейся в документах, поставленную задачу можно решить.

Зарубежный опыт подтверждает, что при расследовании, например, дорожно-транспортных происшествий, необходимы специальные знания для проведения судебной экспертизы и реконструкции событий [13–15].

Изученная нами экспертная практика в области производства авиационно-технических и водно-технических судебных экспертиз свидетельствует, что при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 263 УК РФ, следователями ставятся вопросы, относящиеся к *диагностическим (классификационным) задачам*, направленным на установление.

– Типа транспортного средства, т. е. к какому классу относится конкретное судно (маломерным, прогулочным, спортивным парусным – для водного транспорта; сверхлегким, безмоторным и т. п. – для воздушных судов), которое должно быть в установленном порядке зарегистрировано и пройти технический осмотр⁴. Так, при назначении

водно-технической экспертизы вопрос может быть сформулирован следующим образом: к какому типу относится аварийное судно? Т. е. для перевозки каких грузов оно предназначено и можно ли было, учитывая конструкцию судна и его техническое состояние, грузить в него тот груз, при погрузке или выгрузке которого произошла авария? Это необходимо для выявления дополнительных обстоятельств по делу, связанных с тактикой допроса лица, управляющего данным судном, направления материалов для привлечения его к административной ответственности в соответствии со ст. 11.8 КоАП России «Нарушение правил эксплуатации судов, а также управление судном лицом, не имеющим права управления».

– Конкретного участка пути сообщения (например, участка плавания, относящегося к определенному типу водного пространства), где произошло происшествие. Это необходимо для последующего установления соответствия действий капитана судна требованиям, применяемым при плавании в определенной акватории.

Краткие выводы

Таким образом, применительно к классу судебных транспортно-технических экспертиз, исходя из предмета, объектов и целей исследования, на основе изученной экспертной практики следует выделить следующие группы экспертных задач:

1) диагностические задачи по установлению технического состояния транспортных средств;

2) диагностические задачи определения траектории и характеристик движения транспортных средств;

3) диагностические задачи по установлению состояния транспортных путей сообщения;

4) диагностические (ситуационные) задачи по установлению причины, механизма и обстоятельств транспортного происшествия;

5) диагностические (реконструкционные) задачи по установлению обстоятельств, предшествовавших транспортному происшествию, а также связанных с оценкой действий работников, ответственных за обслуживание и ремонт транспортного средства, с целью определения возможности предотвращения происшествия;

6) диагностические (классификационные) задачи по определению типа транс-

⁴ Правила государственной регистрации маломерных судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденные приказом МЧС России от 24 июня 2016 года № 340; ст. 33 Воздушного кодекса Российской Федерации; Приказ Минтранса России от 5 декабря 2013 года № 457 (ред. от 07.12.2017) «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по государственной регистрации гражданских воздушных судов и ведению Государственного реестра гражданских воздушных судов Российской Федерации».

портного средства или конкретного участка пути сообщения.

Представляется, что исчерпывающий перечень всех вопросов, которые решаются в рамках производства конкретного рода судебных транспортно-технических экспертиз, привести нельзя. Для каждого конкретного случая вопросы должны ставиться в зависимости от следственных версий и обстоятельств транспортного происшествия (с учетом осмотра места происшествия, допросов свидетелей и т. д.). Перечень вопросов необходимо согласовать с экспер-

том до назначения судебной экспертизы, а также с подразделениями криминалистики Следственного комитета Российской Федерации. Заметим лишь, что эксперт может ответить на множество вопросов, решение которых требует специальных знаний в соответствующей области, но он не вправе выходить за пределы своей компетенции. Фактически следователь или суд при постановке подобных вопросов перекалывают свои обязанности по установлению каких-либо юридических фактов и событий на эксперта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крестовников О.А. Криминалистические задачи: сущность, анализ структурного состава, алгоритмизация процесса решения // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 1. С. 17–25. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-1-17-25>
2. Бурвиков Н.В. К вопросу о классификации задач судебной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 4. Ч. 2. С. 151–157.
3. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978. 182 с.
4. Пучков В.А. О формировании и развитии судебного материаловедения / Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях (февраль 1979 г.). М.: ВНИИСЭ, 1979. Вып. 26. С. 9–16.
5. Бутырин А.Ю., Мелешко Е.А. Казуальные задачи в практике производства судебной строительно-технической экспертизы // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4. Ч. 2. С. 945–948.
6. Корухов Ю.Г. Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических. // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1984. С. 92–112.
7. Грановский Г.Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях 21 апреля 1977 г. М.: ВНИИСЭ, 1977. Вып. 16. С. 3–16.
8. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология). Учебник / Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. 368 с.
9. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2016. 159 с.
10. Чава И.И. Судебная автотехническая экспертиза. Исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Учеб-

REFERENCES

1. Krestovnikov O.A. Criminalistic Tasks: Content, Structural Analysis and Algorithmization of the Task Solving Process. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 17–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-1-17-25>
2. Burvikov N.V. On the classification tasks of forensic examination. *Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*. 2013. No. 3. Part 2. P. 151–157. (In Russ.)
3. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic expertology (General theoretical and methodological issues of forensic examinations)*. Textbook. Volgograd: MVD SSSR, 1978. 182 p. (In Russ.)
4. Puchkov V.A. On formation and development of forensic material engineering. *Thesis of scientific reports at a theoretical seminar of forensic readings. (February, 1979)*. Moscow: VIISE, 1979. Issue 26. P. 9–16. (In Russ.)
5. Butyrin A.U., Meleshko E.A. Causal problems in the practice of production of judicial building technical expertise. *Journal of Economy and entrepreneurship*. 2017. No. 4. Part 2. P. 945–948. (In Russ.)
6. Korukhov U.G. The relationship of expert tasks categories: identification, classification, diagnostic. *Current issues of the forensic science theory*. Moscow: VNIISE, 1984. P. 92–112. (In Russ.)
7. Granovskii G.L. Forensic situational examination of the scene. *Thesis of scientific reports at a theoretical seminar of forensic readings on April 21, 1977*. Moscow: VNIISE, 1977. Issue 16. P. 3–16. (In Russ.)
8. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Theory of forensic science (forensic expertology)*. E.R. Rossinskaya (ed.). 2nd ed. Moscow: Norma, 2017. 368 p. (In Russ.)
9. Mailis N.P. *Introduction to forensic science. Textbook*. 2nd ed. Moscow: Uniti-Dana, 2016. 159 p. (In Russ.)
10. Chava I.I. *Forensic vehicle examination. Investigation of a road traffic accident circumstances*.

- но-методическое пособие. М.: РФЦСЭ, 2007. 98 с.
11. Суворов Ю.Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения, на участках ДТП. Учебное пособие для вузов. М.: Экзамен, Право и закон, 2004. 208 с.
 12. Беляев М.В. Некоторые вопросы организации и производства комплексных исследований по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 24–28.
 13. Evtiukov S., Golov E., Ginzburg G. Finite element method for reconstruction of road traffic accidents // *Transportation Research Procedia*. 2018. Vol. 36. P. 157–165. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2018.12.058>
 14. Milliet Q., Delémont O., Sapin E., Margot P. A methodology to event reconstruction from trace images // *Science & Justice*. 2015. Vol. 55. No. 2. P. 107–117. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2015.02.001>
 15. Nagaraju M., Bhavani B., Rohith K. Investigation of Road Traffic Fatal Accidents Using Data Mining Techniques // *International Journal of Recent Trends in Engineering and Research*. 2018. P. 216–222. <https://doi.org/10.23883/ijrter.conf.20171201.043.irilp>
- Teaching guide*. Moscow: RFCFS, 2007. 98 p. (In Russ.)
11. Suvorov U.B. *Forensic road and vehicle examination. Forensic expert assessment of drivers' and other responsible for traffic safety persons' actions on sites of road accidents: textbook for higher educational institutions*. Moscow: Ekzamen, Pravo i zakon, 2004. 208 p. (In Russ.)
 12. Belyaev M.V. Some questions of the organization and production of complex investigations in cases of road-traffic accidents. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2014. No. 6. P. 24–28. (In Russ.)
 13. Evtiukov S., Golov E., Ginzburg G. Finite element method for reconstruction of road traffic accidents. *Transportation Research Procedia*. 2018. Vol. 36. P. 157–165. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2018.12.058>
 14. Milliet Q., Delémont O., Sapin E., Margot P. A methodology to event reconstruction from trace images. *Science & Justice*. 2015. Vol. 55. No. 2. P. 107–117. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2015.02.001>
 15. Nagaraju M., Bhavani B., Rohith K. Investigation of Road Traffic Fatal Accidents Using Data Mining Techniques. *International Journal of Recent Trends in Engineering and Research*. P. 216–222. <https://doi.org/10.23883/ijrter.conf.20171201.043.irilp>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Николай Николаевич – к. ю. н., заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; e-mail: nick703@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Il'in Nikolai Nikolaevich – Candidate of Law, Head of the Department Forensic and Operational-Investigative Activities, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: nick703@yandex.ru

Статья поступила: 23.01.2019
Received: 23.01.2019

Метод производства судебной экспертизы фонограмм с использованием данных о частоте электрического тока сети

А.А. Бессонов¹, А.Г. Бояров², М.В. Степанов¹

¹ Следственный комитет Российской Федерации, Москва 119311, Россия

² Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. В статье описаны новые для российской экспертной практики возможности технического определения аутентичности фонограммы и особенностей ее изготовления при производстве судебной экспертизы фонограмм. В основе предлагаемого метода – сравнение показателей частоты электрического тока сети, отраженных на исследуемой фонограмме, с эталонными показателями частоты электрического тока сети, учет которых ведется с помощью специального аппаратно-программного комплекса. Метод разработан румынским экспертом Каталином Григорасом в 2005 году. За рубежом при производстве фоноскопических экспертиз данный метод используется с 2009 года и получил название Electric Network Frequency (ENF) Criterion. Раскрыта сущность метода, его возможности и ограничения, практическая ценность для установления наличия либо отсутствия монтажа фонограммы, даты и времени ее изготовления. Статья предназначена для экспертов как краткое описание метода и следователей (дознавателей) для ознакомления с новыми возможностями экспертных методов.

Ключевые слова: признаки монтажа фонограмм, аутентичность фонограммы, судебная экспертиза фонограмм, фоноскопическая экспертиза, частота электрического тока сети

Для цитирования: Бессонов А.А., Бояров А.Г., Степанов М.В. Метод производства судебной экспертизы фонограмм с использованием данных о частоте электрического тока сети // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 43–50. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-43-50>

The Electric Network Frequency Based Method of Forensic Audio Analysis

Aleksey A. Bessonov¹, Alexander G. Boyarov², Maksim V. Stepanov¹

¹ Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 119311, Russia

² The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article describes new possibilities for technical authentication of audio recordings and determination of circumstances in which they were made in the context of Russian forensic practice. The proposed method is based on comparing the frequency of the electric current in the grid reflected in the submitted audio evidence with reference electric network frequency (ENF) indicators, which are recorded on a regular basis using a specialized hardware and software suite. This method is known as the Electric Network Frequency (ENF) Criterion (developed by Romanian expert Catalin Grigoras in 2005) and has been used by forensic practitioners around the world since 2009. The paper discusses the substance of the method, its possibilities and limitations, and demonstrates its practical value in helping to establish whether an audio recording was tampered with, as well as the date and time it was made. The article is intended for experts as a summary of the method, and for investigators to familiarize themselves with the new possibilities of scientific methodology.

Keywords: *Electric Network Frequency, audio editing detection, audio evidence authenticity, forensic examination of audio recordings, forensic audio analysis, electric power grid frequency, ENF analysis*

For citation: Bessonov A.A., Boyarov A.G., Stepanov M.V. The Electric Network Frequency Based Method of Forensic Audio Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 43–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-43-50>

Введение

В судопроизводстве фонограммы широко используются в качестве доказательства, в связи с чем нередко становятся объектами криминалистических исследований. Развитие цифровых технологий привело к увеличению спектра технических средств аудиозаписи: к традиционно используемым для записи аудиоинформации средствам – магнитофонам и диктофонам – добавились мобильные телефоны и смартфоны с функцией аудиозаписи, компьютеры и планшеты и пр.

Техническое исследование фонограмм на предмет установления признаков монтажа и изменений ее первоначального содержания становится все более сложной задачей. Требуются новые экспертные подходы, одним из которых может стать метод исследования фонограмм с использованием анализа частоты электрического тока. Частота электрического тока является одним из параметров качества электрической энергии и важнейшим параметром электроэнергетического режима энергосистемы, отражающим текущее состояние баланса генерируемой и потребляемой активной мощности. Рассмотрим возможность использования частоты электрического тока в фоноскопии на примере Единой энергетической системы России (далее – ЕЭС России).

Описание метода

Под электроэнергетической системой (энергосистемой) понимается совокупность электрических станций, электрических сетей и энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, связанных общностью режима в непрерывном процессе производства, передачи, распределения и потребления электрической энергии в условиях централизованного оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике¹.

Энергосистема Российской Федерации – это ЕЭС России, которая включает шесть объединенных энергосистем (далее – ОЭС) – Центра, Средней Волги, Урала, Северо-Запада, Юга и Сибири, и территориально изолированные энергосистемы (Чукотский автономный округ, Камчатский край, Сахалинская и Магаданская область,

Норильско-Таймырский и Николаевский энергорайоны, энергосистемы центральной и северной частей Республики Саха (Якутия))². Объединенные энергосистемы нашей страны работают синхронизировано с ОЭС Украины, ОЭС Казахстана, ОЭС Белоруссии, энергосистемами Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии и Азербайджана, а также с NORDEL (связь с Финляндией осуществляется через вставку постоянного тока в Выборге). Энергосистемы Белоруссии, России, Эстонии, Латвии и Литвы образуют так называемое Электрическое кольцо БРЭЛЛ, работа которого координируется в рамках подписанного в 2001 году соглашения о параллельной работе энергосистем БРЭЛЛ.

Все энергосистемы ЕЭС России соединены межсистемными высоковольтными линиями электропередачи напряжением 220 В – 500 кВ и выше, работают в синхронном режиме (параллельно) и охватывают практически всю густонаселенную территорию страны.

В соответствии с п. 11 «Правил технологического функционирования электроэнергетических систем», утвержденных постановлением правительства Российской Федерации от 13.08.2018 № 937, стандарт ЕЭС России – усредненная на 20-секундном временном интервале номинальная частота электрического тока $50 \pm 0,05$ герц (Гц) с допустимым отклонением в пределах $50 \pm 0,2$ Гц и восстановлением частоты до указанного уровня не более чем за 15 минут. При этом такие значения частоты электрического тока должны быть не менее 95 % времени суток и восстанавливаться в случае изменения не более чем за 72 минуты³.

Вместе с тем возникающие в работе ЕЭС России колебания мощности, вызванные нестабильностью потребления либо отключением генерирующего оборудования, линий электропередачи и других элементов энергосистемы, приводят к некоторым отклонениям частоты электрического тока от номинального уровня. В свою очередь электромагнитное поле ЕЭС России создает дополнительное напряжение в проводниках звукозаписывающей аппаратуры, что отражается на фонограмме (как аналоговой, так и цифровой) в виде следов электросетевой

¹ Статья 3.116 ГОСТ Р 57114-2016 «Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы. Электроэнергетические системы. Оперативно-диспетчерское управление в электроэнергетике и оперативно-технологическое управление. Термины и определения» // СПС «КонсультантПлюс».

² Сайт Министерства энергетики Российской Федерации. <https://minenergo.gov.ru/node/532> (дата обращения: 20.12.2018).

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 20.08.2018. № 34. Ст. 5483.

наводки с информацией о частоте электрического тока.

При исследовании звукозаписей на наличие признаков монтажа впервые в российской экспертной практике использован метод, в основе которого лежит анализ частоты электросетевой наводки. Метод основан на знаниях из разных областей, в том числе функционирования электросетей, а получаемые с его помощью результаты надежны, наглядны и легко интерпретируемы. Поскольку частота электрического тока изменяется случайным образом во времени, а все региональные энергосистемы России (за исключением технологически изолированных энергосистем) соединены в единую энергетическую систему и работают в синхронном режиме, характер изменения частоты электрического тока уникален для каждого конкретного момента времени на территории ЕЭС России.

В мировой экспертной практике использовать этот метод (Electric Network Frequency (ENF) Criterion) впервые предложил румынский эксперт Каталин Григорас (Catalin Grigoras) в 2005 году [1]. В 2009 году выпущены методические рекомендации для практического использования – Best practice guidelines for ENF analysis in forensic authentication of digital evidence

[2]. На сегодняшний день это единственные методические рекомендации ENFSI⁴ для анализа аутентичности звукозаписей. Поскольку ранее данный метод был опробован только применительно к сетям зарубежных стран [3–10], в частности стран Европейского союза и США, в 2014–2017 годах Министерством юстиции России и Следственным комитетом Российской Федерации (СК РФ) проведено исследование возможности его использования в нашей стране.

Апробация метода

На первом этапе произведена одновременная запись звуковых сигналов в разных городах (Москве и Санкт-Петербурге), расстояние между которыми более 600 километров. На рис. 1 изображены спектрограммы этих двух записей. Несмотря на то что на одной из них гармоника частоты электрического тока обнаружена на частоте 50 Гц, а на другой – 100 Гц, их форма схожа.

В экспертной практике на фонограммах часто присутствуют гармоники, кратные частоте электрической сети 50 Гц, то есть 100 Гц, 150 Гц, 200 Гц и т. д. Данные гармо-

⁴ European Network of Forensic Science Institutes (Европейская сеть судебно-экспертных учреждений). <http://enfsi.eu/>

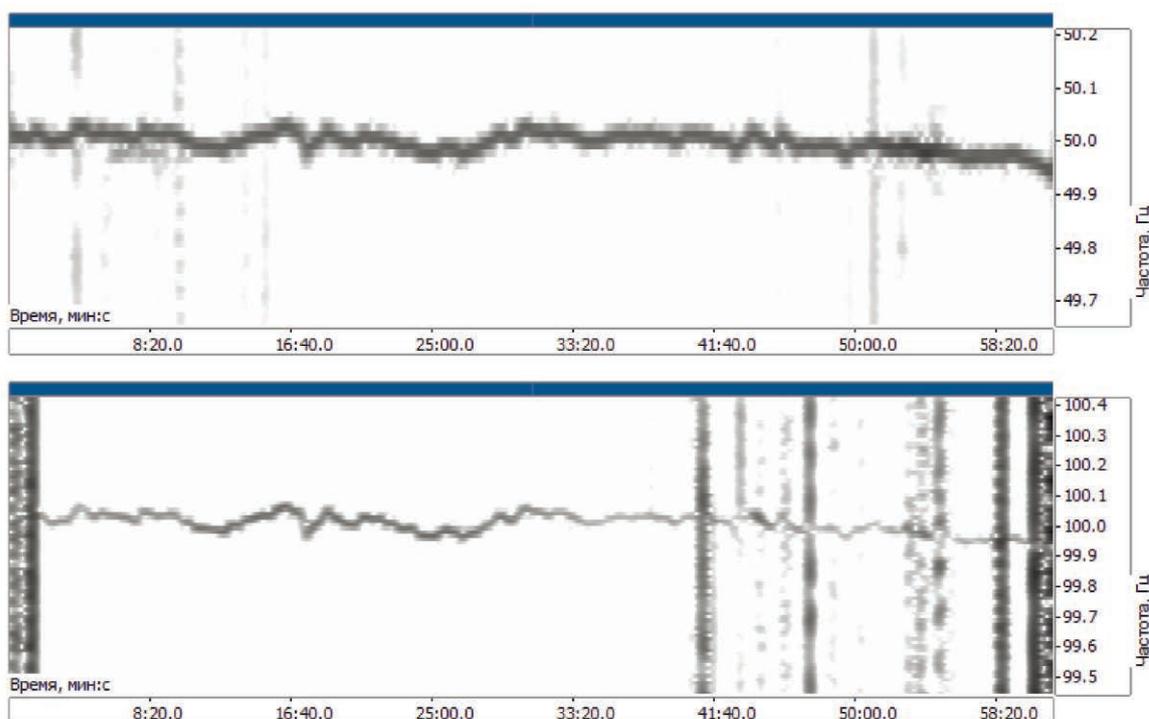

Рис. 1. Спектрограммы записей, произведенных в Москве (верхняя) и Санкт-Петербурге (нижняя) 6 мая 2014 года с 14:12 до 15:14

Fig. 1. Spectrograms of audio recordings made in Moscow (top) and Saint Petersburg (bottom) on May 6, 2014 between 2:12 p.m. and 3:14 p.m.

Рис. 2. Аппаратно-программный комплекс мониторинга значений частоты электросети
Fig. 2. Specialized hardware and software system for monitoring of electric network frequency

нические составляющие появляются на фонограмме при недостаточной экранировке устройства звукозаписи от работающих поблизости различных приборов и механизмов (кондиционеров, двигателей, бытовых приборов, освещения и т. д.) и линий электросети.

Второй этап включал установку в Москве станции ENF-Server со специальным программным обеспечением для измерения частоты электрического тока (рис. 2). Частота электрического тока измерялась один раз в

секунду с точностью измерения одна тысячная Герца. Данный аппаратно-программный комплекс позволяет:

- а) сохранять измерения частоты электрического тока с указанием времени измерений в базе данных на внутреннем носителе с резервным сохранением;
- б) синхронизировать время по радиосигналам точного времени;
- в) экспортировать базу данных за интересующий период времени на внешний носитель, подключаемый через порт USB;
- г) производить удаленное подключение для получения доступа к хранящейся на нем базе данных.

Для сравнительного исследования 31 июля 2014 г. в Новосибирске произведена запись фонограммы, а в Москве в это же время зафиксированы контрольные значения частоты электрического тока (50 Гц) с помощью указанного устройства. Гармоника наводки от электрического тока на фонограмме и график частоты электрического тока совпали (рис. 3).

На третьем этапе в 2016 году проведено тестирование данного метода с участием экспертов Минюста России и СК РФ. Произведено более 70 фонограмм в 15 городах России. Наиболее удаленным от Москвы регионом оказался Иркутск (4220 км). Эксперимент показал, что данный метод работает на территории единой энергетической системы: для всех фонограмм была надежно установлена точная дата и время начала записи.

Эталонные значения частоты электрического тока для сравнительного исследования можно получить двумя путями: либо запросить у электросетевой компании, либо записать с помощью аппаратно-программного комплекса ENF-Server. В настоящее время в России при производстве

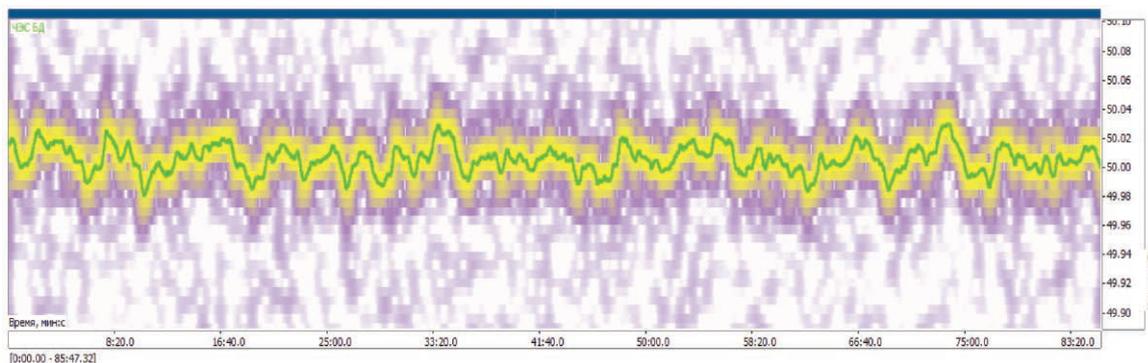

Рис. 3. Спектрограмма аудиозаписи, произведенной в Новосибирске, и график (зеленого цвета) частоты электрического тока, полученный в Москве
Fig. 3. Spectrograms of audio recordings made in Novosibirsk and the electric network frequency curve (green) obtained in Moscow

фоноскопических экспертиз этот метод используется в двух экспертных ведомственных структурах – сети судебно-экспертных учреждений Минюста России (сведения запрашиваются у электросетевой компании) и СК РФ (данные фиксируются с помощью указанного аппаратно-программного комплекса). С использованием ENF-Server экспертами СК РФ проведено исследование более двухсот фонограмм. Использование экспертами данного комплекса имеет ряд преимуществ: а) оперативность проведения исследования (не нужно ждать данные от электросетевой компании); б) возможность проверки дат по большому массиву данных без привязки к определенным диапазонам (зачастую не всегда имеется возможность установить даже приблизительные дату и время производства звукозаписи).

Все существующие методы поиска признаков монтажа и других изменений имеют ограничения в области применения. Есть они и у рассматриваемого метода. Первое и самое важное ограничение заключается в том, что на фонограмме должны быть зафиксированы следы электросетевой наводки, которые, к сожалению, не всегда сохраняются в процессе записи. Второе ограничение – длительность записи. Для установления времени записи требуется индивидуальная последовательность значений частоты электрической сети, которая формируется лишь на фонограммах определенной длительности.

Длительность звукового фрагмента со следами электросетевой наводки, достаточная для определения даты и времени записи, установлена экспериментальным путем. Так, одну запись продолжительностью более 25 минут разбили на фрагменты разной длительности. Для каждого фрагмента определили время начала записи. В качестве эталонных сведений использовалась база данных частоты электрического тока за 2016 год, из которой было выбрано и объединено 365 файлов для каждого дня года, содержащих результаты измерений частоты,

производившихся один раз в секунду. Таким образом получили набор данных для 8760 часов, состоявший из 31536000 значений частоты. Сравнимый фрагмент представлял собой звукозапись радио BBC, произведенную на компьютере, на которой следы электросетевой наводки отобразились на частоте 100 Гц. Для анализа из данной записи были выбраны по 20 фрагментов различной длительности (3, 4 и 5 минут). Эти фрагменты нарезались из записи со смещением в одну минуту. Последовательность значений частоты электрического тока, вычисленная по изученной фонограмме, сравнивалась с эталонными значениями частоты электрического тока, полученными с помощью устройства измерения частоты. Для последовательности в программе OTExpert осуществлялся поиск наиболее близкого фрагмента из базы данных. При этом функция близости вычислялась как сумма модулей разности значений. В результате поиска определялось время начала записи фонограммы. Результаты получились следующие: для фрагментов длительностью 3 минуты правильно определены дата и время для 6 из 20 фрагментов, 4 минуты – для 18 из 20 фрагментов, 5 минут – для всех 20 фрагментов.

Таким образом, дата и время всегда определяются для фрагментов длительностью 5 минут и более, почти всегда для фрагментов длительностью 4 минуты и плохо для фрагментов длительностью 3 минуты и менее.

Экспериментальным путем оценивали и зависимость достоверности определения даты и времени звукозаписи от объема базы данных частоты электрического тока. С этой целью эксперимент был проведен с 4 различными по длительности базами данных значений частоты электрического тока: 366 дней, 31 день, 3 дня и один день. Результаты представлены в таблице.

Из этого эксперимента следует второй вывод: длительности 4 минуты хватает для достоверного поиска в массиве продол-

Таблица. Зависимость достоверности определения даты и времени звукозаписи в зависимости от объема базы данных частоты электрического тока

Table. Reliability of audio timestamping depending on the volume of electric network frequency data in the database

Продолжительность исследуемого фрагмента записи, мин.	Длительность эталонных сведений частоты электрического тока из базы данных, в днях			
	366	31	3	1
3	6 из 20	15 из 20	18 из 20	20 из 20
4	18 из 20	20 из 20	20 из 20	20 из 20
5	20 из 20	20 из 20	20 из 20	20 из 20

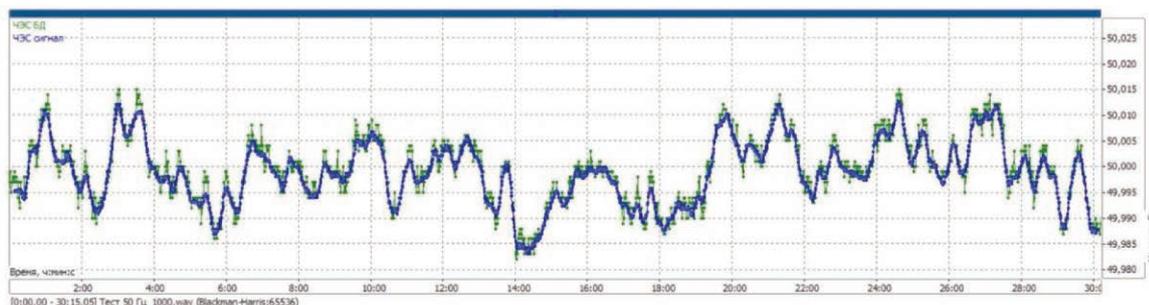

Рис. 4. Сравнение графика частоты электрического тока из базы данных и графика частоты наводки, зафиксированной на непрерывной фонограмме
Fig. 4. Comparing an electric network frequency curve from the database with the ENF curve extracted from a continuous audio recording

жительностью один месяц, а при установленной дате записи и для фрагментов длительностью 3 минуты во всех случаях время было определено точно.

Сравнение эталонной частоты электрического тока, зафиксированной в базе данных (например, с помощью аппаратно-программного комплекса ENF-Server), со следами частоты электросетевой наводки на исследуемой фонограмме позволяет делать научно обоснованные выводы о непрерывности фонограммы (рис. 4 и 5).

Этапы исследования

Метод производства судебных экспертиз фонограмм с использованием частоты электрического тока состоит из нескольких этапов.

Первый этап – подготовка к анализу. Во-первых, это обработка сигнала на исследуемой аудиозаписи, включающая: а) пре-

образование исследуемой фонограммы с понижением частоты дискретизации; б) приведение записи в тот же формат, что и эталонная частота электрического тока из базы данных; в) спектральный анализ высокого порядка для визуализации сигнала, расчет частоты. Во-вторых, получение из базы данных соответствующей информации об эталонной частоте электрического тока, которая должна соответствовать следующим требованиям: быть достоверной по времени, дате и значению частоты. Если предстоит установить время и дату исследуемой записи, то в зависимости от ориентирующей информации, полученной от органа, назначившего экспертизу, выбирается определенный по времени объем эталонных сведений из базы данных частоты электрического тока (он может составлять сведения за неделю, месяц, год, несколько лет).

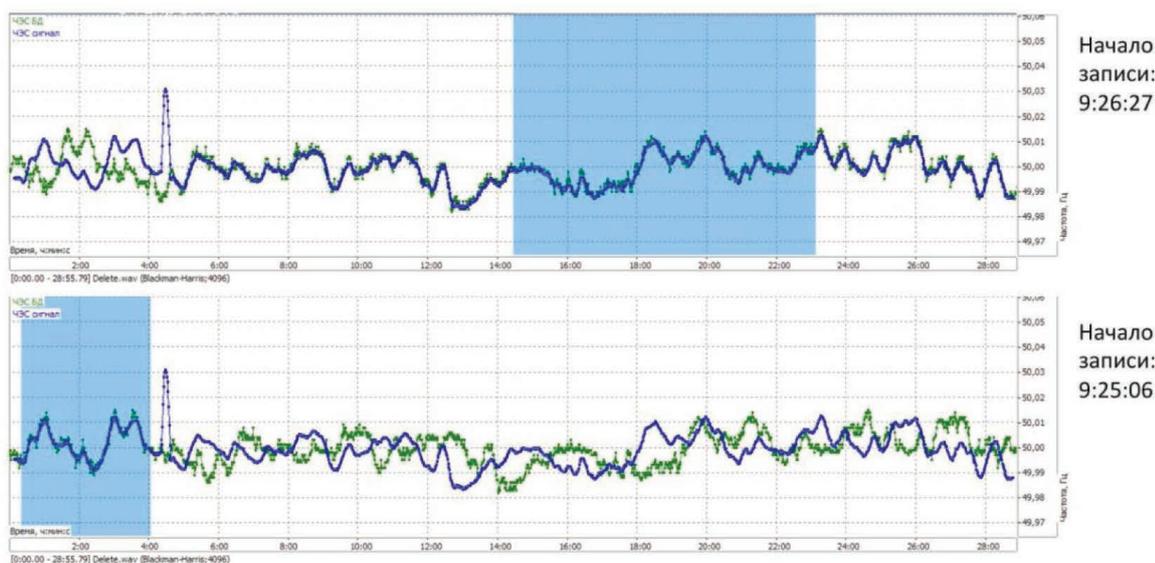

Рис. 5. Сравнение графика частоты электрического тока из базы данных и графика частоты наводки, зафиксированной на смонтированной фонограмме
Fig. 5. Comparing an electric network frequency curve from the database with the ENF curve extracted from an altered audio recording

На втором этапе применяется алгоритм поиска и сравнения частоты электрического тока на исследуемой записи и значений частоты электрического тока из базы данных, после чего следует анализ и интерпретация полученных результатов.

В качестве программного обеспечения для производства такого криминалистического исследования можно рекомендовать специальное программное обеспечение OTExpert, в котором имеется специальный блок ENF-Expert, предназначенный для выделения, анализа и поиска следов электросетевых наводок в исследуемой фонограмме, сравнения этих следов со сведениями из базы данных, полученных от комплекса ENF-Server или электросетевых компаний.

Заключение

Описанный метод позволяет в ходе экспертного исследования учитывать уникальный для конкретного момента времени на всей территории России характер изменения частоты электрического тока. Сравнение графика изменения частоты электрического тока на фонограмме с графиком частоты электрического тока, фиксируемой специальной аппаратурой и накапливаемой в базе данных, позволяет эксперту установить непрерывность фонограммы, а также реальную дату и время записи, что невозможно получить другими инструментальными методами анализа фонограмм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Grigoras C. Digital Audio Recording Analysis: The Electric Network Frequency (ENF) Criterion. *International Journal of Speech, Language and the Law*. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 63–76. <https://doi.org/10.1558/sll.2005.12.1.63>
2. Grigoras C., Cooper A.J., Michałek M. Forensic Speech and Audio Analysis Working Group – Best Practice Guidelines for ENF Analysis in Forensic Authentication of Digital Evidence. *Proceedings of the Forensic Speech and Audio Analysis Working Group. ENFSI FSAAWG Steering Committee on June 2nd, 2009*. P. 1–10. http://enfsi.eu/wp-content/uploads/2016/09/forensic_speech_and_audio_analysis_wg_-_best_practice_guidelines_for_enf_analysis_in_forensic_authentication_of_digital_evidence_0.pdf (дата обращения 01.02.2019).
3. Grigoras C. Applications of ENF Criterion in Forensic Audio, Video, Computer and Telecommunication Analysis. *Forensic Science International*. 2007. Vol. 167. No. 2–3. P. 136–145. <http://dx.doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.033>
4. Korycki R. Methods of Time-Frequency Analysis in Authentication of Digital Audio Recordings. *International Journal of Electronics and Telecommunications*. 2010. Vol. 56. No. 3. P. 257–262. <https://doi.org/10.2478/v10177-010-0033-0>
5. Cooper A.J. An Automated Approach to the Electric Network Frequency (ENF) Criterion – Theory and Practice. *International Journal of Speech Language and the Law*. 2010. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.1558/ijssl.v16i2.193>
6. Cooper A.J. Further Considerations for the Analysis of ENF Data for Forensic Audio and Video Applications. *International Journal of Speech Language and the Law*. 2011. Vol. 18. No. 1. <http://dx.doi.org/10.1558/ijssl.v18i1.99>
7. Ojowu O., Karlsson J., Li J., Liu Y. ENF Extraction From Digital Recordings Using Adaptive Techniques and Frequency Tracking. *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*. 2012. Vol. 7. No. 4. P. 1330–1338. <http://dx.doi.org/10.1109/tifs.2012.2197391>
8. Huijbregtse M., Geradts Z.J.M.H. Using the ENF Criterion for Determining the Time of Recording of Short Digital Audio Recordings. In: Geradts Z.J.M.H., Franke K.Y., Veenman C.J. (eds.) *Computational Forensics. International Workshop on Computational Forensics 2009. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 5718. Springer, Berlin, Heidelberg. P. 116–124. http://doi.org/10.1007/978-3-642-03521-0_11
9. Saric Z., Zunic A., Zrnica T., Knezevic M., Despotovic D., Delic T. Improving Location of Recording Classification Using Electric Network Frequency (ENF) analysis. *2016 IEEE 14th International Symposium on Intelligent Systems and Informatics*. (Subotica, Serbia, 29–31 August, 2016). P. 51–56. <http://dx.doi.org/10.1109/sisy.2016.7601517>
10. Kajstura M., Trawinska A., Hebenstreit J. Application of the Electrical Network Frequency (ENF) Criterion. *Forensic Science International*. 2005. Vol. 155. No. 2–3. P. 165–171. <http://dx.doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.11.015>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бессонов Алексей Александрович – д. ю. н., доцент, руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации; e-mail: bestallv@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Bessonov Aleksey Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Science & Research Department (Research Institute of Criminalistics) of the General Directorate of Criminalistics (Criminalistics Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: bestallv@mail.ru

Бояров Александр Григорьевич – старший эксперт лаборатории судебной экспертизы видео- и звукозаписей Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации;
e-mail: sass2002@yandex.ru

Степанов Максим Валерьевич – руководитель отдела фоноскопических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации; e-mail: Stepanov_mv@Sledcom.ru

Boyarov Alexander Grigoryevich – Senior State Forensic Examiner of the Laboratory of Forensic Video and Audio Analysis of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation;
e-mail: sass2002@yandex.ru

Stepanov Maksim Valer'evich – Head of the Audio Forensics Division of the Department of Organization of Expert Activities of the General Directorate of Criminalistics (Criminalistics Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: Stepanov_mv@Sledcom.ru

Статья поступила: 18.04.2019

Received: 18.04.2019

О форме и содержании заключения эксперта-почерковеда

М.В. Жижина^{1,2}, И.Р. Ягутьян¹

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Россия

Аннотация: К содержанию заключения эксперта уже многие десятилетия приковано внимание как ученых-исследователей, так и экспертов-практиков, поскольку оно является не только важнейшим доказательством в судебном процессе, имеющим подчас ключевое значение при принятии решения по делу, но и документом, объединяющим в себе процессуальную и научно-методическую составляющие.

Судебно-почерковедческая экспертиза – одна из наиболее востребованных судопроизводством судебных экспертиз, глубоко и всесторонне разработана, обеспечена подробными методическими рекомендациями по составлению и оформлению заключения эксперта. Однако анализ заключений экспертов-почерковедов как государственных судебно-экспертных учреждений, так и негосударственных позволил выявить ряд недостатков, которые не способствуют повышению его доказательственного статуса. В особенности это касается производства судебно-почерковедческой экспертизы негосударственными специалистами, зачастую не обладающими должной компетенцией. Вместе с тем количество судебно-почерковедческих экспертиз, назначаемых судами в негосударственные экспертные учреждения, существенно преобладает.

В статье разобраны наиболее типичные недостатки, допускаемые экспертами-почерковедами при составлении заключений, предложены некоторые способы их устранения. Признано, что в ближайшее время необходимо подготовить методические рекомендации для экспертов-почерковедов, учитывающие современные требования, предъявляемые к заключениям эксперта.

Ключевые слова: *судебно-почерковедческая экспертиза, заключение эксперта, форма и содержание*

Для цитирования: Жижина М.В., Ягутьян И.Р. О форме и содержании заключения эксперта-почерковеда // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 51–60.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-51-60>

On the Form and Content of a Forensic Handwriting Expert's Opinion

Marina V. Zhizhina^{1,2}, Inna R. Yagut'yan¹

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russia

Abstract. The content of a forensic handwriting expert's opinion has been holding attention of both research scientists and practicing experts for many decades now since it is not only an essential evidence in court often being crucial to deciding on a case but also a document bringing together procedural and scientific methodological elements.

Forensic handwriting examination is much in demand for court, it is also profoundly and comprehensively developed, supported by detailed methodological recommendations on drafting and processing of an expert's opinion. However, the analysis of experts' opinions from state forensic institutions as well as from non-state brought to light several shortcomings which do not enhance their evidentiary status. This applies in particular to performing the forensic examination by non-state experts who tend to lack competence. At the same time the number of forensic handwriting examinations assigned by court to the non-state forensic institutions prevails significantly.

The most common mistakes made by the handwriting experts when drafting opinions are reviewed in the article, some ways to resolve them are proposed. The need to provide methodological recommendations

for forensic handwriting experts incorporating current requirements to the experts' opinions is acknowledged.

Keywords: *forensic handwriting examination, expert's opinion, form and content*

For citation: Zhizhina M.V., Yagut'yan I.R. On the Form and Content of a Forensic Handwriting Expert's Opinion. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 51–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-51-60>

Введение

Вопросам содержания заключения эксперта посвящены многочисленные работы советских и российских ученых. К этой теме в разное время обращались как в процессуальном¹ [1, 2], так и в криминалистическом (методическом)² [3, 4] аспектах. Содержание и структура заключения эксперта-почерковеда всесторонне и подробно рассмотрена и в методической литературе [5–7]. Поэтому, казалось бы, данные вопросы достаточно исследованы, однако проведенное авторами статьи обобщение заключений экспертов-почерковедов, как государственных – сотрудников системы судебной-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России, так и негосударственных, позволило выявить ряд недостатков. В особенности это касается оформления заключений судебной-почерковедческой экспертизы негосударственными специалистами, не имеющими подчас ни необходимой подготовки по экспертной специальности, ни соответствующего опыта работы в государственных СЭУ. В то же время именно они на сегодняшний день преобладают в гражданском судопроизводстве.

Постоянное развитие и изменение процессуального законодательства, а также судебной-экспертной практики требуют отдельного рассмотрения: вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, совершенствуются способы фальсификации почерковых объектов, в практике производства судебной-почерковедческой экспертизы появились новые объекты исследования и

пр. Все вышеперечисленное требует изучения.

Целью настоящей работы является рассмотрение содержания заключения эксперта-почерковеда с учетом современных требований, предъявляемых к данному документу, унификация его составления и формирование единообразной практики использования заключений судебной-почерковедческой экспертизы в судопроизводстве.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили результаты обобщения экспертной практики как государственных экспертов – сотрудников лаборатории судебной-почерковедческой экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, так и сотрудников негосударственных СЭУ, а также опыт проведения одним из авторов методического анализа (рецензирования) заключений экспертов-почерковедов за 2015–2018 гг.

Основные результаты

В соответствии с методическими рекомендациями к заключению эксперта-почерковеда предъявляются следующие требования: научная обоснованность, использование всего комплекса методов при проведении исследования, развернутость и логическая последовательность описания, соответствие исследовательской части проведенному исследованию и выводам, четкость и точность изложения, использование определенной терминологии, соблюдение общей структуры составления документа, конкретность выводов [5, с. 422]. Соблюдение этих требований регламентируется и нормативными документами (ст. 204 УПК, ст. 86 ГПК, ст. 86 АПК, ст. 82 КАС, ст. 25 ФЗ «О государственной судебной-экспертной деятельности» [далее по тексту – ФЗ о ГСЭД]) в виде общих положений (письменная форма, наличие удостоверительных подписей экспертов),

¹ Эйсман А.А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств: Исследование логической структуры доказывания, методов обоснования выводов эксперта и их оценки в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1965. 36 с.

² Педенчук А.К. Заключение судебного эксперта: логика, истинность, достоверность: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 1995. 311 с.

а также требований ко всем частям заключения.

Общепринятая структура заключения судебно-почерковедческой экспертизы включает следующие части: вводную, исследовательскую и выводы. Составной частью заключения являются иллюстрации, как правило в виде приложения.

Предпосылается заключению эксперта документ, именуемый *подпиской эксперта*, в котором содержатся: а) поручение производства экспертизы конкретному эксперту и разъяснение ему его прав и обязанностей в соответствии со ст. 16, 17 ФЗ о ГСЭД, а также ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ, ст. 49 КАС РФ (в зависимости от категории дела); б) предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УПК РФ. Этот документ оформляется на отдельном листе бумаги.

В соответствии со ст. 25 ФЗ о ГСЭД во вводной части заключения эксперта должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основание производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначившем судебную экспертизу;
- сведения о государственном СЭУ, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которому поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- список объектов исследования и материалов дела, представленных эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы.

Несмотря на методическую проработанность большинства вышеуказанных позиций, некоторые из них являются относительно новеллами. Кроме того, отдельного обсуждения заслуживают и другие положения, казалось бы, давно и прочно вошедшие в экспертную практику и всесторонне методически обоснованные.

Время производства экспертизы. Не так давно на титульном листе экспертного заключения фиксировалась только дата окончания экспертизы. Продолжительность ее производства определялась по дате на подписке эксперта. В последние годы в экспертной практике стало правилом на первом листе заключения эксперта указывать дату и время начала, а также дату и время окончания экспертного исследования (например: «экспертиза начата в 10:00 01.02.2018 г.; экспертиза окончена в 17:00 10.02.2018 г.»). Данные изменения в оформлении заключения эксперта не носят принципиального характера. Однако в отношении формы заключения эксперта они более соответствуют законодательной регламентации.

Законодатель предписывает именно в заключении (а не в подписке) приводить *сведения об эксперте*, которому поручено производство судебной экспертизы. Заключение эксперта должно содержать и *предупреждение его об ответственности* за дачу заведомо ложного заключения. По формальным требованиям отдельными строками необходимо указывать фамилию, имя, отчество эксперта, образование, специальность и стаж работы по ней, ученую степень, ученое звание и занимаемую должность, информацию о том, что эксперт предупрежден об ответственности по ст. 307 УК РФ (что оформлено подпиской).

Перечень документов, подлежащих исследованию, приводится с указанием их реквизитов. При этом описание документов должно быть абсолютно точным: с приведением наименования, даты, номера документа, в отдельных случаях – ФИО лица, на чье имя выписан документ или от имени кого он выполнен, иных конкретизирующих данных и количества страниц. Например: «кредитный договор № 00/00 от 01.01.2018 (на 7 л.)».

Современные возможности оформления заключения эксперта-почерковеда вносят свои коррективы и позволяют индивидуализировать спорный документ, поступивший на исследование, путем приведения его снимка в иллюстрационной таблице (или по тексту). Если спорные документы представлены в небольшом количестве (1–5), мы рекомендуем для большей наглядности приводить снимок каждого из них в масштабе 1 : 1 или немного меньшем, позволяющем четко увидеть реквизиты.

При проведении многообъектного почерковедческого исследования иллюстрировать каждый оспариваемый документ, конечно, нецелесообразно.

Однако, как показал анализ экспертной практики, встречаются заключения с иллюстрациями представленных на исследование документов в виде их «стопки», разложенных «веером», или папки с номером судебного дела. Подобную практику иллюстрирования общего вида документов следует признать абсолютно бесполезной. На таких снимках не отображаются реквизиты оспариваемых документов, исследованные почерковые объекты; индивидуализировать по ним документы невозможно, поэтому их ценность ничтожна.

Вопросы, поставленные перед экспертом, приводятся в формулировке, содержащейся в постановлении или определении о назначении экспертизы. Традиционным правилом является недопустимость изменения сути задания за счет сужения его объема. Однако процессуальное законодательство позволяет реализовывать право эксперта на инициативу (ст. 204 УПК РФ, ст. 86 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 49 КАС РФ). В случае решения вопроса по инициативе эксперта, он формулируется после вопросов, поставленных в постановлении (определении).

Перечень образцов почерка и (или) подписи, представленных для сравнительного исследования, приводится с указанием фамилии, имени и отчества каждого предполагаемого исполнителя в следующем порядке: свободные, условно-свободные, экспериментальные. В соответствии с методическими рекомендациями при описании свободных и условно-свободных образцов указываются индивидуализирующие реквизиты документа (номер, дата и пр.) и количество страниц, при предоставлении материалов судебных дел – номер листа дела, а при описании экспериментальных образцов – условия их выполнения и число листов.

Обобщение экспертных заключений показало, что на практике встречаются следующие отступления от общепринятых рекомендаций:

1) отсутствует какая-либо конкретизация документа – сравнительного образца (например, в заключении указано: «свободные образцы на 10 листах»);

2) в отношении каждого документа – сравнительного образца указывается ко-

личество подписей в нем (например, «договор № 00 от 01.01.01 – 5 подписей»).

Первый вариант неприемлем в связи с тем, что отсутствие индивидуализации образцов не позволяет в дальнейшем при необходимости ознакомиться с ними, определить их качественные характеристики, сопоставимость, что влечет нарушение законодательно установленных принципов судебно-экспертной деятельности (ст. 4, 7, 8 ФЗ о ГСЭД). Второй вариант чреват другими злоупотреблениями: указывая большое количество подписей в одном-двух представленных документах-образцах, эксперт обосновывает таким образом их достаточность для проведения идентификационного исследования. Однако одномоментность выполнения подписей в одном и том же документе не позволяет проявиться вариационности подписного почерка лица, поэтому при определении достаточности сравнительного материала методически рекомендовано ориентироваться на количество документов-образцов, а не подписей в них.

Особого внимания заслуживают ситуации использования дополнительных сравнительных материалов экспертом-почерковедом по своей инициативе. В соответствии со ст. 16 ФЗ о ГСЭД эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Во исполнение требований закона эксперт обязательно должен согласовать использование почерковых образцов, имеющихся в представленном на экспертизу деле, но не указанных в определении или постановлении о назначении экспертизы в этом качестве, и отразить это в своем заключении.

Еще одно формальное требование связано с необходимостью указания в заключении эксперта *сведений об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы*. Во избежание упреков в несоблюдении требований к форме доказательства, информацию о присутствии участников процесса необходимо приводить во вводной части заключения эксперта-почерковеда.

Положительным моментом экспертной практики последних лет является указание в разделе *Примечание* вводной части заключения дополнительных сведений – обстоятельств, имеющих значение для экспертного исследования. Например, пожилой или старческий возраст предполагаемого исполнителя, состояние здоровья со ссылкой

на историю болезни, амбулаторную карту и пр., необычные условия выполнения (стоя, лежа в постели и т. д.), невозможность предоставления дополнительных образцов, указанная следователем или судом, и др. Такая информация особенно важна, т. к. помогает правильно оценить субъектам доказания сделанный вывод.

В соответствии с законодательством в *исследовательской части* заключения отражаются содержание и результаты исследований.

Предваряет непосредственное описание проведенного исследования законодательно предусмотренное *указание метода или комплекса методов*, использованных экспертом для решения поставленной задачи, с приведением выходных данных печатного издания. Методическое обеспечение может быть перечислено и в конце исследовательской части, что не является, на наш взгляд, принципиальным. Важно другое – его содержание.

При оформлении заключений экспертами-почерковедами системы Минюста России совершенно корректно указываются методические пособия, содержащие апробированные, сертифицированные, рекомендованные к применению методики, отвечающие современному состоянию науки [5–7]. Указание конкретного методического источника зависит от специфики объекта исследования.

В заключениях по судебно-почерковедческим экспертизам, оформленных негосударственными экспертами, зачастую в качестве методического обеспечения указываются нормативные акты, учебники, курсы лекций по судебному почерковедению, научно-популярная литература, монографии, диссертации, справочная литература, «авторские», не прошедшие апробацию и не рекомендованные к использованию в экспертной практике методики.

Знание положений закона, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, как и учебной литературы, в которой заложены основы экспертной специальности, является обязательным для каждого профессионала. Однако в них не содержатся методики проведения видов (родов) экспертиз. Монографическая и научно-популярная литература, обращенная к широкому кругу читателей, также не содержит методических рекомендаций для эксперта. Авторские методики, не рекомендованные к применению в экспертно-почерковедче-

ской практике в соответствующем порядке, вообще не должны использоваться при производстве судебной экспертизы.

Знание вышеуказанных источников, конечно, полезно и обогащает любого специалиста, но осуществлять на их основе производство судебных экспертиз нельзя. Соответственно, недопустимым является их приведение в качестве методического обеспечения в заключении эксперта-почерковеда.

Далее в исследовательской части содержится описание *процесса решения судебно-почерковедческой задачи*: идентификационной, диагностической или интеграционной. Его структура зависит от класса и группы решаемой задачи и должна соответствовать требованиям, предъявляемым в методических рекомендациях. Схематически она выглядит следующим образом:

- описание исследуемого документа и характеристика рукописного объекта;
- описание общих признаков исследуемого почерка;
- приведение частного (промежуточного) синтеза относительно возможных необычных условий, в которых выполнялся исследуемый объект;
- описание отдельного идентификационного исследования и его результатов (совпадений и различий идентификационных общих и частных признаков) или соответствующих признаков при решении диагностических задач;
- приведение синтезирующей оценки результатов исследования.

В соответствии с методическими рекомендациями проведения судебно-почерковедческой экспертизы [5, с. 432] необходимо кратко *описать исследуемый документ* (наименование, реквизиты) и охарактеризовать рукописный объект с указанием его местоположения. Если при осмотре документа выявлены обстоятельства, которые могут оказать влияние на процесс исследования и выводы, они приводятся (например, расплывы красителя, сильное загрязнение, затертость документа, делающие штрихи почерковых объектов неразличимыми). Этим рекомендациям четко следуют эксперты-почерковеды системы Минюста России.

Негосударственные эксперты, как правило, придерживаются более подробной системы описания исследуемого документа. В некоторых заключениях подробность

описания чрезмерна, что перегружает заключение эксперта лишней информацией, не имеющей прямого отношения к решению почерковедческой задачи. Например, сведения о цвете и характере упаковки, размерах и виде скрепления листов в документе, способе нанесения печатного текста и пр. Гораздо большую информативность и значимость имел бы рекомендуемый нами индивидуализирующий снимок исследуемого документа, приведенный в иллюстрационной таблице.

Если исследуемый документ представлен копией, необходимо охарактеризовать качество его копирования и оценить в связи с этим возможность (или невозможность) дальнейшего почерковедческого исследования изображений почерковых объектов. Несмотря на то что методические рекомендации по исследованию почерковых объектов в копиях документов были разработаны и внедрены в экспертную практику уже более 15 лет назад, в отдельных экспертных заключениях они по-прежнему игнорируются.

Следует помнить, что изображение подписи в копии документа – условно-пригодный, специфический объект, возможность решения идентификационных и диагностических задач по которому зависит именно от качества копирования документа. «Чем выше качество копии, тем выше возможности почерковедческого исследования» [6, с. 524]. В связи с этим вышеуказанные характеристики следует приводить обязательно.

Внимания заслуживает и вопрос о корректности *предварительного исследования непосредственных почерковых объектов* (подписи, краткой записи, текста), *его описания* в исследовательской части и их пределах в рамках судебно-почерковедческой экспертизы.

В соответствии с методическими рекомендациями, применяемыми в почерковедческих лабораториях системы Минюста России [5, с. 336–337], на предварительном этапе исследования в отношении конкретного почеркового объекта выясняются: способ нанесения, цвет и качество штрихов, характер и объем рукописи (подписи), способ ее выполнения. При этом описание исследования на предварительном этапе подробно не излагается в исследовательской части, а резюмируются лишь отдельные установленные факты.

В то же время некоторые негосударственные эксперты-почерковеды, характеризуя почерковые объекты, нередко далеко выходят за пределы своей специализации, вторгаясь в смежную экспертную специальность – судебно-техническое исследование реквизитов документов. При этом они приводят подробное описание технического исследования почерковых объектов с иллюстрированием в УФ- и (или) ИК-частях спектра, в проходящих и косоппадающих лучах и т. д.

Нам же представляется, что использование всех возможностей судебно-технической экспертизы в отношении объектов почерковедческой экспертизы с их подробным описанием, а иногда и иллюстрированием в исследовательской части заключения эксперта-почерковеда является, мягко говоря, излишним. Так, исследование в целях установления рукописного способа выполнения исследуемых объектов является обязательным, однако установление вида чернил пишущего прибора, которым они выполнены, абсолютно не нужно. Более того, не имеющая к решению почерковедческого исследования информация только усложняет исследование и снижает его научную ценность.

В связи с этим считаем структуру и пределы описания исследуемого объекта, рекомендуемые в методической литературе для экспертов-почерковедов системы Минюста России, более точной и корректной, не перегружающей источник доказательственной информации – заключение эксперта – ненужными сведениями.

На предварительном этапе эксперт-почерковед должен установить *отсутствие факта технической подделки* при выполнении почеркового объекта. Вопрос отражения в исследовательской части установления данного факта также требует отдельного рассмотрения.

Несмотря на то что отсутствие признаков использования технических средств и приемов в соответствии с методикой, применяемой в экспертно-почерковедческих лабораториях системы Минюста России, специально оговаривать не обязательно [5, с. 345], современная экспертная практика оформления судебно-почерковедческих исследований вносит свои коррективы и идет по пути включения соответствующей оговорки в текст заключения.

При этом хотелось бы отметить определенную неполноту исследования, про-

водимого в этих целях. В результате проведения микроскопического исследования и осмотра в косопадающем свете эксперты могут установить далеко не все признаки, свидетельствующие о применении технических средств и приемов при выполнении почерковых объектов. Кроме того, современные технические способы подделки заключаются совсем не в «передавливании» штрихов и карандашной «подготовке». Помимо традиционных технических приемов, в арсенал фальсификаторов уже давно вошло использование в этих целях информационных технологий (в том числе применение графопостроителей (плоттеров), на что уже достаточно давно обращают внимание наши зарубежные коллеги [8, 9].

Необходимо более глубокое исследование, предусматривающее: а) выявление применения технических средств, включающее анализ штрихов в ультрафиолетовой и инфракрасной частях спектра; б) выявление применения компьютерных технологий.

Вместе с тем следует помнить, что установление способа выполнения почерковых объектов, равно как и факта их технической подделки, являются самостоятельными задачами судебно-технической экспертизы реквизитов документов. Применение же информационных технологий при изготовлении подписи является комплексной задачей судебно-технической экспертизы реквизитов документов и судебной компьютерно-технической экспертизы. Возникает коллизия, разрешить которую наиболее эффективно, как нам представляется, можно путем расширения круга вопросов, входящих в программу подготовки государственных судебных экспертов системы СЭУ Минюста России по экспертной специальности 1.1 «Исследование почерка и подписей»³, а именно включением в нее основ технического и компьютерно-технического исследования почерковых объектов.

Современный эксперт-почерковед обязан знать признаки, свидетельствующие о применении технических и информационных технологий при выполнении почерковых объектов, чтобы не легализовать поддельные документы в судопроизводстве.

³ Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Официальный сайт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. <http://www.sudexpert.ru/files/norms/237.pdf>

Отсутствие соответствующих признаков он должен указать при описании непосредственного объекта исследования.

Мы предлагаем следующую формулировку, наиболее точно и полно описывающую рассматриваемую стадию: «Проведенным предварительным исследованием данных рукописной записи и подписи визуально, в том числе с использованием микроскопа МБС-10 (увеличение 16 крат), Leica M 125 (увеличение до 100 крат), анализом штрихов в ультрафиолетовой и инфракрасной зонах спектра при помощи видеоспектрального компаратора VSC-400 Foster+Freeman, установлено, что признаки использования вспомогательных технических и иных средств (приемов) при их выполнении отсутствуют».

Следующим этапом является *описание общих признаков исследуемого почерка*, которые перечисляются в таком порядке: общесистемные, отражающие структурно-геометрические и динамические характеристики, отражающие пространственную ориентацию, признаки письменной речи (при исследовании текстов и кратких записей). Анализ экспертной практики выявил несколько проблемных моментов на этом этапе, свойственных работе как государственных, так и, в большей степени, негосударственных экспертов.

Во-первых, отсутствует терминологическое единообразие при описании характеристик почерковых признаков, что не способствует применению и оценке судебно-почерковедческой экспертизы в судопроизводстве в целом. В связи с этим нам представляется целесообразным подготовить под руководством ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (как главного научно-методического центра) обновленных методических рекомендаций – пособий для экспертов, необходимых для устранения данного недостатка (например, с системой характеристик признаков при исследовании подписей, правил разбиения букв русского, латинского, арабского алфавитов и цифр на элементы).

Во-вторых, проблемной является корректность установления и описания отдельных признаков почерковых объектов в копиях документов с учетом их широкой распространенности в экспертной практике. К таким признакам относятся координата движений 1-й и 2-й групп, темп, степень и характер нажима. В некоторых заключениях судебно-почерковедческой

экспертизы эксперты их не приводят вовсе – без объяснения причин, в других – определяют и характеризуют в полном объеме. Это побуждает обратиться к данному вопросу.

Особенности почерковедческого исследования объектов в копиях документов изложены в методической литературе, где особо отмечается, что эксперт должен знать: 1) устойчивые признаки почерка, которые всегда отображаются в копиях, 2) признаки, подверженные искажению и маскировке, и 3) закономерности отображения в копиях конкретных признаков почерка, позволяющие эксперту знать, как эти признаки в копии выглядят [5, с. 519–535].

Диагностические признаки (координация движений 1-й и 2-й групп, темп движений), степень и характер нажима относятся к подверженным искажению. Тем не менее копия должна быть исследована на предмет их выявления в почерковом объекте. Правилom для экспертов-почерковедов, как нам представляется, является следующее. В копиях документов хорошего качества диагностические признаки (координация движений и темп) могут быть установлены, в копиях низкого качества проявлениям диагностических признаков доверять не следует, и они указываться не должны. К определению нажимных характеристик необходимо относиться с еще большей осторожностью. Учитывая невозможность определения вдавленности штрихов в копиях документов и достаточно редкую отчетливую дифференциацию нажимных движений, нажимные характеристики можно приводить при ярко выраженной их локализации в копиях высокого качества.

Методическим пробелом, нуждающимся в самостоятельном исследовании, является специфика определения общих и частных признаков почерковых объектов в фотокопиях документов, которые все чаще представляются на почерковедческую экспертизу. К слову, в иностранной литературе к этой проблеме обратились уже достаточно давно [10]. Мы явно отстаем в этом направлении, в то время как насущная потребность в соответствующих методических рекомендациях имеется.

Еще одним вопросом, требующим рассмотрения, является следующий: необходимо ли отдельно приводить описание характеристик общих признаков почерка (подписи), представленного в качестве

образца? Различия в экспертной практике опять же стимулируют рассмотреть этот момент.

В соответствии с методическими рекомендациями [5, с. 435], которым четко следуют эксперты-почерковеды системы Минюста, изучаемые на стадии отдельного исследования общие и частные признаки почерка (подписи), представленного в качестве образца, в заключении не описываются, дабы избежать повторений. При изложении дальнейшего сравнительного исследования подробно описываются совпадения и различия общих и частных признаков исследуемого объекта и образцов.

В заключениях же негосударственных экспертов-почерковедов, как правило, подробно приводятся характеристики общих признаков почерка (подписи) в документах-образцах, иногда с разбивкой по их видам. Затем при проведении сравнительного исследования они повторно перечисляются среди совпадений или различий.

На наш взгляд, хотя это и не является принципиальным разногласием, правила описания, которых придерживаются эксперты-почерковеды системы Минюста, более точные, ясные и эргономичные. В связи с этим при проведении подготовки и повышения квалификации негосударственных экспертов, осуществляемых на базе ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, на данный фактор следует обращать особое внимание.

Относительно этапа описания отдельного идентификационного исследования и его результатов с приведением характеристик признаков излишним будет напомнить о его определенной последовательности. Так, при решении идентификационной задачи с положительным результатом сначала описываются совпадающие признаки, затем различающиеся; при отрицательном – сначала описываются различия, затем совпадения. Естественно, в количественном и качественном соотношении данные признаки должны четко соответствовать методическим указаниям для обоснования того или иного вывода.

В разделе *выводы* в краткой и четкой форме формулируются ответы на поставленные перед экспертом вопросы терминологически определенным ясным языком, не допускающим различных толкований.

Как предписывают методические рекомендации, последовательность выводов должна соответствовать последователь-

ности пунктов в исследовательской части заключения. Ответы на вопросы, решенные экспертом по собственной инициативе, приводятся после ответов на вопросы, поставленные судом (следователем). Если наряду с выводами по решенным вопросам эксперт в своем заключении сообщает о невозможности дачи заключения по отдельным вопросам, то это должно быть представлено в последнем пункте раздела «Выводы».

Составной частью заключения эксперта-почерковеда являются *иллюстрации*, которые наглядно и в доступной форме демонстрируют результаты исследования: исследуемый объект и образцы почерка предполагаемого исполнителя; стрелками указываются признаки, совокупность которых легла в обоснование вывода.

Как показали результаты обобщения экспертной практики, далеко не все эксперты-почерковеды при составлении заключений приводят иллюстрации. Причем зачастую иллюстрации полностью отсутствуют и в заключениях при даче категорических идентификационных выводов. Такую практику следует признать неприемлемой.

Иллюстрирование заключения эксперта направлено на реализацию законодательно регламентируемых принципов судебно-экспертной деятельности (ст. 4, 8 ФЗ о ГСЭД), которые должен соблюдать каждый эксперт-почерковед. Поэтому категорические выводы, учитывая их доказательственное значение, следует иллюстрировать в обязательном порядке, вероятные – мы также считаем целесообразным иллюстрировать, выводы в форме «не представляется возможным ответить на вопрос», как правило, иллюстрировать не стоит.

Учитывая особое значение иллюстрирования заключения эксперта-почерковеда, которое позволяет оценить субъектам доказывания как само проведенное исследование, так и достоверность сделанного вывода, к содержанию таблицы снимков (или иллюстрирующей таблицы) следует подходить с особым вниманием. Для иллюстрирования следует изготавливать снимки с некоторым увеличением почерковых объектов и максимально четкие (что позволяет сканирование документов с разрешением не менее 600 dpi или фотосъемка с линейным масштабом).

При иллюстрировании исследования подписи рекомендуется рядом помещать два фотоснимка: контрольный и для разметки признаков. Количество и выборка образцов для иллюстрации должны быть достаточными для обоснования экспертного вывода: количество образцов должно быть более трех, по качеству – максимально сопоставимые, но в то же время отражающие вариационность почерка проверяемых лиц. Стоит специально отметить, что недопустимым является иллюстрирование категорических отрицательных выводов с использованием снимков одного-двух образцов, как это имеет место в практике некоторых негосударственных экспертов.

Заключение

Таким образом, современная судебно-экспертная практика демонстрирует отсутствие единого подхода к составлению и оформлению заключений эксперта-почерковеда, в то время как он является обязательным системообразующим условием, выполнение которого закреплено как в законе, так и в общепринятых сертифицированных экспертных методиках. Приведенный в статье анализ содержательной стороны заключения эксперта-почерковеда, конечно, не затрагивает всех аспектов, которым следовало бы уделить внимание. Мы рассмотрели лишь основные формальные моменты, ставшие относительными новациями или вызывающие наибольшие разночтения в практике экспертов-почерковедов в настоящее время.

Предлагаемые нами рекомендации для составления и оформления заключения эксперта-почерковеда выработаны во исполнение требований современного законодательства и обновившихся условий экспертных почерковедческих исследований. Реализация предлагаемых рекомендаций для экспертной практики направлена на унификацию судебно-экспертной деятельности экспертов-почерковедов, а также на формирование единообразной судебной практики по назначению и использованию института экспертизы в отечественном судопроизводстве. Данные рекомендации нуждаются в дальнейшем методическом закреплении, которое должно быть осуществлено в ближайшее время на базе ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России как главного научно-методического центра страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964. 266 с.
2. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. Учебное пособие. М.: Юрист, 1995. 64 с.
3. Шляхов А.Р. Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста / Труды ВНИИСЭ. Вып. 4. М.: ВНИИСЭ, 1972. С. 3–112.
4. Смирнова С.А., Усов А.И., Микляева О.В. Основы формирования заключения эксперта. М.: РФЦСЭ, 2015. 236 с.
5. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы / Под ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 543 с.
6. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / Под ред. В.Ф. Орловой. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: РФЦСЭ, 2011. 538 с.
7. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование рукописных текстов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 2007. 341 с.
8. Foley R. Examination of digital signature cases involving the UPS DIAD device. *Proceedings of the 59th Annual Conference of the American Society of Questioned Document Examiners (August 19–21, 2001)*. Des Moines (IA). Long Beach, CA: American Society of Questioned Document Examiners, 2001.
9. Kruger D.M. The LongPen™ – The World's First Original Remote Signing Device // *Journal of Forensic Sciences*. 2010. Vol. 55. Issue 3. P. 795–800. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1556-4029.2010.01348.x>
10. Dawson G.A., Lindblom B.S. An Evaluation of Line Quality in Photocopied Signatures // *Science & Justice*. 1998. Vol. 38. Issue 3. P. 189–94. [https://doi.org/10.1016/S1355-0306\(98\)72103-3](https://doi.org/10.1016/S1355-0306(98)72103-3)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жижина Марина Владимировна – д. ю. н., главный научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); e-mail: mzhizhina@yandex.ru

Ягутьян Инна Рубеновна – заведующая лабораторией судебно-почерковедческой экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: lspe_rfcse@sudexpert.ru

REFERENCES

1. Petrukhin I.L. *Forensic examination as a means of proof in the Soviet criminal proceedings*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1964. 266 p. (In Russ.)
2. Orlov Yu.K. *Expert's opinion and its assessment in criminal cases*. Moscow: Yurist, 1995. 64 p. (In Russ.)
3. Shlyakhov A.R. The structure of an expert examination and gnoseological characteristic of forensic expert's conclusions. *The works of All-Union Scientific Research Institute of Forensic Science. Issue 4*. Moscow: VNIISE, 1972. P. 3–112. (In Russ.)
4. Smirnova S.A., Usov A.I., Miklyaeva O.V. *The framework of expert's opinion formulation*. Moscow: RFCFS, 2015. 236 p. (In Russ.)
5. Orlova V.F. *Forensic handwriting examination. General part. Theoretical and methodological framework*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2006. 543 p. (In Russ.)
6. Orlova V.F. *Forensic handwriting examination. Special part. Examination of small volume handwriting objects*. 2nd ed. Moscow: RFCFS, 2011. 538 p. (In Russ.)
7. *Forensic handwriting examination. Special part. Examination of handwritten texts*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2007. 341 p. (In Russ.)
8. Foley R. Examination of digital signature cases involving the UPS DIAD device. *Proceedings of the 59th Annual Conference of the American Society of Questioned Document Examiners (August 19–21, 2001)*. Des Moines (IA). Long Beach, CA: American Society of Questioned Document Examiners, 2001.
9. Kruger D.M. The LongPen™ – The World's First Original Remote Signing Device. *Journal of Forensic Sciences*. 2010. Vol. 55. Issue 3. P. 795–800. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1556-4029.2010.01348.x>
10. Dawson G.A., Lindblom B.S. An Evaluation of Line Quality in Photocopied Signatures. *Science & Justice*. 1998. Vol. 38. Issue 3. P. 189–94. [https://doi.org/10.1016/S1355-0306\(98\)72103-3](https://doi.org/10.1016/S1355-0306(98)72103-3)

ABOUT THE AUTHORS

Zhizhina Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Principal Researcher, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Professor of the Criminalistics Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); e-mail: mzhizhina@yandex.ru

Yagut'yan Inna Rubenovna – Head of the Laboratory of Forensic Handwriting Analysis, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: lspe_rfcse@sudexpert.ru

Статья поступила: 11.02.2019

Received: 11.02.2019

Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации

 С.В. Доронина^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста России, Барнаул 656036, Россия

² ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», Барнаул 656049, Россия

Аннотация. Высказывания экстремистской направленности многообразны и могут быть классифицированы в нескольких аспектах: семантическом, прагматическом и риторическом. Анализ экспертной практики позволяет выделить два семантических класса: высказывания о национальной/религиозной группе и высказывания о националистическом течении. С точки зрения прагматики высказывания делятся на следующие виды: побуждения к действиям против группы; утверждения о действиях против группы, негативном отношении к ней; унижение представителей группы; угроза представителям группы. При этом высказывания-констативы подразделяются на две подгруппы в зависимости от их риторической структуры: сугубо оценочные высказывания и высказывания, содержащие обоснование негативных суждений. Содержание и прагматические признаки «экстремистских» контекстов встречаются в разных комбинациях, многообразие которых ограничено особенностями коммуникативной ситуации. В работе обобщена экспертная практика по исследованию высказываний экстремистской направленности, произнесенных преимущественно в ходе межличностных бытовых конфликтов. Показано, что многообразие высказываний может быть сведено к конечному перечню признаков, являющихся специальным предметом исследования.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, бытовой дискурс, экстремизм

Для цитирования: Доронина С.В. Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 61–66.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-61-66>

Verbal Extremism in Everyday Interpersonal Communication

 Svetlana V. Doronina^{1,2}

¹ Altai Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Barnaul 656036, Russia

² Altai State University, Barnaul 656049, Russia

Abstract. The extremist statements are diverse and can be classified in a range of aspects: semantic, pragmatic and rhetorical. Analysis of expert practice enables to distinguish two semantic classes: statements about national/religious group and statements about nationalist ideology. In terms of pragmatism the statements are divided into the following types: calls for action against a group; statements about actions against a group and negative attitude to it; humiliation of group members; threat to group members. Apart from that constative statements are divided into two subgroups depending on their rhetorical structure: evaluative statements and statements containing justification for negative judgments. The content and pragmatic signs of “extremist” contexts can be found in various combinations limited by the features of a communicative situation. The article summarises expert practice on the study of extremist statements uttered primarily during interpersonal domestic disputes. It is shown that the variety of statements can be reduced to a finite list of features which are a special subject of the research.

Keywords: forensic linguistic analysis, domestic discourse, extremism

For citation: Doronina S.V. Verbal Extremism in Everyday Interpersonal Communication. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 61–66. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-61-66>

«Экстремистские» значения в разных типах дискурса

Проявления речевого экстремизма являются, пожалуй, наиболее частым объектом исследования в современной лингвистической практике. Благодаря внедрению методики проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [1], сегодня эксперт снабжен системой лингвистических категорий и методов, которые необходимо использовать в исследовании высказываний, попавших в правовую сферу.

При переводе признаков преступления, отраженных в законодательстве, на мета-язык лингвистической семантики выделяются две особые группы признаков, которые должны интересовать эксперта. Первая группа – семантические признаки, поскольку «экстремистский» текст в прямой или косвенной форме передает негативную информацию о национальной/религиозной группе или положительное отношение к какому-либо радикальному политическому течению. Вторая группа признаков – прагматические. С точки зрения прагматики экстремистские тексты содержат следующие виды высказываний:

- побуждения к действиям против группы;
- утверждения о действиях против группы, негативном отношении к ней, негативных качествах ее представителей;

- унижение представителей группы;
- угроза представителям группы.

При этом высказывания-констативы подразделяются на две подгруппы в зависимости от их риторической структуры:

- высказывания, содержащие оправдание негативных суждений, выражающие только семантику оценки национальных/религиозных групп или враждебных действий против них;

- высказывания с развернутой аргументативной структурой, содержащие обоснование негативных суждений.

Семантические и прагматические признаки экстремистского значения встречаются в разных комбинациях, многообразии которых, однако, ограничено особенностями коммуникативной ситуации и может быть сведено к конечному перечню дискурсивных типов. Как правило, искомые семантические компоненты обнаруживаются в репликах, порожденных в ходе бытовых межличностных конфликтов, в публичных высказываниях (комментариях пользователей социальных сетей), текстах специальных пропагандистских жанров (видеороликах, демотиваторах), а также в художественных текстах (преимущественно

текстах песен). Таким образом, классификация спорных текстов, предоставляемых на исследование эксперту, может быть произведена с точки зрения регистров общения и функциональной типологии дискурса. Некоторые виды экстремистского дискурса уже были подвергнуты типологическому описанию. В частности, выявлены особенности художественного [2, 3] и пропагандистского [4, 5] текстов, содержащих лингвистические признаки экстремизма. Вместе с тем языковое воплощение значений, запрещенных к публичному выражению в условиях бытового общения, до сих пор не сделано. Необходимость данной работы обусловлена частотой правонарушений, совершаемых в ходе межличностных конфликтов. Кроме того, задача профилактики преступлений экстремистского характера, активно обсуждаемая в современной западной литературе, в первую очередь требует составления речевого портрета радикально настроенных лиц [6, 7]. Начало этой масштабной работы может быть положено путем систематизации случаев экспертной практики.

Средства выражения «экстремистских» значений в бытовой межличностной коммуникации

Количество бытовых конфликтов на национальной и религиозной почве угрожающе растет. Как правило, они порождают диалоги, в которых речевая агрессия проявляется эксплицитно, а объект агрессии является адресатом высказывания. Для выражения общей негативной оценки субъекта чаще всего используется слово «чурка» и его еще более экспрессивный синоним «чурбан», который не представлен в словарях как средство обозначения национальных групп, что вызывает затруднения в установлении объекта оценки при производстве экспертизы.

Обычно конфликтные бытовые диалоги реализуются в речевых актах трех видов: инвективе (унижении), небенефактивном волеизъявлении и угрозе.

Инвективы

Речевой акт унижения устанавливается на основе актуализирующегося в коммуникативном акте соотношения участников. Речевой целью инвектора является принижение статуса собеседника, соответствующее утверждению «ты мне не равен, ты хуже меня». Речевая цель реализуется с помощью разнообразных средств, наиболее частыми из которых являются негативно-оценочные высказывания со значением общей оценки (*выродки, чмо*), ут-

Таблица. Семантическая структура речевого акта угрозы

Table. Semantic structure of a speech threat act

Параметры описания	Угроза-предупреждение	Угроза-наказание
Ты знаешь	что я могу тебе сделать нечто плохое	
Ты хочешь	чтобы я не делал тебе ничего плохого	
Я говорю	если ты сделаешь X*, то я сделаю тебе нечто плохое	так как X имеет место, то я сделаю тебе нечто плохое, в частности Y**
Я хочу	чтобы ты не делал X	чтобы ты чувствовал себя плохо (испытывал страх, обиду, возмущение и пр.)

*X – причина волеизъявления

**Y – будущие действия

верждения об унижающих собеседника действиях (*Имел я тебя!*), выражения, направленного на разрыв контакта (*Да пошел ты!*), выражения неудовлетворенности действиями объекта речи (*Понаехали!*).

Выражения «*Понаехали тут чурки!*», «*Понаехали узбеки в мою Россию!*» и пр. выступают весьма частым средством эмоциональной негативной оценки факта приезда в Россию представителей других этнических групп. Однако лексикографическое описание соответствующего глагола в словарях литературного языка не содержит аксиологической оценки события. Понаехать – (разг.). Наехать постепенно, мало-помалу (*Понаехали гости. К нам понаехало много народу*). От «наехать» – приехать в каком-нибудь количестве или внезапно¹.

Негативная оценка выражается целой синтаксической конструкцией, в которой наблюдается взаимодействие лексических, синтаксических и интонационных средств. Исследуемое предложение относится к высказываниям типа «*Разорался (тут)!*», «*Натоптали!*», «*Сидит, (понимаешь)!*», «*Понаставят всякого баракла!*», которые представляют собой эллиптические конструкции с опущенным субъектом и обязательно выраженным предикатом в форме изъявительного наклонения третьего лица единственного или множественного числа. Лексическим наполнением предложения являются глаголы активного действия, преимущественно со значением отклонения от средней меры. Высказывания, как правило, сопровождаются специфической интонацией – ИК-2 модальной реализации, представляющей «...более высокий по сравнению с нейтральной реализацией уровень тона, который начинается с ударного гласного первого слова и продолжается до гласного центра, передает недовольство»².

Волеизъявления

Небенефактивные волеизъявления в бытовых этнических конфликтах достаточно од-

нообразны. Как правило, инвектор побуждает адресата удалиться с территории, которую говорящий считает своей: «*Валите из России, без вас хорошо!*», «*Убирайтесь в свою страну!*». Другой частый вид волеизъявления в адрес собеседника – пожелание ему смерти: «*Сдохни, чурка!*».

Речевые акты угроз также не отличаются многообразием. Как правило, в экстремистском дискурсе представлена лишь одна из разновидностей данного речевого акта – угрозы-наказания [8]. На языке семантических примитивов [9] специфика данного вида речевых актов может быть представлена следующим образом (см. табл.).

Причиной волеизъявления (X) является исключительно национальность собеседника и качества лица, обусловленные его этнической принадлежностью: «*Я тебя сейчас убью, потому что чурка!*», «*Сейчас мы вас хачей будем резать*», «*Я убью тебя, ишак узкоглазый!*», «*Вас всех надо убивать!*». Будущие действия (Y), указываемые в волеизъявлении, – причинение смерти, иного физического вреда, побуждение покинуть территорию проживания.

Угрозы

Речевая цель угрозы может быть выражена имплицитно, например путем указания на наступление в будущем негативных событий: «*Хохлы и беженцы здесь жить не будут*». Несмотря на то что подобные высказывания не содержат указаний на конкретного исполнителя небенефактивных действий и на их насильственный характер, речевая цель угрозы может быть доказана однозначно. Обоснованием данного экспертного решения может выступать сопоставление речевого акта угрозы и смежных с ним речевых актов «обещание» и «предостережение»³. При обещании будущее действие описывается

³ В решении данного вопроса помощь эксперту оказывает и «Методика...»: «Если предупреждение типа ‘вам будет плохо’ не сопровождается пояснением иного типа (ср.: *вы заболете, будете жить хуже* и пр.), то оно обычно используется в функции угрозы насильственных действий» [1, с. 79].

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 551.

² Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 233.

конкретно и является обязательным к исполнению. Угроза преследует цель добиться определенного поведения от собеседника либо вызвать чувство страха. Поэтому в угрозе небенефактивное действие может остаться не конкретизированным (*Вот уж я тебе!*) [10]. Сравнение речевого акта угрозы с предостережением позволяет выделить другой его значимый признак. Речевой акт предостережения сообщает о небенефактивном событии, которое случится без участия говорящего [11, с. 73]. Поэтому лицо, в адрес которого высказывается предостережение, само должно следить за возможностью наступления негативных последствий и стремиться избежать их. В речевом акте угрозы наступление негативных событий напрямую связано с говорящим. В исследуемом нами высказывании *«хохлы и беженцы здесь жить не будут»* внешние причины наступления негативных событий не указаны и не вытекают логически из коммуникативной ситуации. Следовательно, в соответствии с коммуникативными максимами количества и качества [12] инициатором негативных событий будет являться сам говорящий.

Таким образом, по сравнению с описанными в литературе речевыми тактиками ссоры [13] бытовые конфликты с этнической составляющей характеризуются крайней скудостью палитры речевых приемов. Инвекторы избирают прямые способы выражения агрессии, используют ограниченный набор лексических средств, избегают тактик, требующих творческого подхода к способам выражения значения. По нашим наблюдениям, в бытовых межэтнических конфликтах участвуют преимущественно лица мужского пола, что налагает отпечаток на характер речевого поведения коммуникантов.

Коммуникативная ситуация в экспертной оценке бытовой межличностной коммуникации

Главную проблему анализа межличностного бытового дискурса представляет различие бытовой и социальной враждебности, о необходимости которого говорят многие специалисты (см., например, [14]). Бытовая враждебность является следствием ситуативно обусловленного конфликта, а социальная враждебность, напротив, является следствием этнической или религиозной интолерантности. Полагаем, что лишь конфликты второго типа могут быть расценены как проявление экстремизма в разговорной речи. Но, к сожалению, нередки случаи, когда конфликт, возникший на бытовой почве,

неверно интерпретируется как национальный/религиозный. Причиной такого смешения являются избираемые коммуникантами речевые средства. Так, например, высказывание *«А ты, чурка, чего тебе надо? А ну вали отсюда! Мы таких, как ты, в Чечне резали!»* содержит негативно-оценочную лексему, обозначающую лицо по его национальной принадлежности, и представляет собой речевой акт угрозы, выраженной в виде импликации: *«Аналогичные действия будут совершены также и по отношению к тебе»*. Анализ подобного высказывания в отрыве от коммуникативной ситуации может привести эксперта к выводу о наличии речевых целей унижения и угрозы в адрес лица как представителя национальной группы. Однако согласно протоколам допросов свидетелей и подозреваемого высказывание было произнесено в ходе драки, спровоцированной обстоятельствами, не связанными с национальной принадлежностью лица: адресат высказывания являлся случайным участником конфликта в баре, ввязался в пьяную драку с целью оказания помощи товарищу. В данных условиях исследуемый речевой акт приобретает иное прагматическое значение. В нем усматривается коммуникативная цель возбуждения аффекта, заключающаяся в нанесении собеседнику своеобразного *«эмоционального удара»* [13], стремлении напугать его и прогнать. Таким образом, без знания условий возникновения и протекания ссоры правильная экспертная оценка бытового диалога оказывается невозможной. Вместе с тем, как показывает практика, установление обстоятельств речевого конфликта по протоколам допросов потерпевших/свидетелей часто бывает затруднено по причине тенденциозного описания коммуникативной ситуации конфликтующими сторонами. Умолчание о значимых обстоятельствах протекания ссоры в сочетании с семантическим анализом инвектив-этнофолизмов, сделанным экспертом, формирует картину речевого преступления на национальной почве, в то время как ссора может иметь бытовой характер. Избежать подобных ошибок возможно лишь путем тщательной фиксации признаков правонарушения, в том числе аудиозаписью разговора, содержащего спорные высказывания. Предлагаемое требование к предоставляемым материалам существенно уменьшит количество обращений в судебно-следственные органы в случае межличностных бытовых конфликтов и в то же время снизит вероятность экспертных ошибок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ, 2014. 98 с.
2. Иваненко Г.С. Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 200–203.
3. Плотникова А.М. Лингвистическая экспертиза художественного текста по делам о противодействии экстремизму // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 18–21. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2014-4-18-21>
4. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том. 12. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>
5. Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. № 4. С. 19–27.
6. van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. 24 p. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
7. Stephens W., Sieckelink S., Boutellier H. Preventing Violent Extremism: A Review of the Literature // Studies in Conflict and Terrorism. 2019. 16 p. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1543144>
8. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). По материалам Международной конференции «Диалог» (2013). Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 72–82. http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf
9. Вержбицка А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) / Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. Сборник научных статей. М.: Лабиринт, 2007. С. 68–80.
10. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащей речи. М.: МГУ, 2002. 751 с.
11. Булыгина Т.В., Селиверстова О.Н., Ишевская Н.А. и др. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982. 365 с.
12. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
13. Седов К.Ф. Ссора / Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. Сборник научных статей. М.: Лабиринт, 2007. С. 259–269.
14. Мишланов В.А. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 62–69.

REFERENCES

1. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Method of conducting complex forensic psycholinguistic examination of the affairs connected with counteraction to extremism and terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.)
2. Ivanenko G.S. Linguistic expertise: specificity of the expert study of an artistic text for signs of extremism. *Herald of Nekrasov Kostroma State University = Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* 2014. No. 6. P. 200–203. (In Russ.)
3. Plotnikova A.M. Linguistic assessment of literary texts in cases related to extremism prevention. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 18–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2014-4-18-21>
4. Baranov A.N., Parshin P.B. Propaganda as a category in forensic text analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 53–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>
5. Korosteleva L.V. Extremist discourse: features, illocution, pragmatics. *Legal Linguistics*. 2015. No. 4. P. 19–27. (In Russ.)
6. van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. 24 p. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
7. Stephens W., Sieckelink S., Boutellier H. Preventing Violent Extremism: A Review of the Literature. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2019. 16 p. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1543144>
8. Baranov A.N. Semantics of threat in forensic linguistics. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2013). Issue 12. Vol. 1 of 2. Main conference program*. P. 72–82. (In Russ.). http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf
9. Vezhbitska A. Speech genres (in the light of elementary semantic units theory). In: *Anthology of speech genres. Everyday communication. Collection of scientific articles*. Moscow: Labirint, 2007. P. 68–80. (In Russ.)
10. Bezyaeva M.G. *Communicative level semantics of vocal speech*. Moscow: Moscow University, 2002. 751 p. (In Russ.)
11. Bulygina T.V., Seliverstova O.N., Ishevskaya N.A., et al. *Semantic types of predicates*. Moscow: Nauka, 1982. 365 p. (In Russ.)
12. Grais G.P. Logic and speech communication. *New in foreign linguistics. Issue. 16. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress, 1985. P. 217–237. (In Russ.)
13. Sedov K.F. Dispute. In: *Anthology of speech genres. Everyday communication. Collection of scientific articles*. Moscow: Labirint, 2007. P. 259–269. (In Russ.)
14. Mishlanov V.A. Legislation of the Russian Federation on extremism and tasks of linguistic expertise of texts. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2012. No. 3 (19). P. 62–69. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Доронина Светлана Валерьевна – к. филол. н., доцент Алтайского государственного университета, государственный судебный эксперт Алтайской лаборатории судебной экспертизы Минюста России; e-mail: doroninasv73@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Doronina Svetlana Valer'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Altai State University, State Forensic Examiner of Altai State Laboratory of Forensic Science; e-mail: doroninasv73@mail.ru

Статья поступила: 05.10.2018

Received: 05.10.2018

Возможности комплексных исследований экспертизы видеозаписи и автотехнической экспертизы

С.С. Жарких¹, А.А. Годлевский², С.А. Кривошеков³

¹ Федеральное бюджетное учреждение Кемеровская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Кемерово 650001, Россия

² Федеральное бюджетное учреждение Челябинская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Челябинск 454071, Россия

³ Федеральное бюджетное учреждение Сибирский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Новосибирск 630049, Россия

Аннотация. В ряде случаев материалов, предоставляемых на автотехническую экспертизу, может быть недостаточно для ответа на все поставленные перед судебными экспертами вопросы. Но иногда в материалах дела присутствуют файлы видеозаписей и фотоизображений, по которым методами криминалистической экспертизы видеозаписей возможно установить недостающие для производства автотехнической экспертизы параметры. В статье рассмотрены возможности криминалистической экспертизы видеозаписей и автотехнической экспертизы при производстве комплексных экспертиз, в том числе при исследовании обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Приведены примеры из практики государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Минюста России. Эта обзорная работа предназначена для ознакомления экспертов-видеотехников и экспертов-автотехников с возможностями, которые появляются при проведении комплексного исследования механизма дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: автотехническая экспертиза, криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей, транспортно-трасологическая экспертиза, комплексное исследование, угол, место столкновения, повреждения, следы, дорожно-транспортное происшествие

Для цитирования: Жарких С.С., Годлевский А.А., Кривошеков С.А. Возможности комплексных исследований экспертизы видеозаписи и автотехнической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 67–83. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-67-83>

The Potential of Integrated Video and Vehicle Forensic Investigation

Sergei S. Zharkikh¹, Andrei A. Godlevskiy², Sergei A. Krivoshchekov³

¹ Kemerovo Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kemerovo 650001, Russia

² Chelyabinsk Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Chelyabinsk 454071, Russia

³ Siberian Regional Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Novosibirsk 630049, Russia

Abstract. In some cases, the material provided for a forensic vehicle examination may be insufficient to answer the questions placed before the experts. However, sometimes there are some multimedia files presented which by means of forensic video examination can help to discover the information missing for implementation of the vehicle expertise. This article reviews the potential of forensic video and vehicle investigations when conducting an integrated research including the investigation of circumstances of a road traffic accident. The examples from the state experts' practice of the forensic institutions of the Russian Ministry of Justice are provided. This review is intended to introduce the video experts and the vehicle experts to the opportunities there are in the integrated research of the mechanism of road accidents.

Keywords: vehicle examination, forensic video and audio expertise, vehicle and trace examination, integrated research, angle, point of impact, damage, traces, road traffic accident

For citation: Zharkikh S.S., Godlevskiy A.A., Krivoshchekov S.A. The Potential of Integrated Video and Vehicle Forensic Investigation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 67–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-67-83>

Введение

При производстве автотехнической экспертизы (АТЭ) судебный эксперт руководствуется объективными данными, которые содержатся в материалах, предоставленных ему лицом, назначившим экспертизу. При этом нередко для производства АТЭ предоставляются фото- и (или) видеофайлы с данными об обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия (ДТП). На сегодняшний день у государственных экспертов-автотехников судебно-экспертных учреждений Минюста России нет методик для проведения экспертиз видеозаписей и фотоизображений; исследование мультимедийных файлов не входит в программу их подготовки. Следовательно, инструментальные методы исследования видеозаписей и фотоизображений криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей (КЭВиЗ), в частности специальности 7.3¹, выходят за пределы специальных знаний экспертов-автотехников (специальности 13.1 и 13.3²). В связи с этим эксперт-автотехник зачастую пишет сообщение о невозможности дачи заключения или оставляет часть вопросов неразрешенными, хотя предоставленные ему мультимедийные файлы в совокупности с другими предоставленными материалами могут содержать всю информацию, необходимую для проведения исследования по поставленным вопросам. Это обстоятельство, по мнению авторов, требует ознакомления экспертов с возможностями, которые появляются при совместном исследовании материалов ДТП методами и средствами АТЭ и КЭВиЗ, и определило цель работы: представить экспертам-видеотехникам и автотехникам обзор практического применения комплексных исследований обстоятельств дорожно-транспортных происшествий.

Механизм дорожно-транспортного происшествия

Механизм столкновения транспортных средств – это комплекс разного рода об-

стоятельств, определяющих процесс сближения транспортных средств перед столкновением, их взаимодействие при ударе и последующее движение до остановки. Эти три стадии ДТП исследуются в рамках специальности 13.3 исключительно по материалам дела, предоставляемым органом (лицом), назначившим судебную экспертизу. Стадии механизма ДТП могут быть определены и по видеозаписи средствами и методами КЭВиЗ. В частности, можно установить угол между продольными осями транспортных средств (ТС) в момент столкновения, определить место столкновения или наезда, скорость движения ТС, расстояние между ТС и (или) иными объектами в различные моменты времени.

Расширить возможности транспортно-трассологической экспертизы для установления обстоятельств ДТП позволяет комплексная экспертиза, проведенная экспертами АТЭ совместно с экспертами КЭВиЗ, если в материалах дела имеются фотоизображения с места происшествия, отображающие следы, или видеозаписи ДТП. Эти исследования позволяют определить одни и те же величины разными способами.

В качестве примера можно привести определение угла взаимного расположения ТС в момент столкновения. В рамках транспортно-трассологической диагностики указанный угол определяют по следам на ТС, но он может быть определен и по видеозаписи самого события. При этом результат исследования в отношении одной и той же величины не должен превышать погрешность методов ее определения. Следует отметить, что результат может «выпадать» и выходить за пределы допустимой погрешности вследствие видоизменения объекта при анализе его повреждений методами транспортно-трассологической диагностики.

В то же время «комплексность исследования следов в конкретной ситуации ДТП – одна из главных особенностей транспортно-трассологической экспертизы. Поэтому при ее производстве чрезвычайно важно ознакомление эксперта со всеми следами на месте ДТП, с ТС и иными материальными объектами или предоставление в его распоряжение достаточно информативных копий (моделей) этих следов, объективно зафиксированных в протоколах, на фотоснимках, кино- и видеоманитных лентах» [1, с. 3]. Однако в постановления о назначении транспортно-трассологической экспертизы

¹ В соответствии с «Перечнем родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации», утвержденным Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 г. № 237: 7.3 «Исследование видеозаписей»; 13.1 «Исследование обстоятельств дорожно-транспортных происшествий»; 13.3 «Исследование следов на транспортных средствах и месте ДТП (транспортно-трассологическая диагностика)».

² Там же.

следователь (суд) зачастую не указывает комплексный характер исследования, хотя в материалах дела есть фотоизображения и видеозаписи.

Эксперт-автотехник, проводя исследование по фотоснимкам, может определить характер и направление повреждений. И хотя определение абсолютных значений размеров повреждений ТС и следов на проезжей части являются одним из ключевых моментов транспортно-трасологической экспертизы, при отсутствии масштабных линеек (в соответствии с требованиями судебной фотографии) эксперт-автотехник не может определить абсолютные размеры повреждений.

В практике транспортно-трасологических экспертиз встречаются вопросы по установлению связи фактических обстоятельств ДТП с повреждениями на ТС. Но часто объект исследования (ТС) видоизменен или восстановлен, что не позволяет эксперту произвести натурное исследование следов. Тем не менее органом или лицом, назначившим экспертизу, предоставляется информация о следах на ТС в мультимедийных файлах, фотоизображениях или видеозаписях осмотра автомобиля.

Определение размеров повреждений

Абсолютные размеры повреждений являются одним из существенных признаков при формировании вывода о возможности образования повреждений в условиях рассматриваемого ДТП. Так, например, если поверхность выступающей части другого ТС (следообразующая) менее ширины следа при линейном или радиальном направлении следа на следовоспринимающей поверхности, то можно заключить, что для образования подобного следа недостаточно единомоментного контактного взаимодействия этих транспортных средств.

Для определения реальных размеров повреждений по фотоизображениям и видеозаписям может быть привлечен эксперт со специальностью 7.3 «Исследование видеозаписей, условий, средств, материалов и следов видеозаписей». В качестве примера рассмотрим методы перспективных построений программными средствами.

Пример из экспертной практики. В материалах дела имелись фотоизображения автомобиля известной марки и модели, на которых видны характер и направление повреждений. Анализ расположения повреж-

дений произведен путем аффинных преобразований с приведением объекта известной величины к масштабу (рис. 1).

После масштабирования и определения реальных размеров повреждений ТС в ходе КЭВиЗ эксперт-автотехник может сделать вывод о соответствии (несоответствии) размера повреждений размерам следообразующего объекта.

Определение признаков идентичности повреждений по фотографиям, сделанным в разное время

Нередко для транспортно-трасологической экспертизы предоставляются фотоизображения, сделанные в разное время на месте нескольких ДТП. При этом определение идентичности повреждений на снимках существенно при ответе на вопрос «Какие повреждения образованы в результате ДТП, произошедшего в конкретные день и время»? Если повреждения на фотографиях имеются на снимках, сделанных как до, так и после ДТП, то образование таких повреждений в результате данного ДТП считается невозможным, т. к. невозможно повторное образование полностью идентичных повреждений на ТС.

Лакокрасочное покрытие (ЛКП) имеет свойство отслаиваться в местах сгибов металла, в результате образуется неповторимый рисунок. Форма «рисунка» и его местоположение зависят от характера и локализации повреждения (сгиба). Одинаковое повреждение металла приводит к одинаковому отслоению при условии, что физические свойства ЛКП также одинаковы. Как правило, ЛКП, нанесенное на кузов автомобиля на предприятии-изготовителе, по своим физическим свойствам отличается от свойств ЛКП, нанесенных при ремонте на станции технического обслуживания. Это обусловлено различной технологией окрашивания, различной консистенцией краски, процесса подготовки поверхности к окраске, сушке и т. д. Кроме того, с увеличением срока эксплуатации уменьшается эластичность слоя ЛКП, он становится более хрупким. На эластичность материала влияет также температура окружающей среды. Таким образом, каждый «рисунок», образовавшийся при отслоении ЛКП, соответствует неповторимому комплексу обстоятельств, и он в каждом случае будет разным. Это же касается и металла: невозможно воссоздать идентичное повреждение при столкновении или наезде на различные по своим свойствам и пара-

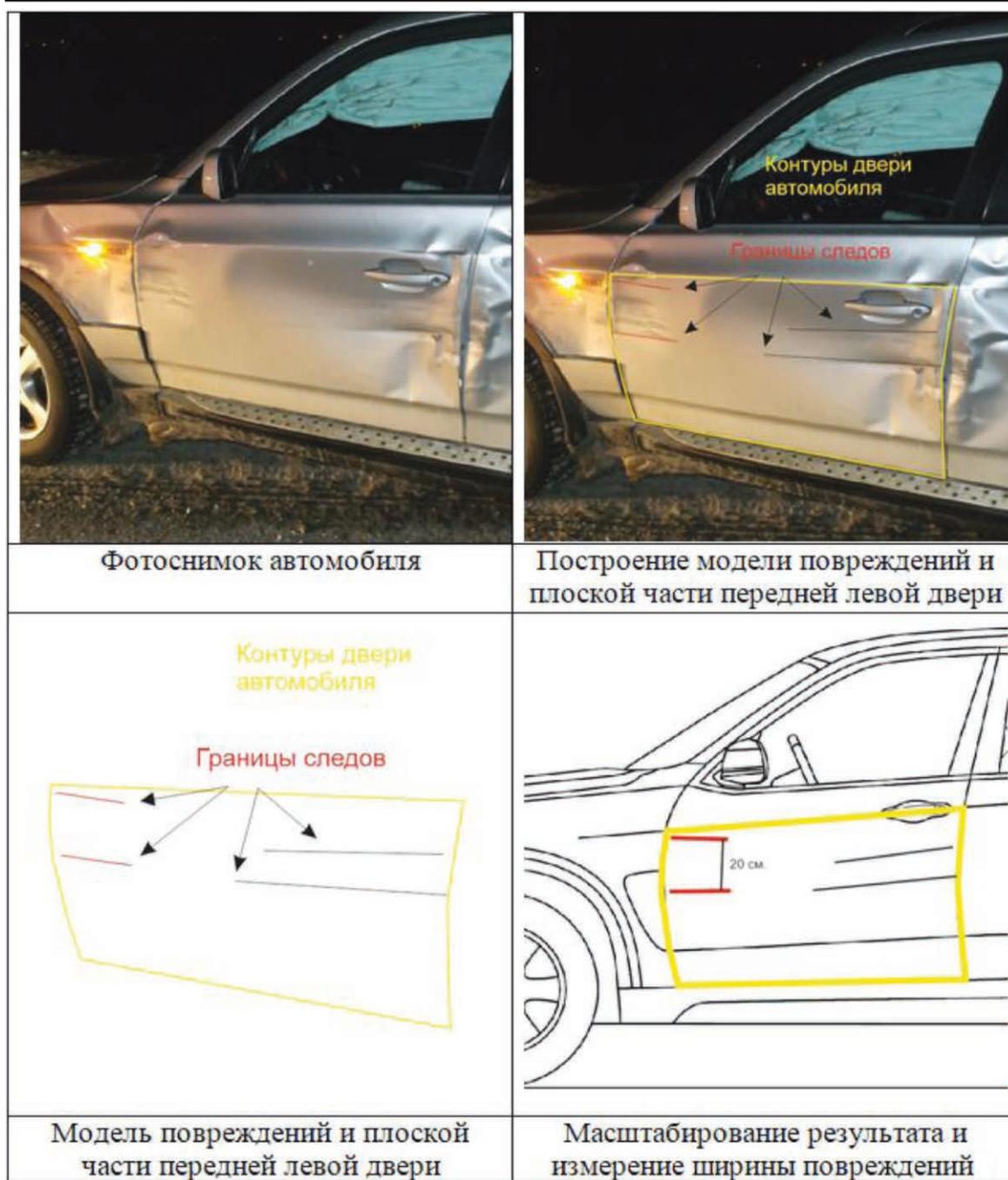

Рис. 1. Определение размера повреждений:

вверху – исходные фотоизображения, внизу – построенные модели

Fig. 1. Damage assessment: upper – initial images; lower – constructed models

метрам объекты. Даже при наезде на один и тот же объект на деформацию оказывает влияние множество факторов, в частности скорость движения ТС, температура воздуха, угол столкновения, давление в шинах и состояние подвески, наклон ТС относительно опорной поверхности. Полное совпадение всех этих условий невозможно.

Комплексная транспортно-трасологическая экспертиза и КЭВиЗ позволяет получить вывод об идентичности повреждений

по размеру и форме повреждений, а также расположению повреждений относительно друг друга. Иные признаки, связанные с ориентацией, характером и другими диагностическими свойствами повреждений, определяет эксперт, компетентный в области транспортной трасологии.

Пример из экспертной практики. На рисунке 2 приведен пример использования метода наложения с предварительной коррекцией перспективы одного из кадров.

Рис. 2. Фотоизображение ТС после первого ДТП (слева) и после второго ДТП (справа), полученные в разном масштабе и с разных ракурсов. После фотокоррекции возможно применение метода совмещения и наложения (внизу). Желтым маркером выделена совпадающая совокупность признаков в виде излома металла и повреждений лакокрасочного покрытия

Fig. 2. Photo image of a vehicle after the first accident (left) and after the second (right) made in different scale and from different angles. After the correction, the superposition method can be applied (lower). The yellow marker indicates the congruent set of features which are metal fracture and damage of the varnish coat

Полученный результат позволил установить наличие признаков идентичности повреждений по форме, абсолютному размеру и локализации.

Определение угла взаимного расположения и угла столкновения транспортных средств

Угол столкновения – угол между направлениями движения двух ТС. Угол взаимного расположения ТС – угол между продольными осями ТС. В рамках транспортно-трассологической экспертизы угол взаимного расположения ТС определяется несколькими общепринятыми способами: по двум парам контактных точек, по углам отклонения слеодообразующего объекта и его отпечатка, методом макетного моделирования. Угол столкновения определяется исходя из на-

правления удара, которое в свою очередь определяется по первичным трассам, по последовательно оставленным следам, по направлению внедрения жесткой части другого ТС, по смещению контактировавших участков. Любой из этих способов требует сбора информации о повреждениях ТС. Ключевыми величинами для решения поставленного вопроса являются углы отклонения пар контактных точек, слеодообразующего объекта и его отпечатка, направления удара от продольной оси ТС. Указанные величины определяются на стадии осмотра объекта исследования.

Если на транспортно-трассологическое исследование предоставлены только фотоизображения поврежденных ТС, сформулировать категорический вывод по углам столкновения или взаимного расположе-

Рис. 3. Повреждения ТС: 1 – вид поврежденного автомобиля справа, 2 – вид поврежденного автомобиля спереди, 3 – вид фронтальной части поврежденного автомобиля сверху

Fig. 3. Vehicle damage: 1 – view from the right, 2 – front view, 3 – top view of the damaged vehicle frontal part

ния ТС невозможно, т. к. предоставленные на исследование фотоснимки в подавляющем большинстве случаев не позволяют в рамках специальности 13.3 установить размеры повреждений и их дислокацию относительно других элементов ТС и, как следствие, величины отклонений, необходимые для расчетов. При этом информация о следах на фотоизображениях в целом может быть пригодной для определения отпечатков тех или иных частей ТС, первичных трасс, направления последовательного внедрения и др.

Пример из экспертной практики. В процессе транспортно-трассологического исследования повреждений по фотоизображениям (рис. 3) экспертом-автотехником может быть определена пара кон-

тактных точек и (или) следообразующая плоскость и ее отпечаток. В случае отсутствия криминалистических (масштабных) линеек на фото- и видеоизображениях для определения размеров углов привлекается эксперт КЭВиЗ. На рис. 4 представлена 3D-модель, полученная при анализе нескольких немасштабированных фотоизображений, сделанных одним фотоаппаратом.

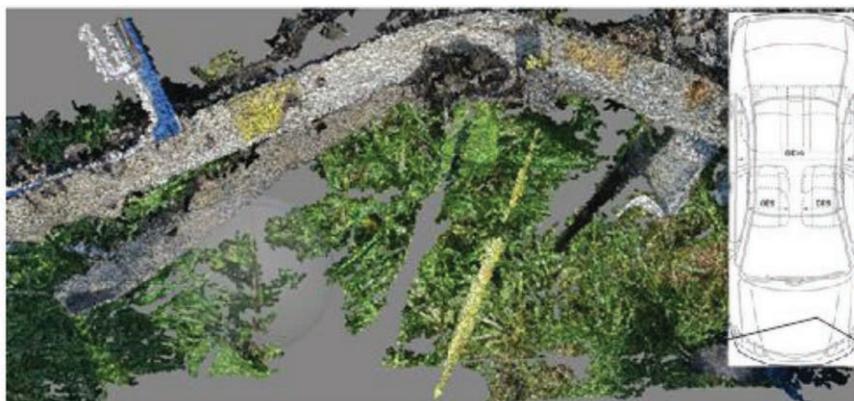

Рис. 4. 3D-моделирование повреждений Agisoft PhotoScan
Fig. 4. 3D modelling of the damage Agisoft PhotoScan

Рис. 5. Определение угла отклонения плоскости повреждения от продольной оси ТС:
сверху – исходные фотоизображения, снизу – модель повреждений

Fig. 5. Detection of the deflection angle of the plane of damage from the longitudinal axis of the vehicle:
upper – initial images, lower – the damage model

Размеры повреждений относительно простой формы можно определить путем перспективных построений: приведением фотоизображения к масштабу относительно объекта с заранее известными геометрическими размерами с последующим измерением неизвестных размеров на полуценной модели (рис. 5).

Последующее исследование проводится методами транспортно-трассологической экспертизы с определением искомых углов классическими методами.

Определение места столкновения

Место наезда (столкновения) – место, где в момент первичного удара находились транспортное средство и препятствие (другое ТС, местный предмет, с которым произошло соприкосновение ТС, и др.). Условно под этим понимается точка на дороге, соответствующая месту, где ТС был нанесен первичный удар. Положение этой точки на дороге в поперечном направлении определяется расстоянием до края проезжей части (или до линии продольной разметки), в продольном направлении – расстоянием до ориентира (какого-либо местного объекта –

столба, угла дома, границы перекрестка и т. п.), измеренным вдоль дороги.

Объективными данными, по которым методами транспортной трассологии можно определить место наезда (столкновения), являются [2]:

- следы, оставленные ТС на месте происшествия, их характер, расположение, протяженность; это могут быть следы качения или скольжения колес, образовавшиеся до или после столкновения, следы трения, царапины, оставленные при столкновении частями ТС, следы, образованные в результате вытекания жидкостей;
- следы (трассы), оставленные отброшенными при столкновении объектами;
- расположение участков скопления отделившихся от ТС при ударе мелких частиц;
- локализация комьев земли, осыпавшейся с нижней части ТС в момент удара.

При столкновении частицы земли отбрасываются с большой скоростью и падают на дорогу практически в том месте, где произошел удар. Наибольшее количество земли отделяется от деформируемых частей.

Судить о месте столкновения ТС по локализации осколков на дороге можно при-

Рис. 6. Построение перспективы: черные линии – параллели и перпендикуляры к проезжей части, желтые линии – объекты с заранее известными геометрическими размерами, синие и голубые линии – границы следов, зафиксированных в ходе осмотра места происшествия

Fig. 6. Building a perspective: black lines are the parallels and perpendiculars to the roadway, yellow lines – objects with the geometrical dimensions known in advance, dark blue and blue lines – the boundaries of the traces detected during the accident site examination

ближенно и лишь тогда, когда участок рассеивания осколков имеет большую протяженность при сравнительно небольшой ширине.

Эта информация, как правило, отражена в схеме ДТП, протоколе осмотра места происшествия, на фотоизображениях с места происшествия.

В экспертной практике встречаются случаи, когда на схеме ДТП зафиксирована часть следов, а конечное расположение ТС не имеет привязок к границам проезжей части. При этом сама вещная обстановка в целом пригодна для определения места столкновения. Отсутствие же размерных характеристик и привязок, имеющих в материалах дела следов, не позволяет нанести место столкновения (или его условную точку) на масштабную схему. При наличии фотоизображений и (или) видеозаписи с места происшествия возможно дополнить недостающие параметры методами из специальности 7.3. Построение плана местности с определением абсолютных размеров вещной обстановки является одной из задач указанной специальности. Таким образом, при производстве комплексного исследования эксперт специальности 13.3 определяет номенклатуру следов, расположение и размер которых необходимо перевести на план местности, а эксперт специальности 7.3 проводит построение плана.

Пример из экспертной практики. Из схемы ДТП и протокола осмотра места происшествия известно о наличии на проез-

жей части следов движения ТС, зафиксированных на асфальте и обочине, и следе сдвига правого колеса на обочине. Кроме того, в ходе транспортно-трассологической экспертизы был установлен угол, под которым располагались ТС относительно друг друга в момент столкновения (рис. 6). Постановлением о назначении экспертизы задано, что автомобили двигались во встречном направлении. В момент возникновения опасности ТС1 располагалось на своей полосе, ТС2 выехало на полосу движения ТС1.

На рис. 7 обозначено: 6 м – длина линий дорожной разметки³ 1.20; 3,5 м – ширина проезжей части; 2,6 м – колесная база автомобиля⁴ Toyota Corolla.

После определения угла взаимного расположения продольных осей ТС и точек первоначального контакта эксперт специальности 13.3 определил расположение места столкновения с привязкой к границам проезжей части и иным объектам (рис. 8).

Полученный результат позволил не только установить место столкновения на обочине, но и определить, что в момент столкновения встречное ТС2 еще не покинуло полосу движения ТС1. Данный факт существенен при решении вопроса о технической возможности избежать ДТП и оценке

³ ГОСТ 51256-2011. Разметка дорожная. Классификация. Технические требования.

⁴ Каталог автомобилей интернет-ресурса <http://www.autonet.ru>

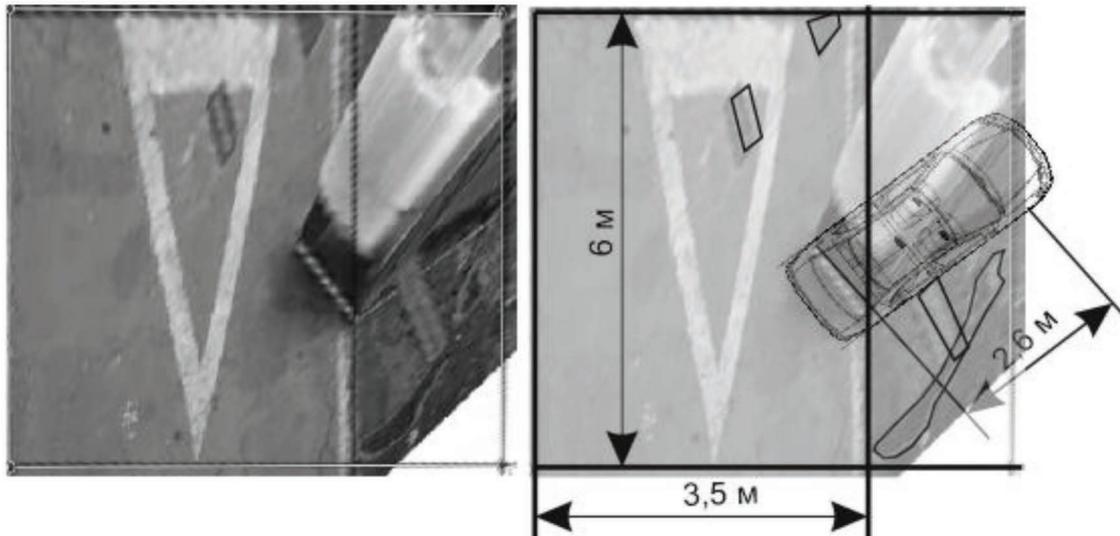

Рис. 7. Построение масштабной схемы: слева – фотоизображение после коррекции перспективы, справа – смоделированное изображение
Fig. 7. Building a scale diagram: left – the image after correction of the perspective, right – modelled image

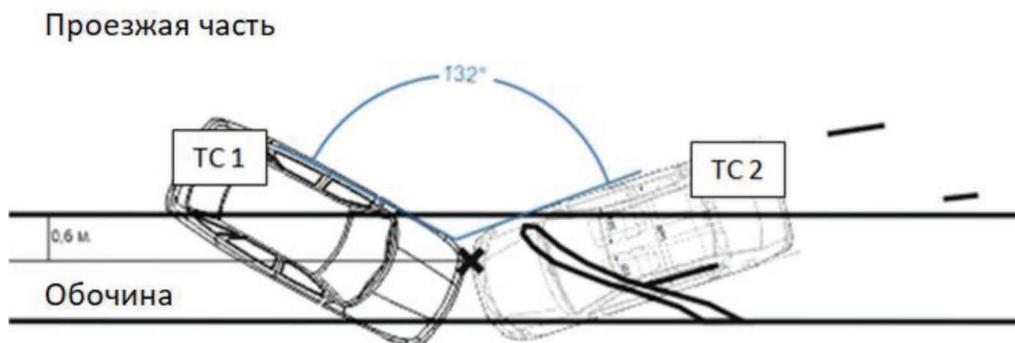

Рис. 8. Схема взаимного расположения ТС в момент первоначального контакта
Fig. 8. The scheme of the vehicles relative position at the moment of initial contact

действий водителей на соответствие требованиям правил дорожного движения РФ.

При определении места столкновения эксперты КЭВиЗ могут также использовать алгоритмы улучшения качества фотоизображений с места происшествия, что повышает «читаемость» следов на фотоснимках и качество изображения запечатленных на них объектов (рис. 9). На фотоизображениях (b) появляются следы и другие элементы вещной обстановки, которые сложно обнаружить по исходному изображению (a). В случае исследования механизма ДТП методами специальностей 7.3 и 13.3 место столкновения может быть определено экспертом КЭВиЗ самостоятельно по видеозаписи события, например, сложив траектории движения участников ДТП до столкновения.

Полученное пересечение траекторий на предметной плоскости и будет являться местом столкновения. Аналогичным методом

может быть определен и угол между продольными осями ТС по угловому расположению пересекаемых траекторий (рис. 10). Не стоит забывать, что для ТС, находящегося в заносе, необходимо строить траекторию движения по проекции центра масс этого объекта на предметной плоскости. В остальных случаях траекторию можно привязать к любому контрастному пятну ТС: фаре (фонарю), колесу, выступающему элементу кузова и пр.

Трехмерная реконструкция вещной обстановки места происшествия позволяет наглядно определить положение следов колес относительно границ проезжей части (рис. 11). В дальнейшем по этим данным эксперты АТЭ смогут определить положение ТС на проезжей части в различные моменты времени, а также место столкновения.

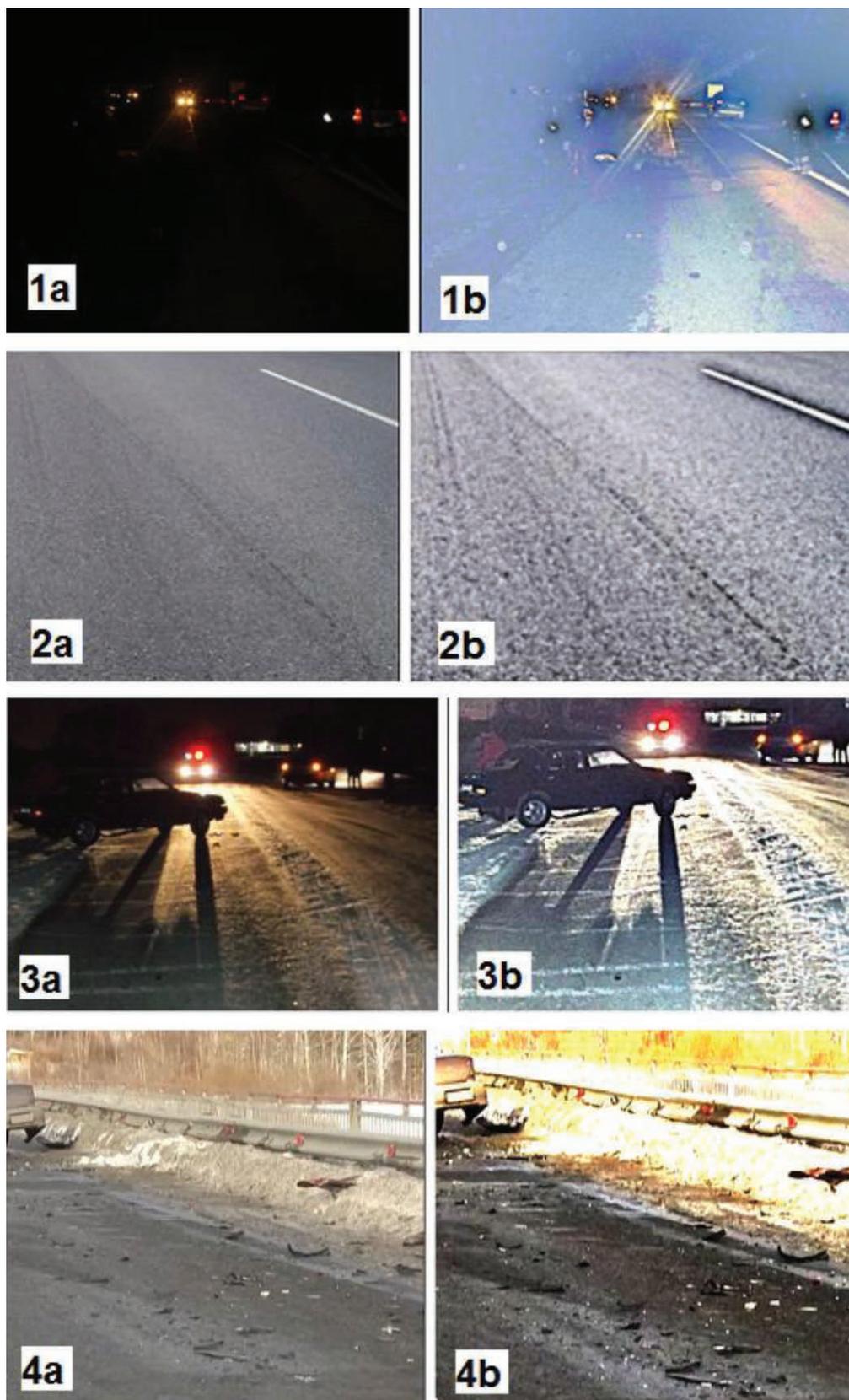

Рис. 9. Исходные (слева) и улучшенные (справа) фотоизображения: 1 – изменение параметров экспозиции, 2 – увеличение резкости и повышение контрастности, 3 – гистограммная эквализация яркости, 4 – изменение динамического диапазона

Fig. 9. Initial (left) and improved (right) photo images: 1 – the change of exposition parameters, 2 – sharpening and contrast enhancement, 3 – histogram equalization of brightness, 4 – change of dynamic range

Рис. 10. Построение траекторий движения (линии голубого цвета) по положению переднего правого (TC1) и переднего левого (TC2) колес (DTP Expert 1.0)
Fig. 10. Building the path of motion (blue lines) according to the position of the front right wheel (vehicle 1) and the front left wheel (vehicle 2) (DTP Expert 1.0)

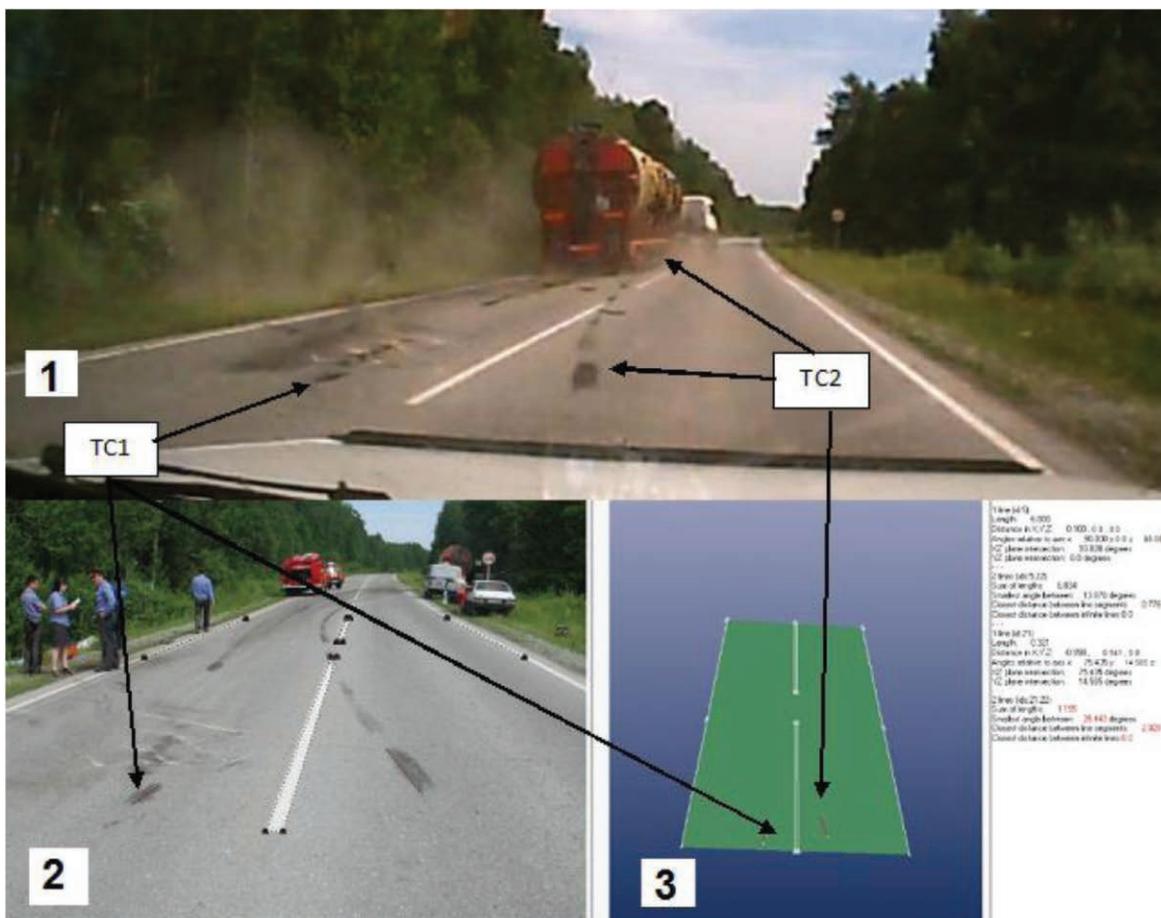

Рис. 11. Определение локализации следов по фото- и видеоизображениям с места ДТП с помощью трехмерной реконструкции [3] (PhotoModeller Scanner): 1 – фрагмент кадра видеозаписи, 2 – фотоизображение с места происшествия, 3 – модель
Fig. 11. Locating traces using photo and video images from the accident site with the help of 3D reconstruction [3] (PhotoModeller Scanner): 1– fragment of a video capture, 2 – photo image from the accident site, 3 – model

Определение значений скорости и замедления автомобиля

Скорость движения ТС можно определить по видеозаписи. Возможно опреде-

ление скорости движения ТС и методами АТЭ по длине следа юза на проезжей части или программными средствами по повреждениям ТС. Однако не всегда расчеты экс-

пертов разных специальностей совпадают. В качестве примера ниже приводится текст из заключения эксперта.

Исходя из схемы ДТП (рис. 12), пройденный путь автомобиля (между метками «1» и «2») составлял 34,0 м. Таким образом, средняя скорость автомобиля ЛАДА 219110 на отмеченных кадрах составляла около 93 км/ч:

$$V = \frac{s}{t} \quad (1)$$

$$V = \frac{34,0}{1,32} = 25,8 \text{ м/с} \approx 93 \text{ км/ч}$$

Скорость V_1' автомобиля ЛАДА 219110 перед началом торможения, соответствующая длине следа торможения до столкновения [4], составляет около 65 км/ч:

$$V_1' = 1,8 \cdot t3_1 \cdot j_1 + \sqrt{26 \cdot j_1 \cdot S'_{ю}} \quad (2)$$

$$V_1' = 1,8 \cdot 0,35 \cdot 6,8 + \sqrt{26 \cdot 6,8 \cdot 21,0} = 65 \text{ км/ч}$$

где $t3_1 = 0,35$ с – время нарастания замедления легкового автомобиля в данных дорожных условиях⁵;

$j_1 \approx 6,8$ м/с² – значение замедления транспортных средств категории M_1 (легковые автомобили) при экстренном торможении в данных дорожных условиях [5];

$S'_{ю_1} = 21,0$ м – протяженность следов торможения от колес задней оси автомобиля ЛАДА 219110 до столкновения.

В действительности, поскольку при расчете величины V_1' не учтены затраты кинетической энергии на деформацию ТС при столкновении (ввиду отсутствия в настоящее время достаточно точной для формирования категорического вывода, обще-

принятой методики учета указанных затрат), скорость автомобиля ЛАДА 219110 перед экстренным торможением составляла более 65 км/ч. Поэтому при дальнейшем исследовании экспертом используется скорость движения автомобиля ЛАДА 219110 перед происшествием 93 км/ч, определенная при исследовании видеозаписи, что не противоречит проведенному расчету по следам торможения.

В то же время для расчетов эксперт использовал экспериментально-расчетное значение установившегося замедления транспортных средств (j_1) категории M_1 (легковые автомобили) при экстренном торможении в данных дорожных условиях, приведенное в литературе [5]. Величины, указанные в данном методическом пособии, получены экспериментальным путем. Эти величины эксперты используют при производстве АТЭ при отсутствии параметров торможения конкретного ТС.

Параметры торможения конкретного ТС обычно определяются путем проведения экспериментов по контрольному торможению ТС – участника ДТП или аналога. При этом контрольное торможение аналога может дать недостоверный результат, поскольку для получения замедления необходимо соблюдать ряд условий, включающий аналогичную загрузку ТС, аналогичные шины, аналогичное дорожное покрытие, аналогичную тормозную систему и т. п. Автомобили – участники ДТП зачастую повреждены, и проведение с ними экспериментов по контрольному торможению в большинстве случаев невозможно.

В КЭВиЗ существуют инструменты, позволяющие определить близкое к фактическому замедление ТС. Например, при

⁵ Горизонтальный профиль проезжей части, сухой асфальт, загрузка ТС – водитель.

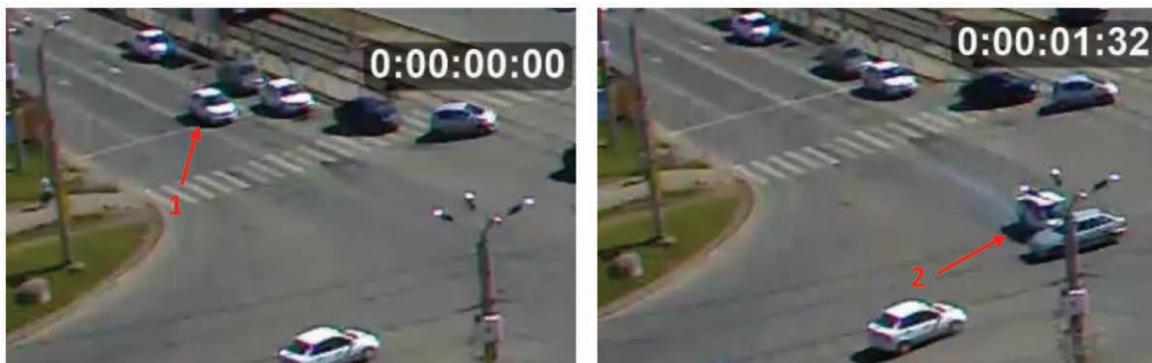

Рис. 12. Фрагменты кадров, на которых автомобиль ЛАДА 219110 проезжает от линии дорожной разметки 1.12 «Стоп-линия» (слева) до места столкновения (справа). В верхнем правом углу приведены показания инструмента «Секундомер» Kinovea

Fig. 12. Fragments of video captures where the vehicle LADA 219110 moves from the road marking 1.12 “Stop line” (left) to the point of impact (right). In the upper right corner the readings of the tool “Stopwatch” Kinovea are given

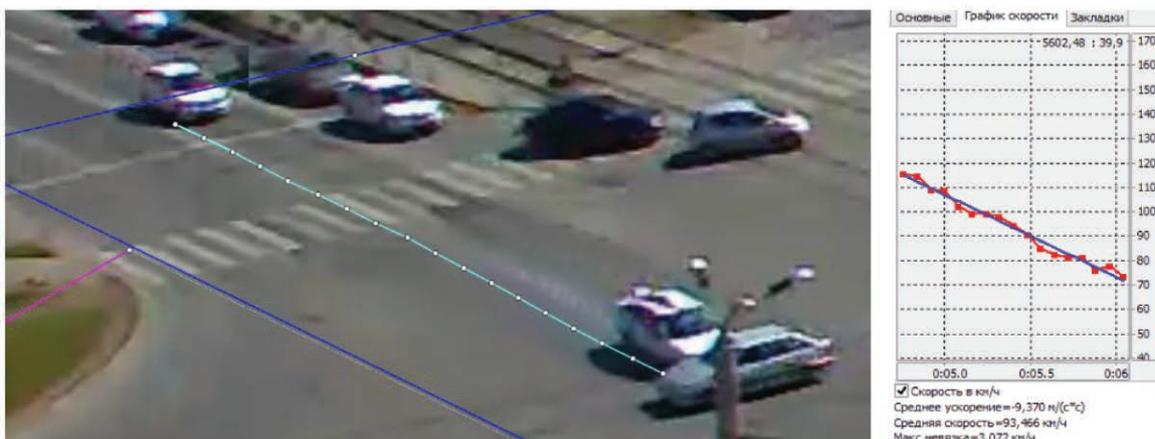

Рис. 13. Определение средней скорости и замедления ТС с помощью DTP Expert
Fig. 13. Determination of the average speed and deceleration of the vehicle using DTP Expert

исследовании видеозаписи (рис. 12) с помощью DTP Expert 1.0 был определен коэффициент замедления (рис. 13).

Исходя из данных построения (рис. 13) средняя скорость ТС составляла около 93 км/ч и совпала с вышеприведенным исследованием видеозаписи, величина за-

медления ($j, ')$ – 9,37 м/с². Указанное значение замедления намного выше максимального, принимаемого для расчетов замедления, равного 6,8 м/с².

Рассмотрим второй пример (рис. 14).

На графике скорости движения автомобиля Mercedes (рис. 14) можно выделить

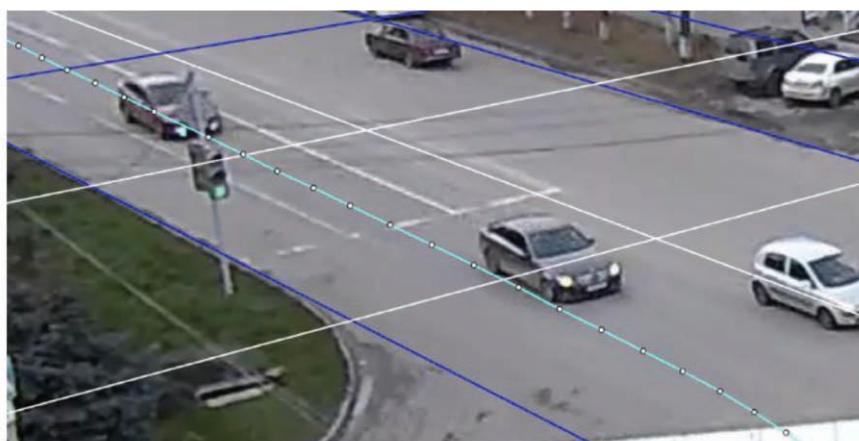

Рис. 14. Определение скорости движения и замедления автомобиля Mercedes Benz.

Вверху – построение траектории движения автомобиля с помощью DTP Expert, внизу – график изменения скорости автомобиля

Fig. 14. Determination of the speed and deceleration of the Mercedes Benz. Upper – building the path of motion of the vehicle using DTP Expert, lower – the chart of speed change of the vehicle

два участка. Первый – участок равномерно-го движения (оранжевая линия) со средней скоростью $23,622 \text{ м/с} \approx 85 \text{ км/ч}$ (см. второй член уравнения). Второй – участок движения с применением торможения (серая линия). При линейной аппроксимации этого участка получается уравнение изменения скорости (слева на рис. 14). Коэффициент перед аргументом характеризует коэффициент замедления ТС около $7,06 \text{ м/с}^2$. По рис. 14 можно определить также время с момента начала применения торможения автомобилем Mercedes, например, до момента столкновения. По указанному графику можно определить и значение мгновенной скорости ТС в любой момент времени, в том числе и в момент возникновения опасности для движения водителя.

Вышеизложенное позволяет заключить, что методами КЭВиЗ может быть получено близкое к фактическому значение замедления конкретного ТС в конкретных дорожных условиях в момент, непосредственно предшествующий ДТП. Определенная при исследовании видеозаписи величина замедления может быть взята как исходная для автотехнического исследования при производстве комплексной экспертизы. В случаях, когда величина замедления задана следователем или судом, эксперт не проверяет достоверность предоставляемых исходных данных, но может дополнить исследование и прийти к выводу о технической возможности водителя избежать ДТП, используя данные, полученные в ходе исследования видеозаписи. Как вариант, эксперт может в соответствии со ст. 57 УПК РФ решить вопрос в рамках экспертной инициативы: располагал ли водитель автомобиля технической возможностью избежать ДТП при фактическом замедлении ТС, определенному по видеозаписи ДТП? Комплексный подход в данном случае обеспечивает наиболее полное исследование.

Определение траектории движения ТС до столкновения

В рамках специальности 13.3 траектория движения ТС до столкновения может определяться лишь по следам, оставленным на проезжей части до столкновения. Зачастую указанными следами, зафиксированными в материалах дела, являются следы торможения, бокового скольжения, реже – следы качения. При этом следы в подавляющем большинстве случаев фиксируются прямыми линиями, параллель-

ными или расположенными под углом к границам проезжей части. Даже если след юза (бокового скольжения) зафиксирован в виде дуги, то его графическое построение не позволяет эксперту-автотехнику получить точные данные траектории движения ТС, поскольку сама дуга зачастую «привязана» в двух местах (начало и конец следа). В связи с этим целесообразно определять траекторию движения ТС до столкновения методами транспортной трасологии с привлечением эксперта КЭВиЗ и построением им плана местности и вещной обстановки по фотоизображению или видеозаписи с места происшествия. При наличии видеозаписи события ДТП траекторию движения ТС может определить эксперт КЭВиЗ (см. рис. 10).

Определение относительного расположения участников ДТП в разные моменты времени и моделирование технической возможности водителя избежать ДТП

Техническая возможность предотвращения происшествия – возможность избежать наезда (столкновения, опрокидывания) путем снижения скорости, остановки ТС – определяется техническими данными и особенностями ТС, дорожной обстановкой и соответствующим ей нормативным значением времени реакции водителя. Водитель располагает технической возможностью предотвратить происшествие, если он успевает остановиться до места возможной встречи с препятствием или, снизив скорость, позволяет подвижному препятствию выйти за пределы опасной зоны.

Момент возникновения опасности для движения определяется следователем или судом. При этом сам момент в постановлении о назначении экспертизы часто задается следующим образом: в момент выхода пешехода на проезжую часть; в момент изменения пешеходом темпа движения и (или) направления движения; в момент пересечения автомобилем стоп-линии и т. п. В практике производства АТЭ для решения вопроса о технической возможности водителя избежать ДТП с перечисленных выше моментов требуется произвести сравнение удаления ТС от места столкновения (S_a) и остановочного пути ТС (S_o). Самостоятельно эксперт-автотехник не всегда может определить расстояние S_a , т. к. для этого требуется ряд исходных дан-

ных: время движения, скорость движения, траектория движения, режим движения (торможение/постоянная скорость) объектов с момента возникновения опасности до момента наезда (столкновения). При этом предоставить достоверные исходные данные следователь может не всегда вследствие сложных обстоятельств ДТП. Например, пешеход с момента возникновения опасности для движения до наезда несколько раз меняет темп и направление движения; в момент возникновения опасности ТС уже движется с замедлением (водитель реагирует на знак «ограничение максимальной скорости», затем появляется пешеход и возникает опасность для движения); человек падает и движется по проезжей части по инерции; ТС, водителем которого создается опасность для движения, движется с ускорением или замедлением; движение пешехода и (или) ТС не перпендикулярно к границам проезжей части дороги и т. п. Зачастую в подобных ситуациях эксперт-автотехник заявляет ходатайство о предоставлении необходимой информации, но даже при его удовлетворении (что часто крайне сложно для следствия) нередко оказывается, что предоставленные данные не соответствуют техническим расчетам и, соответственно, не позволяют эксперту сформировать вывод.

При наличии видеозаписи события ДТП, пригодной для проведения исследования, эксперт КЭВиЗ может установить практически любые данные, необходимые эксперту-автотехнику для проведения расчетов при наличии заданного момента возникновения опасности для движения: расстояния между объектами и местом столкновения (наезда) в различные моменты времени, в том числе и в момент возникновения опасности, заданный следователем или судом; интервалы времени движения объектов в поле зрения видеокамеры по отношению к любому событию, зафиксированному на видео, в том числе и с момента возникновения опасности, заданного следователем или судом до столкновения (наезда); скорости, траектории и режимы движения объектов-участников ДТП в различные моменты времени, в том числе и с момента возникновения опасности, заданного следователем или судом, до столкновения (наезда). Данные, полученные по результатам КЭВиЗ, не только позволяют произвести расчеты, например сравнить S_a и S_o , но могут позволить экс-

перту-автотехнику установить наличие/отсутствие возможности выхода пешехода или ТС (для перекрестных столкновений) за пределы опасной зоны и, соответственно, установить наличие или отсутствие для водителя технической возможности предотвратить ДТП.

В качестве расчета технической возможности водителя избежать ДТП по данным, полученным экспертом КЭВиЗ при проведении комплексной экспертизы, можно привести следующий пример. Применительно к случаю ДТП, заданному постановлением, вопрос о технической возможности водителя избежать ДТП решается путем сравнения удаления ТС от места наезда в момент возникновения опасности для движения (S_a) с остановочным путем автомобиля в заданных условиях (S_o).

Для ответа на поставленный вопрос эксперт принимает следующие данные из постановления о назначении экспертизы.

1. Водитель имел объективную возможность обнаружить опасность в момент выхода пешехода на проезжую часть.

2. Пешеход вышел на проезжую часть в момент появления в поле зрения видеокамеры (автомобильного видеорегистратора).

3. Тип дорожного покрытия: асфальт, состояния покрытия – сухой, профиль проезжей части – горизонтальный без уклона.

4. Загрузка ТС – водитель.

5. Ограничение скоростного режима – 40 км/ч.

Пешеход пересекал проезжую часть справа налево по ходу движения автомобиля с видеорегистратором. Автомобиль ВАЗ-21104 совершил наезд на пешехода в крайнем правом ряду проезжей части дороги.

Для решения задачи о технической возможности избежать наезда ТС на пешехода по видеозаписи события (ДТП) необходимо определить фактическую скорость движения ТС и расстояние от ТС до места наезда в момент возникновения опасности (рис. 15).

При исследовании видеозаписи было установлено, что время с момента появления пешехода в поле зрения видеокамеры до момента наезда составляло 1,2 с. Расстояние от автомобиля ВАЗ-21104 до места наезда – 27,8 м. Таким образом, фактическая средняя скорость движе-

Рис. 15. Фрагмент кадра 1451 (слева): появление пешехода в поле зрения видеокамеры. Фрагмент копии рабочего окна Google Earth (справа). Схематическое отображение положения автомобиля ВАЗ-21104 (белый прямоугольник). Определение расстояния от автомобиля до места наезда (линия желтого цвета)

Fig. 15. Fragment of the video capture 1451 (left): the emergence of a pedestrian in sight of the camera. Fragment of a Google Earth work-window screenshot (right). Schematic image of the vehicle VAZ-21104 position (white rectangular). Distance determination from the vehicle to the hit site

ния автомобиля ВАЗ-21104 составляла $(3,6 \cdot 7,8 / 1,2 = 83 \text{ км/ч})$.

При принятых данных поставленный вопрос решается в соответствии с методическими рекомендациями [5]. Остановочный путь транспортного средства определяется по формуле:

$$S_0 = (t_1 + t_2 + 0,5 \cdot t_3) \cdot \frac{V_a}{3,6} + \frac{V_a^2}{26 \cdot j} \quad (3)$$

где S_0 – остановочный путь транспортного средства, 21 м; 63,7 м;

t_1 – время реакции водителя в данной ситуации, 0,8 с [7];

t_2 – время запаздывания срабатывания тормозного привода ТС, 0,1 с [5];

t_3 – время нарастания замедления при экстренном торможении ТС, 0,35 с [5];

V_a – скорость движения транспортного средства, 40 м; 83 км/ч;

j – установившееся замедление ТС при торможении, 6,8 м/с² [5].

Остановочный путь ТС категории М1 при допустимой скорости движения 40 км/ч в заданных дорожных условиях составляет 21 м при фактической скорости движения 63,7 м. Удаление автомобиля от пешехода в момент возникновения опасности составляет 27,8 м. Сравнивая полученные значения ($S_{0(40)} < S_a$ и $S_{0(83)} > S_a$), можно сделать вывод о наличии у водителя технической возможности избежать ДТП при движении с допустимой скоростью (40 км/ч) и отсутствии такой возможности при движении с фактической скоростью (83 км/ч).

Заключение

В экспертной практике при решении задачи о причинах (с технической точки зрения) ДТП зачастую выносятся постановления о назначении только автотехнической экспертизы. Между тем, если в материалах дела имеются видеозаписи (фотоизображения), на которых отображены обстоятельства ДТП, эксперт-автотехник для решения поставленных вопросов через ходатайство руководителю соответствующего СЭУ привлекает эксперта-видеотехника и формулирует перед экспертом вопросы, выводы по которым будут служить исходными данными при производстве АТЭ. Выводы, полученные экспертом-видеотехником, будут промежуточными, могут не отражаться в выводах по экспертизе, однако должны учитываться при определении категории сложности проведенной экспертизы и учета затраченного экспертом-видеотехником времени. Если в процессе исследования у эксперта-автотехника появляются новые вопросы к эксперту-видеотехнику, он может сформулировать задачу дополнительно. Указанное обстоятельство отмечает взаимосвязь и взаимодействие экспертов при производстве комплексной экспертизы. Именно комплексный подход при решении задач автотехнической экспертизы при наличии в предоставленных материалах файлов видеозаписей и фотоизображений, по мнению авторов, обеспечит полноту и всесторонность исследования материала ДТП, позволит сформировать выводы по тем вопросам, на которые по отдельности эксперты АТЭ и КЭВиЗ ответить не смогут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корухов Ю.Г. Введение / Грановский Г.Л., Корухов Ю.Г., Горской И.В., Шлепов Ю.А., Кристи Н.М., Бояров В.М., Рожков И.М. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования). (Метод. пособие для экспертов, следователей и судей). М.: ВНИИСЭ, 1988. Вып. 1. С. 3–5.
2. Кристи Н.М., Тишин В.С. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях. Диагностические исследования: метод. пособие для экспертов, следователей и судей. Вып. 2. М.: ВНИИСЭ, 1988. 120 с.
3. Петров С.М., Бояров А.Г., Власов О.О., Кривошечков С.А., Шавыкина С.Б., Амелин В.А. Определение по видеозаписям, фиксирующим событие дорожно-транспортного происшествия, положения и параметров движения его участников: метод. рекомендации для экспертов. М.: РФЦСЭ, 2016. 88 с.
4. Пучкин В.А. Основы экспертного анализа дорожно-транспортных происшествий: База данных. Экспертная техника. Методы решений. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 400 с.
5. Григорян В.Г. Применение в экспертной практике параметров торможения автотранспортных средств: метод. рекомендации для экспертов. М.: РФЦСЭ, 1995. 45 с.
6. Армадеров Р.Г., Вискребцов В.Г., Емельянов Е.В., Иларионов В.А., Калинин Я.Н., Кисляков Ю.Д., Кристи Н.М., Курносоев А.Н., Литинский С.А., Лошманов В.П., Малаха В.В., Элин К.Е., Янин В.Н. Судебная автотехническая экспертиза. Часть 2: пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей / Под ред. В.А. Иларионова. М.: ВНИИСЭ, 1980. 491 с.
7. Суворов Ю.Б. Применение дифференцированных значений времени реакции водителя в экспертной практике. Метод. рекомендации / Под ред. В.А. Иларионова, А.К. Педенчука, В.Н. Янина. М.: ВНИИСЭ, 1987. 20 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жарких Сергей Сергеевич – старший государственный судебный эксперт ФБУ Кемеровская ЛСЭ Минюста России; e-mail: s241083@mail.ru

Годлевский Андрей Анатольевич – заведующий отделом информационно-технических, лингвистических и психологических экспертиз ФБУ Челябинская ЛСЭ Минюста России; e-mail: andrew_502@mail.ru

Кривошечков Сергей Александрович – ведущий государственный судебный эксперт ФБУ Сибирский РЦСЭ Минюста России; e-mail: kreaser@yandex.ru

REFERENCES

1. Korukhov Yu.G. Introduction. In: Granovskii G.L., Korukhov Yu.G., Gorskoi I.V., Shleпов Yu.A., Kristi N.M., Boyarov V.M., Rozhkov I.M. *Vehicle and trace forensic examination in the cases on road traffic accidents (diagnostic research). (Handbook for experts, investigators and judges)*. Moscow: VNIISE, 1988. Issue 1. P. 3–5. (In Russ.)
2. Kristi N.M., Tishin V.S. *Vehicle and trace forensic examination in the cases on road traffic accidents. Diagnostic research: handbook for experts, investigators and judges*. Issue 2. Moscow: VNIISE, 1988. 120 p. (In Russ.)
3. Petrov S.M., Boyarov A.G., Vlasov O.O., Krivoshechekov S.A., Shavykina S.B., Amelin V.A. *Determination of the position and movement parameters of a road traffic accident participants using video recordings of the event*. Moscow: RFTsSE, 2016. 88 p. (In Russ.)
4. Puchkin V.A. *The framework of expert road traffic accidents analysis. Data base*. Rostov-on-Don: IPO PI YuFU, 2010. 400 p. (In Russ.)
5. Grigoryan V.G. *Application of vehicle deceleration parameters in expert practice: handbook for experts*. Moscow: RFCFS, 1995. 45 p. (In Russ.)
6. Armaderov R.G., Vyskrebtsov V.G., Emel'yanov E.V., Ilarionov V.A., Kalinskii Ya.N., Kislyakov Yu.D., Kristi N.M., Kurnosov A.N., Litinskii S.A., Loshmanov V.P., Malakha V.V., Elin K.E., Yanin V.N. *Forensic vehicle inspection. Part 2: handbook for vehicle experts, investigators and judges*. / Ilarionov V.A. (ed.). Moscow: VNIISE, 1980. 491 p. (In Russ.)
7. Suvorov Yu.B. *Application of differentiated time rates of a driver's reaction in expert practice. Handbook*. / Ilarionov V.A., Pedenchuk A.K., Yanin V.N. (eds.). Moscow: VNIISE, 1987. 20 p. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Zharkikh Sergei Sergeevich – Chief State Forensic Expert, Kemerovo Forensic Laboratory of the Russian Ministry of Justice; e-mail: s241083@mail.ru

Godlevskii Andrei Anatol'evich – Head of the Department of IT, Linguistic and Psychological Expertise, Chelyabinsk Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: andrew_502@mail.ru

Krivoshchekov Sergei Aleksandrovich – Leading State Forensic Expert, Siberian Regional Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: kreaser@yandex.ru

Статья поступила: 09.08.2018

Received: 09.08.2018

Новые объекты исследования судебных автотехнических экспертиз

В.Г. Григорян

Федеральное бюджетное учреждение Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Судебная автотехническая экспертиза – один из наиболее востребованных видов экспертиз в системе государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России.

Судебная автотехника основывается на базовых науках: физике, математике, теоретической механике, теории автомобиля и др., а также криминалистике, положениях и нормах уголовного, гражданского, арбитражного и административного права. На основе законов и теорем кинематики и динамики движения материального тела были разработаны основные методики и методические рекомендации, используемые при производстве судебной автотехнической экспертизы. Однако эти методики не могут быть применены в случаях, когда отсутствуют конкретные значения соответствующих параметров, входящих в математическую модель методики. Но последние достижения науки и техники сейчас позволяют определять параметры движения участников дорожно-транспортных происшествий путем исследования новых объектов. В статье приведены примеры использования в экспертной практике таких объектов, в частности систем спутникового слежения, различных видов видеофиксации, дополнительной системы удерживания автомобиля.

Ключевые слова: *судебная автотехническая экспертиза, система спутникового слежения, видеофиксация, дополнительная система удерживания автомобиля*

Для цитирования: Григорян В.Г. Новые объекты исследования судебных автотехнических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 84–91.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-84-91>

The New Objects of Forensic Vehicle Examinations

Varazdat G. Grigoryan

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Forensic vehicle examination is one of the most demanded examination types in the state forensic institutions of the Russian Ministry of Justice.

Forensic vehicle examination is based on the core sciences such as physics, mathematics, classical mechanics, theory of a vehicle etc. as well as on criminalistics, provisions and norms of criminal, civil, arbitration and administrative law. Based on the kinematics and dynamics laws and theorems of a material object movement, key techniques and methodological recommendations on conducting forensic vehicle examination were developed. However, these techniques cannot be applied in cases when values of relevant parameters which are a part of the mathematical model are absent. Although the latest advances in science have made it now possible to identify the movement parameters of those involved in a road traffic accident by examining new objects. Some examples of using such objects in practice are given in the article, for instance of the satellite tracking system, different types of video fixation, supplemental restraint system (SRS) in a car.

Keywords: *forensic vehicle examination, satellite tracking system, video fixation, supplemental restraint system*

For citation: Grigoryan V.G. The New Objects of Forensic Vehicle Examinations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 84–91. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-84-91>

Судебная автотехническая экспертиза (САТЭ) является одним из наиболее востребованных видов судебных экспертиз. В экспертных учреждениях Минюста России количество САТЭ составляет 20–60 % от общего объема выполняемых экспертиз. Это объясняется как высокой квалификацией государственных экспертов-автотехников Минюста России, так и наличием научно-методической базы, позволяющей решать широкий круг вопросов, ставящихся перед экспертами судебно-следственными органами.

История становления САТЭ Минюста России

Еще при образовании научно-исследовательской лаборатории судебных автотехнических экспертиз (НИЛ САТЭ) 1 октября 1962 г. (Приказ № 2 директора Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз Министерства юстиции РСФСР А.Р. Шляхова) перед сотрудниками лаборатории была поставлена задача разработать научно обоснованные методики, методические пособия, методические рекомендации и обучить экспертов вновь создаваемых автотехнических подразделений СССР в системе юридических комиссий при Советах Министров союзных республик, а затем министерств юстиции СССР.

Уже в 1963 году сотрудниками НИЛ САТЭ под руководством старшего инженера лаборатории В.А. Бекасова было подготовлено первое в стране пособие по методике производства судебной автотехнической экспертизы [1]. В дальнейшем в научно-исследовательской и научно-методической работе начали принимать активное участие и экспертные подразделения других союзных республик. Так, в экспериментальных исследованиях по определению значений коэффициента сцепления шин с дорогой, проведенных в 1974–1978 годах в экспертных учреждениях системы Минюста СССР, принимали участие сотрудники ВНИИСЭ¹, Белорусского НИИСЭ, НИИЛСЭ Армянской, Киргизской, Туркменской и Эстонской ССР, МАДИ², СоюздорНИИ, БелдорНИИ, Литтехоргдорстрой и Латвийской сельскохозяйственной академии.

Для повышения эффективности научно-исследовательской и научно-методической работы менялась и структура НИЛ САТЭ, под конкретные научные разработки создавались отдельные сектора. В разные годы в

состав НИЛ САТЭ входило от двух до семи секторов.

В 1969 году были образованы сектор «Экспериментальные исследования в области автотехнической экспертизы» и сектор «Производство дорожно-транспортных экспертиз и разработка экспертного толкования технических норм правил движения». В 1970 году был образован третий сектор «Исследование технического состояния деталей транспортных средств и металлографических исследований».

В 1980 году произошло очередное структурное изменение, были образованы сектора «Исследование механизма дорожно-транспортных происшествий», «Технико-диагностические исследования транспортных средств», «Транспортно-трасологические исследования», «Инженерно-психологические исследования», «Автоматизации и моделирования экспертных исследований ДТП с помощью ЭВМ и АВМ», «Развитие и систематизация методик, информации и обобщения экспертной практики», «Экспериментальная разработка методов экспертного исследования процессов столкновения транспортных средств (по следам повреждений и другим факторам)». В 1987 году создан объединенный сектор «Технико-диагностические исследования транспортных средств и транспортно-трасологические исследования».

В 1995 году в связи с реорганизацией ВНИИСЭ в Российский Федеральный центр судебной экспертизы НИЛ САТЭ была переименована в лабораторию судебной автотехнической экспертизы (ЛСАТЭ), а входившие в ее состав сектора ликвидированы.

В результате активно проводившейся научно-методической работы формировались новые специальности САТЭ. Так, например, проведение автотехнических экспертиз с использованием трасологических методов началось в лаборатории гораздо раньше создания в ней в 1980 году сектора транспортно-трасологических исследований.

В 1989 году в НИЛ САТЭ было начато производство судебной автотовароведческой экспертизы.

В январе 2002 года был создан отдел исследования дорожно-транспортных происшествий для производства автотовароведческих экспертиз. В марте 2006 года этот отдел был снова введен в состав ЛСАТЭ, а в апреле 2012 года создано самостоятельное

¹ Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз.

² Московский автомобильно-дорожный институт.

экспертное подразделение – отдел судебных автотовароведческих экспертиз.

Позже появилась экспертная специальность – исследование технического состояния дороги, дорожных условий на месте дорожно-транспортного происшествия.

В настоящее время подготовлен проект дополнительной образовательной программы по еще одной экспертной специальности с условным названием «Исследование транспортных средств в целях выявления, классификации и установления причин возникновения неисправностей (технико-диагностическое исследование)».

В соответствии с приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237³ в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России выполняется судебная автотехническая экспертиза по пяти специальностям:

- исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия;
- исследование технического состояния транспортных средств;
- исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трассологическая диагностика);
- исследование транспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки;
- исследование технического состояния дороги, дорожных условий на месте дорожно-транспортного происшествия.

Научные основы автотехнической экспертизы

Судебная автотехника основывается на базовых науках – физике, математике, теоретической механике, теории автомобиля, и пр., а также криминалистике, положениях и нормах уголовного, гражданского, арбитражного и административного права.

На основе законов и теорем кинематики и динамики движения материального тела были разработаны основные методики и методические рекомендации, используемые при производстве судебной автотехнической экспертизы [2–6]. Очевидно, что эти методики не могут быть применены при отсутствии значений соответствующих параметров, входящих в математическую модель. Так, отсутствие следов колес транспортного средства (ТС) (следов торможения, бокового скольжения, качения и т. п.) на месте ДТП не позволяет определить

скорость движения ТС в различных стадиях ДТП. Более того, при наличии указанных следов, но неточной характеристике состояния проезжей части, позволяющей установить значения коэффициента сцепления шин с дорогой, также исключается возможность установить скорость движения ТС с достаточной точностью, т. к. коэффициент сцепления зависит как от характеристик проезжей части, так и от многих кинематических и динамических параметров качения колеса.

Еще в 70-х годах девятнадцатого века было установлено, что коэффициент трения стали по стали при наличии скольжения меньше, чем при покое, и падает при увеличении скорости скольжения [7]. На этом основании профессор Петербургского технологического института и Инженерной академии Н.П. Петров, основоположник гидродинамической теории смазки, в 1878 году впервые рекомендовал тормозить железнодорожные составы, не доводя их колеса до блокировки (приближаясь к пределу скольжения), так чтобы колеса продолжали катиться. Позднее эксперименты с торможением паровозов подтвердили целесообразность такой рекомендации.

Последующие испытания различных трущихся пар показали, что зависимость, из которой исходил профессор Н.П. Петров, справедлива для большинства трущихся пар. Поэтому во всех спорных случаях, как указано в методических рекомендациях для экспертов [8], значения параметров эффективности торможения ТС следует определять экспериментальным путем. При этом надо иметь в виду, что некоторые деселерометры инерционного типа (например, «Мотометр») дают завышенные значения замедления из-за углового колебания кузова автомобиля относительно поперечной оси, проходящей через центр тяжести автомобиля (галопирования).

При угле 10 градусов превышение составляет

$$g \cdot \sin 10^\circ = 9,81 \cdot 0,1736 = 1,7 \text{ м/с}^2.$$

С учетом вышеизложенного в производстве САТЭ стали использовать результаты последних научных достижений, позволяющие определять параметры движения участников ДТП.

Новые объекты САТЭ

Научно-технический прогресс обусловил появление в автомобилях новых устройств. Некоторые из них становятся объектами

³ <http://sudexpert.ru/files/norms/237.pdf>

CATЭ и помогают решать вопросы, стоящие перед экспертами-автотехниками. Это устройства, содержащие информацию систем спутникового слежения, видеофиксации, дополнительной системы удерживания автомобиля (Supplemental Restraint System – SRS⁴) и др.

Пример 1. В 2011 году в ЛСАТЭ поступили материалы уголовного дела для производства судебной автотехнической экспертизы по факту наезда автомобиля на двух пешеходов.

Происшествие вызвало большой общественный резонанс: люди выходили на улицы, перекрывали движение транспорта. Свидетели утверждали, что причиной наез-

да явилось движение автомобиля со скоростью более 100 км/ч. Следы торможения на месте ДТП не были зафиксированы, и определить скорость движения ТС по общеизвестной методике было невозможно.

При изучении материалов дела эксперт установил, что автомобиль был оборудован противоугонной системой со спутниковым слежением. Им было заявлено ходатайство следователю с просьбой запросить у специализированной организации материалы со спутника. Ходатайство было удовлетворено, необходимые данные – получены (рис. 1–2).

С помощью представленных материалов было установлено, что скорость движения автомобиля перед торможением составляла около 64 км/ч, что позволило провести объективное экспертное исследование.

⁴ Система SRS может иметь и другие обозначения: Electronic Stability Program (ESP), Vehicle Drive Control (VDC), Electronic Stability Control (ESC), Dynamic Stability Control (DSC), Vehicle Stability Control (VSC).

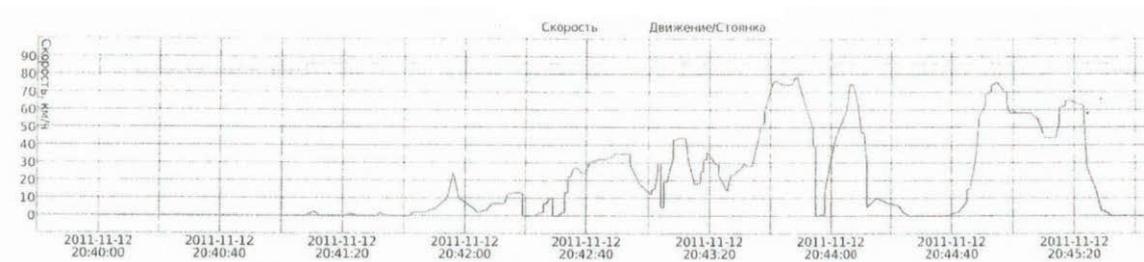

Рис. 1. График изменения скорости автомобиля
Fig. 1. The chart of changing of a vehicle speed

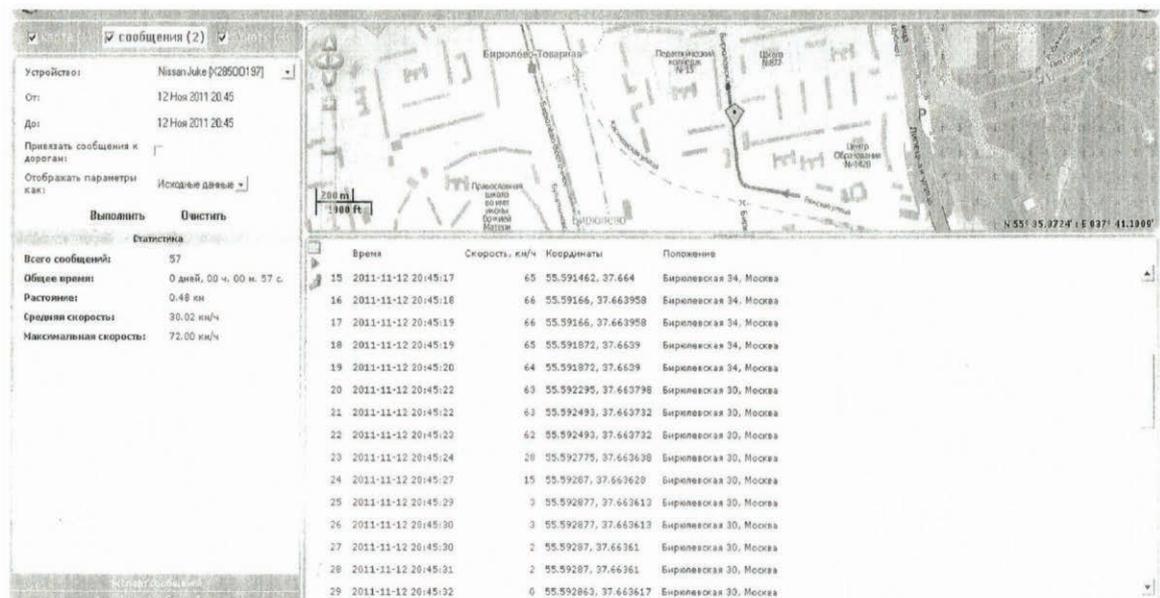

Рис. 2. Табличные значения времени, скорости движения автомобиля, географических координат (широта, долгота) автомобиля и его положение на карте города
Fig. 2. The table values of time, speed of movement, geographic coordinates (latitude and longitude) of a vehicle, its location on a map of the city

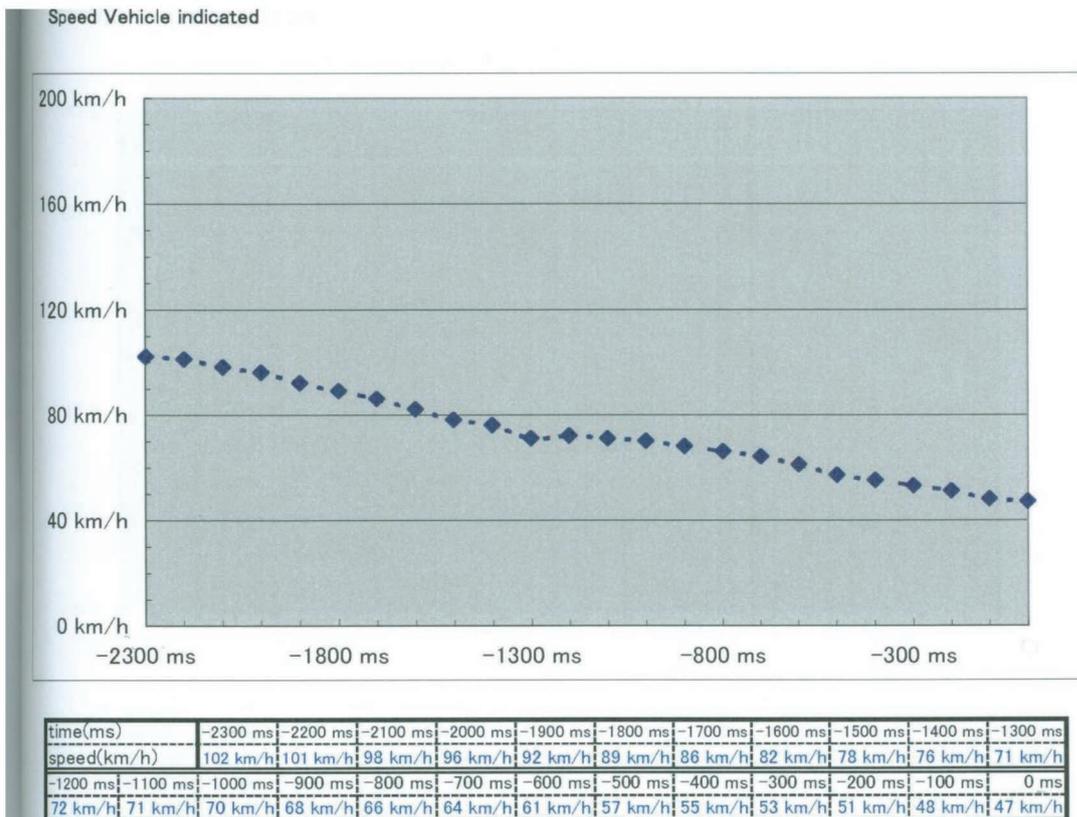

Рис. 3. График изменения скорости автомобиля
Fig. 3. The chart of changing of a vehicle speed

Пример 2. На исследование поступили материалы уголовного дела по факту встречного столкновения двух автомобилей.

Экспертом было заявлено ходатайство следователю с просьбой запросить у официального дилера результаты исследования системы SRS, обеспечивающей защиту водителя и пассажира при лобовых столкновениях. Необходимые данные были предоставлены (рис. 3–4).

По графику изменения скорости движения автомобиля и таблице, уточняющей график, можно установить, что за 2,3 с до столкновения скорость автомобиля составляла 102 км/ч, а в момент столкновения – 47 км/ч.

Из графика замедления и приложенной к нему таблицы следует, что в течение 0,083 с до столкновения автомобиль двигался с постоянным замедлением, равным 9,6 м/с².

Пример 3. В последнее время в производстве САТЭ широко используются результаты исследования материалов видеofиксации. Ниже приведен пример исследования объекта, содержащего такую инфор-

мацию, при производстве экспертизы по факту наезда на пешехода.

По исходной видеogramме (рис. 5–6) определялась скорость движения ТС. За 3,17 с (95-кратный межкадровый временной интервал (820 кадр – 725 кадр = 95 кадров) ТС преодолело расстояние 41,0 м.

Оценка ошибки позиционирования будет составлять 0,5 межкадрового временного интервала, с учетом округления:

$$V_{TC_{min}} = \frac{3,6 \cdot 41,0 \cdot 29,97}{95,5} \approx 46 \text{ км/ч}$$

$$V_{TC_{max}} = \frac{3,6 \cdot 41,0 \cdot 29,97}{94,5} \approx 47 \text{ км/ч}$$

Заклучение

Потребность судебных и следственных органов в проведении автотехнической экспертизы продолжает возрастать. Это связано с тем, что с конца прошлого века произошло резкое увеличение автомобильного парка страны, появились новые формы собственности и, как следствие, новые формы правоотношений между физическими и юридическими лицами. Все это привело

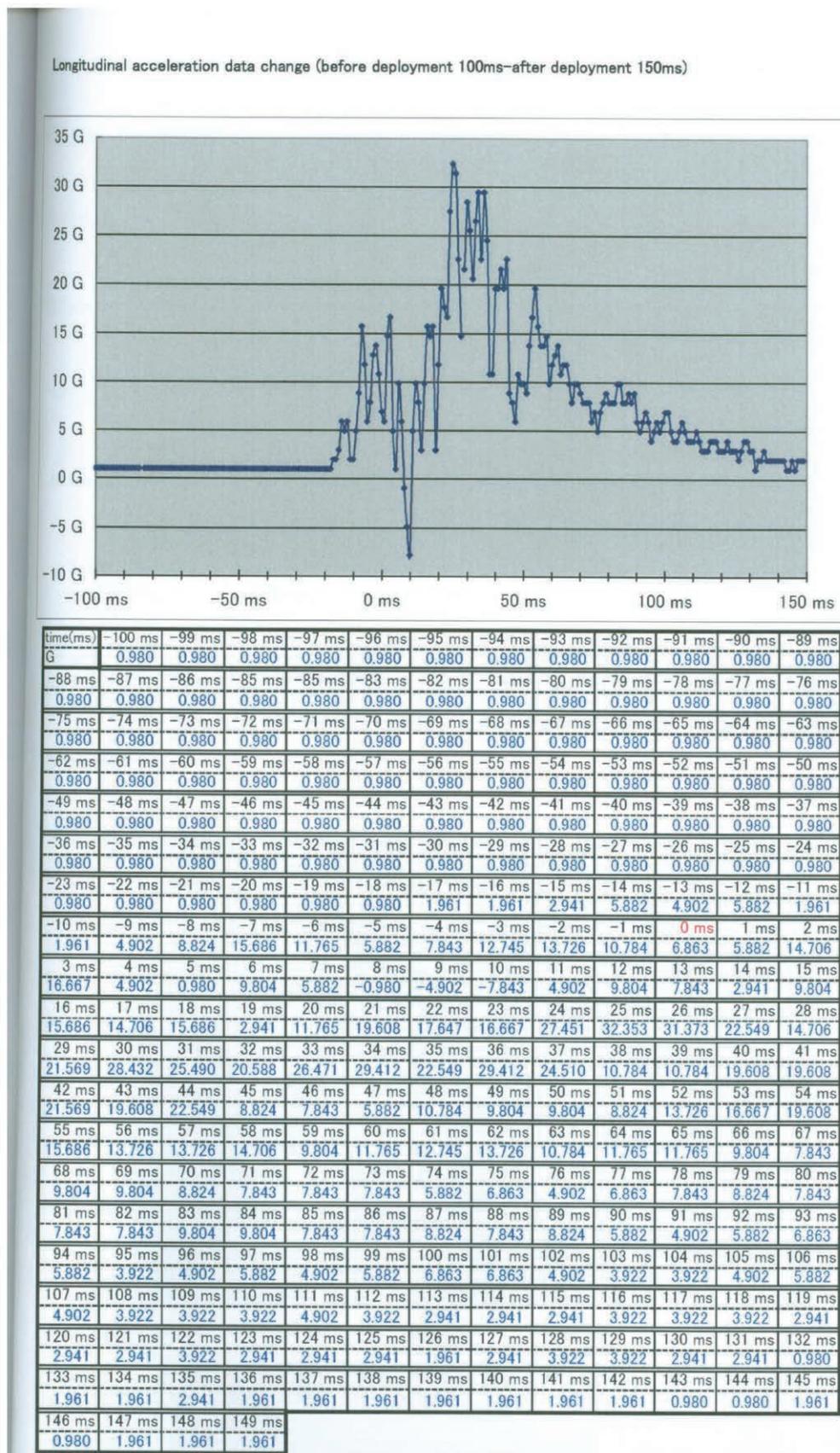

Рис. 4. График замедления скорости автомобиля
 Fig. 4. The chart of deceleration of a vehicle speed

Рис. 5. Кадр 725 исходной видеогаммы
Fig. 5. Shot 725 of the initial videogram

Рис. 6. Кадр 820 исходной видеогаммы
Fig. 6. Shot 820 of the initial videogram

к значительному росту количества уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел, рассмотрение которых требует назначения судебных автотехнических экспертиз для установления фактических обстоятельств произошедшего либо проверки имеющихся версий, являющихся предметом доказывания с применением специальных знаний в области судебной автотехники.

При этом наряду с часто задаваемыми вопросами на разрешение эксперта ставятся вопросы, решение которых требует проведения комплекса экспертиз либо комплексной экспертизы, а также расширения понятий предмета и объекта существующих специальностей САТЭ путем включения в программы подготовки экспертов дополнительных модулей и создания новых специальностей САТЭ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекасов В.А., Боград Г.Я., Зотов Б.Л., Индиченко Г.Г. Автотехническая экспертиза / Под ред. В.А. Бекасова. М.: Юрид. лит., 1967. 255 с.
2. Григорян В.Г. Современные возможности судебной автотехнической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 1 (9). С. 18–20.
3. Григорян В.Г. Глава 6. Судебная автотехническая экспертиза / Григорян В.Г., Чава И.И. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика. Науч.-практ. пособие / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Юрайт, 2014. С. 287–320.
4. Григорян В.Г. Определение по времени технической возможности у водителя транспортного средства предотвратить наезд на пешехода: методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 3 (39). С. 83–88. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2015-3-83-88>.
5. Байэтт Р., Уоттс Р. Расследование дорожно-транспортных происшествий / Пер. с англ. М.: Транспорт, 1983. 288 с.
6. Daily J. Fundamentals of traffic accident reconstruction. Florida: Institute of police technology and management, 1988, 268 p.
7. Петров Н.П. О непрерывных тормозных системах / Их устройство и теория их действия. Величина коэффициента трения колес о металлические колодки. Приложение теории к оценке действия некоторых тормозных систем. Санкт-Петербург: тип. Импер. Акад. наук, 1878. 135 с.
8. Григорян В.Г. Применение в экспертной практике параметров торможения автотранспортных средств. Метод. рекомендации для экспертов. М.: РФЦСЭ, 1995. 45 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Вараздат Гевондович – к. т. н., заведующий лабораторией судебных автотехнических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: lsate@inbox.ru

REFERENCES

1. Bekasov V.A. (ed.), Bograd G.Ya., Zotov B.L., Indichenko G.G. *Forensic vehicle examination*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1967. 255 p. (In Russ.)
2. Grigoryan V.G. *Modern capabilities of forensic vehicle examination. Theory and Practice of Forensic Science*. 2008. No. 1 (9). P. 18–20. (In Russ.)
3. Grigoryan V.G. Chapter 6. Forensic vehicle investigation. In: Grigoryan V.G., Chava I.I. *Forensic examinations in civil proceedings: organization and practice. Scientific and practical guide.* / E.R. Rossinskaya (ed.). Moscow: Yura't, 2014. P. 287–320. (In Russ.)
4. Grigoryan V.G. Time as a factor determining the driver's technical ability to avoid collision with a pedestrian (methodological guidelines). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 3 (39). P. 83–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2015-3-83-88>
5. Baiett R., Uotts R. *Investigation of road traffic accidents.* / Translated from English. Moscow: Transport, 1983. 288 p. (In Russ.)
6. Daily J. *Fundamentals of traffic accident reconstruction*. Florida: Institute of police technology and management, 1988, 268 p.
7. Petrov N.P. *On the continuous braking systems / Their structure and the theory of operation. Value of friction coefficient of the wheels to the metallic pads. Application of the theory to some braking systems operation assessment.* Saint-Peterburg: tip. Imp. Akad. nauk, 1878. 135 p. (In Russ.)
8. Grigoryan V.G. *Application of braking parameters of vehicles in expert practice. Methodological recommendations for experts.* Moscow: RFCFS, 1995. 45 p. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan Varazdat Gevondovich – Candidate of Technical Sciences, Head of the Forensic Vehicle Examinations Laboratory, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: lsate@inbox.ru

Статья поступила: 15.02.2019

Received: 15.02.2019

Вероятностная оценка пригодности судебно-экспертной методики «Микроскопическое исследование текстильных волокон»

 С.А. Смирнова^{1,2}, Г.И. Бебешко¹, И.П. Любецкая¹, Г.Г. Омелянюк^{1,2}, А.И. Усов^{1,2,3}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва 105005, Россия

Аннотация. Представлены результаты валидации методики «Микроскопическое исследование текстильных волокон», применяемой при судебно-экспертном исследовании волокнистых материалов. Предпринята попытка определить надежность тестирования этой методики численно: по значениям долей ложных и правильных результатов и отношению правдоподобия.

Рассматриваемая методика тестирования заключается в установлении комплекса внешних признаков природных и химических текстильных волокон: цвета, особенности окраски, морфологических особенностей, наличия/отсутствия матирующего агента. Данные родовые признаки используются при судебно-экспертном исследовании текстильных волокон.

Объектами тестирования являлись образцы волокон из сравнительной коллекции лаборатории криминалистической экспертизы волокнистых материалов. В эксперименте участвовали четыре эксперта, которые в течение недели независимо исследовали одиннадцать образцов волокон по одиннадцати внешним признакам.

Установлен низкий (2,2 %) уровень ложных результатов по отношению к общему числу тестируемых, а также низкий (менее 3,0 %) уровень ложных результатов у каждого из экспертов. Вероятность правильных результатов оценки совокупности признаков в 30 раз выше вероятности ложных результатов.

Результаты эксперимента позволяют сделать вывод о том, что методика пригодна для использования в судебной экспертизе волокнистых материалов при решении разнообразных задач: классификационных, идентификационных, ситуационно-диагностических.

Ключевые слова: волокна, внешние признаки, методика качественного тестирования, микроскопия, валидация

Для цитирования: Смирнова С.А., Бебешко Г.И., Любецкая И.П., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Вероятностная оценка пригодности судебно-экспертной методики «Микроскопическое исследование текстильных волокон» // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 92–99.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-92-99>

Probability-Based Validation of the Forensic Method "Microscopic Analysis of Textile Fibers"

 Svetlana A. Smirnova^{1,2}, Galina I. Bebeshko¹, Irina P. Lyubetskaya¹, Georgii G. Omel'yanyuk^{1,2},
 Aleksandr I. Usov^{1,2,3}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

³ Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow 105055, Russia

Abstract: The results of validation of the method "Microscopic analysis of textile fibers" used in forensic fiber examination are presented. An attempt is made to estimate reliability of testing of this method numerically by the proportions of right and false results and credibility ratio.

The testing method under consideration consists in establishing a set of external characteristics of natural and chemical textile fibers: color, peculiarities of coloration, morphological features, presence/absence of a matting agent. These generic characteristics are used in forensic textile analysis.

As the objects of testing fiber samples from comparative collection of a forensic fiber laboratory were used. Four experts participated in the experiment independently examining eleven fiber samples by eleven external characteristics for a week.

A low (2,2 %) rate of false results in relation to the total number of tests was established as well as the low (less than 3,0 %) rate of each expert's false results. The probability of the right results of characteristics' assessment is 30 times higher than the probability of false results.

The results of the experiment permit the conclusion that the method is suitable to be used in forensic fiber examination when dealing with various tasks: classification, identification, situational and diagnostic.

Keywords: *fibers, color, microspectrophotometry, validation*

For citation: Smirnova S.A., Bebeshko G.I., Lyubetskaya I.P., Omel'yanyuk G.G., Usov A.I. Probability-Based Validation of the Forensic Method "Microscopic Analysis of Textile Fibers". *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 92–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-92-99>

Введение

В соответствии с регламентом [1], разработанным в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и утвержденным Советом министров юстиции государств – членом ЕврАзЭС, судебно-экспертным лабораториям надлежит проводить валидацию используемых методик, предполагающую оценку их пригодности для судебно-экспертной деятельности.

Методика тестирования «Микроскопическое исследование текстильных волокон» (далее – Методика) является качественной судебно-экспертной методикой и широко применяется в судебной экспертизе волокнистых материалов при решении разнообразных задач: классификационных, идентификационных, ситуационно-диагностических [2–5]. Сущность Методики заключается в установлении на основе микроскопического исследования физических характеристик волокон, а именно их внешних признаков: цвета, особенностей окраски, морфологических особенностей, наличия матирующего агента.

Цвет является важным родовым признаком. При исследовании текстильных волокон эксперты определяют их основной цвет, оттенок (наличие в основном цвете примеси другого цвета) и светлоту (насыщенность). В наименовании цвета первое слово обозначает оттенок, второе – основной цвет; при описании насыщенности используют наречие «ярко», а для описания светлоты – «светло-» и «тёмно-».

Особенности окраски волокон несут информацию о способе нанесения красителя. Равномерная окраска всего волокна свидетельствует о поверхностном крашении, точечное распределение красителя – о кра-

шении химических волокон в массе, чередование участков разного цвета говорит о крашении волокнистого материала способом печати.

К *морфологическим особенностям* относят разнообразие форм и строения волокон. Различают лентообразную форму, извитость, наличие черепицеобразной кутикулы, наличие одной или нескольких продольных полос, гладкую поверхность, профилированность волокон и др. Особенности строения могут быть природными (у волокон хлопка и шерсти), являться результатом специальной механической обработки (у лубяных волокон) или появляться в процессе формования (у химических волокон).

Важным признаком *химических волокон* является также *наличие/отсутствие матирующего агента* (например, двуокиси титана), который в поле зрения микроскопа имеет вид мелких частиц черного цвета, распределенных внутри волокна.

Указанные признаки оцениваются экспертами как родовые; они используются для предварительной дифференциации волокон с целью отнесения объекта к определенному классифицированному множеству либо для проведения сравнительного исследования. На основании тестирования эксперт делает выводы о совпадении/несовпадении внешних признаков у сравниваемых волокон (бинарный отклик).

Подобные методики качественного тестирования, основанные на бинарном отклике, широко применяются в практике судебной экспертизы. Однако метрологии качественного анализа уделяется недостаточное внимание. По оценке надежности методов в качественном тестировании опубликовано ограниченное число реко-

мендаций¹ и статей в периодических отечественных и зарубежных изданиях [6–13]. При этом большинство публикаций носят дискуссионный характер. Статистические детализированные методы оценки неопределенности или надежности в качественном тестировании пока не разработаны.

Под надежностью (reliability) методики тестирования понимается устойчивость, воспроизводимость результатов теста, многократно повторяемого при различных условиях. Наиболее достоверную оценку надежности можно получить в результате межлабораторного профессионального тестирования [14]. Однако эта процедура достаточно затратна по времени, производственным ресурсам и денежным средствам. Поэтому для оценки надежности данной методики тестирования, являющейся одним из модулей экспертизы волокнистых материалов, использовали вероятностную оценку наличия/отсутствия признаков или свойств, а также компетентности операторов.

Цель данной работы – разработка процедуры валидации путем оценки вероятности долей ложных и правильных результатов тестирования.

Аппаратура и оборудование

Для тестирования методики использовали сравнительный микроскоп марки Leica FS 4000, позволяющий работать в проходящем искусственном свете при увеличении 100–600х и исследовать даже очень тонкие текстильные волокна (толщиной около 0,005 мм). Прибор оснащен цифровой фотокамерой LeicaDFC 450 и компьютерной программой ImageScore для фотосъемки микрообъектов.

Микроскоп Leica FS 4000 не внесен в Государственный реестр средств измерения и не поверяется. Техническое обслуживание микроскопа проводится раз в год специалистами фирмы Leica. Контроль параметров микроклимата в рабочем помещении проводится перед началом работы на приборе.

Микропрепараты волокон готовили в поле зрения стереомикроскопа Leica MZ 125 общепринятым способом в водно-глицериновой среде. Для фиксирования внешнего вида микропрепараты волокон фотографировали при увеличении 400–600х.

¹ EUACHEM/CITAC GUIDE: The Expression of Uncertainty in Qualitative Testing/ Committee Draft. September 2003. LGCN/VAM/2003/048/
P103A2LA Policy on Measurement Uncertainty for Testing Laboratories, American Association for Laboratory Accreditation, 2013.

Объекты тестирования и их внешние признаки

В качестве объектов тестирования использовали образцы натуральных и химических волокон из сравнительной коллекции лаборатории криминалистической экспертизы волокнистых материалов (табл. 1).

Контролируемые в процессе валидации внешние признаки образцов волокон представлены в таблице 2.

Экспериментальная часть

В эксперименте участвовали 4 эксперта, которые в разное время в течение недели проводили независимые микроскопические исследования одиннадцати образцов волокон, характеризующихся разным набором одиннадцати внешних признаков. При этом эксперты использовали один и тот же микроскоп с одинаковой интенсивностью светового потока при одинаковом увеличении.

Таблица 1. Образцы волокон для проведения испытаний

Table 1. Fiber samples for the examination

Номер образца	Волокна
Натуральные	
1	Хлопковые, взятые из белой хлопчатобумажной ткани, окрашенной способом печати, краситель – активный ярко-оранжевый
2	Шерстяные, краситель – хромовый коричневый К, 3%-ный
Химические	
3	Полиакрилонитрильные, неокрашенные
4	Полиэфирные, краситель – дисперсный фиолетовый К, 2,5%-ный
5	Полиамидные, краситель – кислотный темно-синий полиамидный, 3%-ный
6	Гидратцеллюлозные вискозные, краситель – пигмент зеленый KB
7	Вискозные, неокрашенные
8	Вискозные, неокрашенные
9	Полиэфирные, неокрашенные
10	Полиэстер, неокрашенный
11	Полиакрилонитрильные, неокрашенные

Для получения более достоверной оценки надежности методики и компетентности экспертов было проведено два вида испытаний (прямое и обратное). В испытании, названном прямым, эксперты должны были установить признаки у образцов под известными номерами (1–6), а в обратном испытании – по комплексу предложенных признаков определить номер образца (7–11), этими признаками обладающего.

На подготовительном этапе валидации экспертам-операторам были присвоены коды (А, Б, В, Г), а всем образцам волокон – порядковые номера (указаны в табл. 1), которые были проставлены на предметных стеклах с микропрепаратами.

Для записи результатов испытаний были разработаны и размещены в сетевом компьютере лаборатории две электронные

таблицы: для прямого и обратного испытаний. В обеих таблицах были столбцы для указания номера образца и исследуемых признаков. В таблице для прямого испытания для образцов № 1–6 были указаны номера, а столбцы признаков оставались незаполненными. В таблице же для обратного испытания для образцов № 7–11 были указаны их признаки, но не указаны номера. Каждый эксперт-оператор заполнил обе эти таблицы.

На экспериментальном этапе валидации эксперты провели микроскопическое исследование шести образцов в прямом испытании и пяти образцов – в обратном. Наличие/отсутствие признаков у волокон образцов отметили значками «+» и «-» в соответствующих ячейках таблиц.

Таблица 2. Внешние признаки образцов волокон
Table 2. External characteristics of the fiber samples

Номер образца	Исследуемые признаки										
	Цвет	Особенности окраски	Природные волокна		Химические волокна						
			III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
1	Желто-зеленый (+)	ТРК* (+)	-	-	-	+	+	+	+	-	
2	Фиолетовый (+)	Равномерная (+)	-	-	+	-	-	-	-	-	
3	Синий (+)	Равномерная (+)	-	-	-	+	-	-	-	+	
4	Светло-коричневый (+)	Равномерная (+)	-	+	-	-	-	-	-	-	
5	Белый (+)	Неокрашенные (+)	-	-	-	+	-	-	+	-	
6	Оранжевый→белый** (+)	Чередование участков (+)	+	-	-	-	-	-	-	-	
7	Белый (+)	Неокрашенные				-	+	-	+	-	-
8	Белый (+)	Неокрашенные				-	-	+	-	-	-
9	Белый (+)	Неокрашенные				+	-	-	-	-	+
10	Белый (+)	Неокрашенные				+	-	-	-	-	-
11	Белый (+)	Неокрашенные				-	+	-	-	+	-

* – точечное распределение красителя;

** – чередование на волокнах участков разного цвета.

Обозначения признаков:

III – извитые, лентообразные;

IV – цилиндрические с черепицеобразной кутикулой;

V – матированные;

VI – нематированные;

VII – матированные с продольными полосами;

VIII – с продольными полосами;

IX – с одной продольной полосой;

X – гладкие;

XI – профилированные.

Наличие или отсутствие у волокон конкретного признака обозначено знаками «+» и «-», соответственно.

Результаты и обсуждение

Отмечены особенности оценки цвета волокон экспертами при проведении прямого испытания. В некоторых случаях эксперты по-разному оценивали оттенок, насыщенность и светлоту цвета одного и того же объекта. Например, цвет волокон образца № 1 одни определяли как светло-зеленый, другие – как желто-зеленый. Цвет образца № 3 одни определяли как синий, другие – как серо-синий или ярко-синий. При этом основной цвет образцов все определили правильно. Незначительные расхождения в оценке оттенка цвета связаны с особенностями цветового восприятия каждого человека. Подобные расхождения в оттенках цвета не считались ошибочными результатами².

В плане метрологии проведенное микроскопическое исследование включало установление наличия одних конкретных при-

знаков и отсутствия других. В обеих группах полученных данных (зафиксированных результатов тестирования) присутствовали как правильные, так и ложные результаты.

Правильный положительный результат в нашем случае означал, что наличие признака было установлено правильно, а ложный положительный результат – ложное наличие признака. Правильный отрицательный результат означал, что правильно установлено отсутствие признака, а ложный отрицательный результат – ложное отсутствие признака.

Сопоставление данных в каждой из индивидуальных таблиц экспертов с данными таблицы 2 позволяет оценить вероятность ложных и правильных результатов тестирования. Результаты, полученные каждым из экспертов в прямом и обратном испытаниях, и статистика результатов представлены в таблице 3.

Вероятности или показатели долей ложных и правильных результатов рассчитаны по следующим формулам [11, 13]:

показатель ложных положительных результатов:

$$\text{ПЛП} = 100 \cdot n_{\text{лп}} / (n_{\text{лп}} + n_{\text{по}}), \%;$$

Таблица 3. Сводные результаты испытаний и статистические расчеты
Table 3. Summary results of the examination and statistical calculations

Вид результата	Число результатов в двух испытаниях (прямом и обратном)				Всего результатов
	Эксперты				
	А	Б	В	Г	
ПП (правильный положительный)	21+13	19+13	20+13	20+13	132
ПО (правильный отрицательный)	39+27	39+27	38+27	38+27	262
ЛП (ложный положительный)	0+0	1+0	1+0	1+0	3
ЛО (ложный отрицательный)	0+0	1+0	1+0	1+0	3
Статистика правильных и ложных результатов					
Вероятность результата, %	Эксперты				Среднее значение вероятности
	А	Б	В	Г	
ППП (показатель правильных положительных результатов)	100	96,9	97,1	97,1	97,8
ППО (показатель правильных отрицательных результатов)	100	98,5	98,5	98,5	98,9
ПЛП (показатель ложных положительных результатов)	0	1,5	1,5	1,5	1,1
ПЛО (показатель ложных отрицательных результатов)	0	3,0	2,9	2,9	2,2

показатель ложных отрицательных результатов:

$$\text{ПЛО} = 100 \cdot n_{\text{ло}} / (n_{\text{ло}} + n_{\text{пп}}), \%;$$

показатель правильных положительных результатов:

$$\text{ППП} = 100 \cdot n_{\text{пп}} / (n_{\text{пп}} + n_{\text{ло}}), \%;$$

показатель правильных отрицательных результатов:

$$\text{ППО} = 100 \cdot n_{\text{по}} / (n_{\text{по}} + n_{\text{пп}}), \%;$$

где n – число результатов тестирования.

Как видно из данных таблицы 3, вероятности ложных результатов по Методике в целом не превышали 2,2 %, а вероятности правильных результатов близки к 98 %. Это указывает на высокую надежность Методики.

Вероятности ложных результатов у каждого из экспертов не превышали 3,0 %, а вероятности правильных результатов близки к 97 %, что указывает на достаточную компетентность экспертов в части владения приборной базой и применения Методики микроскопического исследования волокон.

По соотношению правильных и ложных результатов тестирования рассчитаны значения отношения правдоподобия LR [11, 13]. Пусть событие A означает наличие признаков (положительные результаты), событие B – отсутствие признаков (отрицательные результаты), событие AB – совокупное наличие одних признаков и отсутствие других.

По данным таблицы 3 можно рассчитать:

– для события A :

$$LR_A = (1 - \text{ПЛО}) / \text{ПЛП} = (1 - 0,022) / 0,011 = 88,9;$$

– для события B :

$$LR_B = (1 - \text{ПЛП}) / \text{ПЛО} = (1 - 0,011) / 0,022 = 44,9.$$

Вероятность правильного результата события AB равна произведению вероятностей ППП и ППО, так как события A и B происходят одновременно:

$$0,978 \times 0,989 = 0,967.$$

Вероятность ложного результата события AB равна сумме вероятностей ПЛП и ПЛО, так как ложный результат события AB будет тогда, когда хотя бы одно из событий (A или B) является ложным: $0,011 + 0,022 = 0,033$.

$$LR_{AB} = (1 - 0,033) / 0,033 = 29,3.$$

Таким образом, как для события наличия признаков (A), так и для события отсутствия признаков (B) вероятность правильных результатов примерно в 45–89 раз выше, чем вероятность ложных результатов, а вероятность правильного результата установления совокупности наличия и отсутствия признаков (AB) примерно в 30 раз выше вероятности ложного результата.

Статистическая оценка результатов, полученных разными экспертами в разных испытаниях в разное время, свидетельствует о воспроизводимости, надежности Методики и компетентности экспертов.

Результаты данного эксперимента отражены в протоколе валидации, рекомендуемая форма которого представлена в таблице 4.

Таблица 4. Протокол валидации
Table 4. The protocol of validation

Методика тестирования	Методика микроскопического исследования волокон
Контролируемые показатели	Внешние признаки волокон: цвет, особенности окраски, морфологические особенности, наличие/отсутствие матирующего агента
Разработчик	ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва)
Спецификация требований экспертизы к методике	Установление внешних признаков волокон с целью их первичной дифференциации или классификации при криминалистической экспертизе волокнистых материалов
Матрица	Волокнообразующий полимер текстильных волокон
Используемые методы определения и аппаратура	Микроскопическое исследование волокон в поле зрения сравнительного микроскопа Leica FS 4000 в проходящем искусственном свете, при увеличении 200–600х
Калибровка прибора	Не требуется
Чувствительность тестирования	Используемая степень увеличения позволяет тестировать очень тонкие волокна (толщиной около 0,005 мм)
Надежность методики	Высокая надежность. Воспроизводимость тестирования: низкая доля (2,2 %) ложных результатов по отношению к общему числу тестирований всех образцов 4 экспертами в двух испытаниях в разное время. Компетентность операторов: доля ложных результатов каждого из них в общем количестве тестирований не превышает 3,0 %. Расчет отношения правдоподобия показывает, что вероятность совокупности правильных результатов в 30 раз выше вероятности совокупности ложных результатов.

Заключение

На основании эксперимента можно сделать вывод, что «Методика микроскопического исследования волокон» позволяет получать надежную воспроизводимую информацию о комплексе внешних признаков

природных и химических текстильных волокон (цвете, особенностях окраски, морфологических особенностях, наличии/отсутствии матирующего агента) и пригодна для использования в судебной экспертизе волокнистых материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова С.А., Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И., Король С.Г. Опыт аккредитации судебно-экспертных лабораторий Минюста России на соответствие ИСО/МЭК 17025 // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 2 (22). С. 40–45.
2. Пучков В.А. Гл. 4. Основные физические и механические свойства волокон (технологические характеристики) / Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. 2. Исследование текстильных волокон. (Методическое пособие для экспертов). М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 182–202.
3. Пучков В.А. Гл. 5. Система методов исследования текстильных волокон в судебной экспертизе / Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. 2. Исследование текстильных волокон. (Методическое пособие для экспертов). М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 203–225.
4. Пучков В.А., Сергаева Г.А. Гл. 6. Экспертное исследование природных волокон / Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. 2. Исследование текстильных волокон. (Методическое пособие для экспертов). М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 226–260.
5. Пучков В.А., Чернов В.П. Гл. 7. Экспертное исследование химических волокон / Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. 2. Исследование текстильных волокон. (Методическое пособие для экспертов). М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 260–306.
6. Faber N.M., Boqué R., Rius F.X. On the calculation of decision limits in doping control // *Assred. Quality Assur.* 2006. Vol. 11 No. 10. P. 536–538.
<https://doi.org/10.1007/s00769-006-0196-7>
7. Pulido A., Ruisánchez I., Boqué R., Rius F.X. Uncertainty of results in routine qualitative analysis // *Trends Anal. Chem.* 2003. Vol. 22. No. 10. P. 647–654.
<https://doi.org/10.1016/j.trac.2005.04.001>
8. Rios A., Télles H. Reliability of binary analytical response // *Trends Anal. Chem.* 2005. Vol. 24. No. 10. P. 509–515.
<https://doi.org/10.1016/j.trac.2005.03.012>
9. Lendl B., Karlberg B. Advancing from unsupervised, single variable-based to supervised, multivariate-based methods: A challenge for qualitative analysis // *Trends Anal. Chem.* 2005. Vol. 24. No. 6. P. 488–492.
<https://doi.org/10.1016/j.trac.2005.03.010>
10. Pulido A., Ruisánchez I., Boqué R., Rius F.X. Estimating the uncertainty of binary test results

REFERENCES

1. Smirnova S.A., Usov A.I., Omeljanyuk G.G., Bebeshko G.I., Korol S.G. Practice of accreditation of forensic laboratories of the Ministry of Justice of Russia on compliance with ISO/MEK 17025. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2011. No. 2 (22). P. 40–45. (In Russ.)
2. Puchkov V.A. Ch. 4. The main physical and mechanical properties of fibers (technological characteristics). In: *Forensic analysis of fibers and products from fibers. Issue 2. Textile fibers examination (Handbook for experts)*. Moscow: VNIISE, 1983. P. 182–202. (In Russ.)
3. Puchkov V.A. Ch. 5. The system of research methods for textile fibers in forensic expertise. In: *Forensic analysis of fibers and products from fibers. Issue 2. Textile fibers examination (Handbook for experts)*. Moscow: VNIISE, 1983. P. 203–225. (In Russ.)
4. Puchkov V.A., Sergaeva G.A. Ch. 6. Expert examination of natural fibers. In: *Forensic analysis of fibers and products from fibers. Issue 2. Textile fibers examination (Handbook for experts)*. Moscow: VNIISE, 1983. P. 226–260. (In Russ.)
5. Puchkov V.A., Chernov V.P. Ch. 7. Expert examination of chemical fibers. In: *Forensic analysis of fibers and products from fibers. Issue 2. Textile fibers examination (Handbook for experts)*. Moscow: VNIISE, 1983. P. 260–306. (In Russ.)
6. Faber N.M., Boqué R., Rius F.X. On the calculation of decision limits in doping control. *Assred. Quality Assur.* 2006. Vol. 11 No. 10. P. 536–538.
<https://doi.org/10.1007/s00769-006-0196-7>
7. Pulido A., Ruisánchez I., Boqué R., Rius F.X. Uncertainty of results in routine qualitative analysis. *Trends Anal. Chem.* 2003. Vol. 22. No. 10. P. 647–654.
<https://doi.org/10.1016/j.trac.2005.04.001>
8. Rios A., Télles H. Reliability of binary analytical response. *Trends Anal. Chem.* 2005. Vol. 24. No. 10. P. 509–515.
<https://doi.org/10.1016/j.trac.2005.03.012>
9. Lendl B., Karlberg B. Advancing from unsupervised, single variable-based to supervised, multivariate-based methods: A challenge for qualitative analysis. *Trends Anal. Chem.* 2005. Vol. 24. No. 6. P. 488–492.
<https://doi.org/10.1016/j.trac.2005.03.010>
10. Pulido A., Ruisánchez I., Boqué R., Rius F.X. Estimating the uncertainty of binary test results

- to assess their compliance with regulatory limits // *Anal. Chim. Acta.* 2002. Vol. 455. P. 267–275.
11. Пантелеймонов А.В., Никитина Н.А., Решетняк Е.А., Логинова Л.П., Бугаевский А.А., Холин Ю.В. Методики качественного анализа с бинарным откликом: метрологические характеристики и вычислительные аспекты // *Методы и объекты химического анализа.* 2008. Т. 3. № 2. С. 128–146.
 12. Мильман Б.Л. Введение в химическую идентификацию. СПб.: ВВМ, 2008. 179 с.
 13. Мильман Б.Л., Конопелько Л.А. Неопределенность результатов качественного химического анализа. Общие положения и бинарные тест-методы // *Журн. аналит. химии.* 2004. Т. 59. № 12. С. 1244–1258.
 14. Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И., Король С.Г. Методические подходы к проведению оценки компетентности судебно-экспертных лабораторий посредством межлабораторного профессионального тестирования // *Теория и практика судебной экспертизы.* 2011. № 4 (24). С. 52–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Светлана Аркадьевна – д. ю. н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: info@sudexpert.ru

Бебешко Галина Ивановна – д. т. н., главный научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: 109382@mail.ru

Любецкая Ирина Петровна – ведущий научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: lubetsira@mail.ru

Омелянюк Георгий Георгиевич – д. ю. н., доцент, заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru

Усов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, первый заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МГТУ им. Н.Э. Баумана, член ААФС; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

to assess their compliance with regulatory limits. *Anal. Chim. Acta.* 2002. Vol. 455. P. 267–275.

11. Panteleimonov A.V., Nikitina N.A., Reshetnyak E.A., Loginova L.P., Bugaevskii A.A., Kholin Y.V. Binary response procedures of qualitative analysis: methodological characteristics and calculation aspects. *Methods Objects Chem. Anal.* 2008. Vol. 3. No. 2. P. 128–146. (In Russ.)
12. Mil'man B.L. *Introduction to forensic identification.* Saint Petersburg: VVM, 2008. 179 p. (In Russ.)
13. Mil'man B.L., Konopel'ko L.A. Uncertainty of qualitative chemical analysis: General methodology and binary test methods. *Journal of Analytical Chemistry.* 2004. Vol. 59. No. 12. P. 1128–1141. (In Russ.)
14. Omel'yanyuk G.G., Bebeshko G.I., Korol' S.G. Methodological approaches for assessing the competence of forensic laboratories by interlaboratory proficiency testing. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2011. No. 4 (24). P. 52–62. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Smirnova Svetlana Arkad'evna – Doctor of Law, Professor, Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Distinguished Scholar of the Russian Federation, Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Head of the Department of Forensic Expert Activity, Law Institute of RUDN University; e-mail: info@sudexpert.ru

Bebeshko Galina Ivanovna – Doctor of Engineering, Principal Researcher at the Department of Innovations in the Practice of Forensic Science of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: 109382@mail.ru

Lyubetskaya Irina Petrovna – Leading Researcher at the Department of Innovations in the Practice of Forensic Science of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: lubetsira@mail.ru

Omel'yanyuk Georgii Georgievich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Professor of the Department of Forensic Expert Activity Law Institute of RUDN University; e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru

Usov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, First Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Professor of the Department of Forensic Expert Activity, Law Institute of RUDN University; Professor of the Jurisprudence, Intellectual Property and Forensic Science Chair, Bauman Moscow State Technical University, member of AAFS; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

Статья поступила: 20.04.2019

Received: 20.04.2019

Деятельность руководителя судебно-экспертного учреждения в свете требований международных стандартов по оценке соответствия

О.А. Суровая

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы стандартизации правового регулирования судебно-экспертной деятельности, позволяющие создать действенный механизм перехода на новый уровень судебно-экспертных технологий в нашей стране. Подчеркнута необходимость внедрения положений международных стандартов в отечественную правовую систему и экспертную практику для стандартизации этой деятельности. В судебно-экспертной деятельности необходимо применение новых стандартов по оценке соответствия таких принципов, как беспристрастность и конфиденциальность. Проанализированы понятия указанных принципов, раскрыты требования оценки соответствия лиц, связанных с производством судебных экспертиз и исследований. Рассмотрена деятельность руководителя судебно-экспертной организации в условиях применения международных стандартов по оценке соответствия данных принципов, его роль в управлении учреждением и персоналом.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, руководитель судебно-экспертной организации, оценка соответствия, стандартизация, международный стандарт, беспристрастность, конфиденциальность*

Для цитирования: Суровая О.А. Деятельность руководителя судебно-экспертной организации в свете требований международных стандартов по оценке соответствия // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 100–106. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-100-106>

The Activity of the Chief Executive of a Forensic Organization in the Light of International Standards for Conformity Assessment Requirements

Olesya A. Surovaya

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The issues are considered concerning the standardization of forensic activities legal regulation enabling to create an effective transition mechanism to move to a new forensic technological level in our country. The need to implement the international regulations to the national legal system to standardise this activity is highlighted. In forensic activity, it is necessary to apply the new standards for conformity assessment of such principles as the of impartiality and confidentiality. The definitions of these principles are analysed, the conformity assessment requirements for persons involved in conducting forensic investigations are elucidated. The activity of the chief executive of a forensic organization is analysed in the conditions of application the international conformity assessment standards for the mentioned principles as well as his function in managing the institution and personnel.

Keywords: *forensic science, chief executive of a forensic organization, conformity assessment, standardisation, international standard, impartiality, confidentiality*

For citation: Surovaya O.A. The Activity of the Chief Executive of a Forensic Organization in the Light of International Standards for Conformity Assessment Requirements. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 100–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-100-106>

Введение

Судебная экспертиза как один из важных элементов правосудия позволяет расширить границы познания каких-либо событий и фактов, ставших предметом изучения в процессе судопроизводства [1, с. 19]. Заключение эксперта имеет весомое доказательственное значение и должно отличаться качественным исполнением. Действенным средством обеспечения качества заключений является усовершенствование способов управления деятельностью в области судебной экспертизы, соответствующих международным стандартам качества. Одним из способов является стандартизация судебно-экспертной деятельности (СЭД).

Стандартизация – это установление определенных правил и следование им в целях упорядочения деятельности в какой-либо области для всех заинтересованных лиц. Термин «стандартизация» происходит от английского слова *standard* (норма, образец). Стандарт – это нормативно-технический документ, содержащий всю совокупность норм, правил и требований к объекту стандартизации, которые установлены специальными органами.

Вопросы стандартизации СЭД неоднократно попадали в поле зрения ученых. Так, Т.Ф. Моисеева отметила ряд проблем, связанных как с процессуальным регулированием судебно-экспертной деятельности, так и с ее методическим и организационным обеспечением; их невозможно устранить без выработки единых стандартов. Ею выделены направления, по которым необходимо стандартизировать СЭД:

- отраслевое процессуальное законодательство;
- организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- методическое обеспечение судебной экспертизы;
- образовательные программы по специальности «Судебная экспертиза» [2]. По ее мнению, унификация является наиболее эффективным методом стандартизации, обеспечившим единообразие правового регулирования СЭД.

С.А. Смирнова и Н.А. Замараева отмечают необходимость научного обобщения, осмысления и анализа, на базе которого можно было бы обеспечить оптимальную стандартизацию экспертной деятельности. При этом сначала необходимо решить общие правовые, методологические и организационные вопросы, разработать частную теорию

стандартизации СЭД, а затем выработать на вышеуказанной основе конкретные практические рекомендации по повышению качества экспертного производства [3].

Действительно, зарубежный опыт свидетельствует, что наиболее действенным инструментом, гарантирующим необходимое соответствие требованиям качества, является стандартизация. Отметим лишь некоторые преимущества международной стандартизации СЭД:

- согласованность практики отечественных и зарубежных судебно-экспертных учреждений (СЭУ);
- приобретение передового опыта;
- учет интересов страны при разработке международных стандартов;
- уверенность в результатах своей деятельности благодаря их широкому использованию [4].

Основные стандарты, регулирующие судебно-экспертную деятельность

Разработкой стандартов в различных областях знаний занимается ISO (International Organization for Standardization – Международная организация по стандартизации). В России стандартизация регулируется положениями Федерального закона от 29.06.2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации», принята также концепция развития национальной системы стандартизации на период до 2020 года, одобренная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.09.2012 № 1762-р, которая включает разработку комплекса общетехнических стандартов и стандартов по отраслям экономики и другим подсистемам стандартизации [3]. Относительным новшеством в стандартизации СЭД является создание Технического комитета по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» (далее – ТК 134), на основании приказа Росстандарта от 13.05.2015 № 561. Перспективной программой ТК 134 предусматривается разработка 28 национальных стандартов по различным родам (видам) судебной экспертизы [5].

Приказом Росстандарта от 11.01.2016 г. № 4 за ТК 134 закреплена тематика Международного комитета ИСО/ТК 272 в Международной организации по стандартизации. В состав международного комитета ИСО/ТК 272 «Судебная экспертиза» входят представители 20 государств. Комитет рассматривает проекты четырех международных стандартов в области судебной экспертизы:

– судебная экспертиза – словарь (Forensic Sciences – Vocabulary);

– судебная экспертиза – обнаружение, описание, сбор, транспортировка и хранение объектов судебно-экспертного анализа (Forensic science – Recognition, recording, collection, transport and storage of items for forensic analysis);

– судебная экспертиза – анализ и исследование материалов (Forensic science – Analysis and examination of material);

– судебная экспертиза – отчетность (заключение эксперта) (Forensic science – Reporting).

Кроме того, недавно комитет ИСО/ТК 272 принял документ «Дорожная карта развития стандартов в области судебной экспертизы в 2017–2021 гг. (ISO/TC 272 – Forensic Science Standards Development Road Map 2017–2021)». Данный документ содержит план-график разработки стандартов по пяти направлениям: сбору вещественных доказательств; проведению анализа (исследования); интерпретации (оценки результатов исследования и формулирования выводов); подготовке отчетов (заключений); составление словарей¹. Предполагается, что разработка международных стандартов в этой области повысит надежность и прозрачность доказательственной базы и позволит выработать единый подход к использованию доказательств, что упрощает взаимодействия при трансграничных расследованиях [6].

С недавних пор в России были введены в действие стандарты ISO/PAS 17002:2004 «Оценка соответствия. Конфиденциальность. Принципы и требования»² и ISO/PAS 17001:2005 «Оценка соответствия. Беспристрастность. Принципы и требования»³. Данные стандарты, хотя и не относятся непосредственно к СЭД, но тем не менее имеют важное значение для организации плодотворной работы, повышения статуса судебно-экспертного учреждения на международном уровне. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть возможность применения указанных выше стандартов

¹ <https://www.iso.org/committee/4395817/x/catalogue/p/1/u/1/w/0/d/0> (дата обращения: 28.04.2019)

² ГОСТ Р 54296-2010/ISO/PAS 17002:2004 «Оценка соответствия. Конфиденциальность. Принципы и требования». <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-54296-2010> (дата обращения: 09.04.2019)

³ ГОСТ Р 54294-2010/ISO/PAS/17001:2005 «Оценка соответствия. Беспристрастность. Принципы и требования». <http://docs.cntd.ru/document/1200090098> (дата обращения: 28.04.2019)

в практической деятельности отдельного СЭУ.

Стандартизация деятельности руководителя судебно-экспертного учреждения

Исполнительным органом СЭУ является его руководитель. В его обязанности как должностного лица входит обеспечение управления организацией и ее качественное функционирование.

Роль руководителя в деятельности СЭУ, несмотря на автоматизацию и цифровизацию производства, трудно переоценить. Но из-за большой административной нагрузки руководитель меньше всего придает значение нюансам управленческой деятельности. А заинтересованность в качестве выпускаемой продукции именно руководителя, его нацеленность на постоянное его улучшение и стремление к международным стандартам работы – главное при внедрении современных технологий повышения уровня качества СЭД.

Стандарт ИСО 17001:2005 устанавливает технические требования, содержащие принципы такого элемента, как «беспристрастность». Соответствие данному элементу позволяет гарантировать общественное доверие и уважение к СЭУ. Вопросы беспристрастности, отсутствия конфликтов интересов, сохранения обстановки доверия и безопасности в деятельности организации привлекают повышенное внимание. Особенно если данные принципы рассматривать еще и с точки зрения деятельности руководителя, выступающего в роли гаранта подготовки качественных и независимых заключений эксперта.

Международное сообщество уделяет беспристрастности пристальное внимание, в то время как в национальных нормативных документах, регулирующих вопросы оценки соответствия, этот принцип не получил должного отражения.

Остановимся подробнее на термине «беспристрастность». В литературе имеется много понятий, характеризующих этот термин; например, под беспристрастностью понимают одинаковое отношение к одинаковым явлениям. Здесь категория «беспристрастность» тесно связана с понятием справедливости как нравственным принципом, выражающемся в «справедливом отношении к кому-нибудь»⁴ или в «бес-

⁴ <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30212> (дата обращения: 29.04.2019)

пристрастном следовании правде, истине в поступках и мнениях»⁵.

В стандарте использование термина «беспристрастность» подразумевает «фактическое и воспринимаемое наличие объективности». Под объективностью понимается отсутствие конфликта интересов или выгодное воздействие, не влияющее неблагоприятно на деятельность учреждения.

На наш взгляд, беспристрастность следует рассмотреть и в категории «независимость», ведь именно она лежит в основе общепризнанных позиций международного права и российского традиционного права. Справедливо отмечает С.А. Смирнова, что «одной из актуальных норм современного судопроизводства является принцип независимости в судебно-экспертной деятельности. В соответствии с действующими законодательными предписаниями и сложившимися в юридической доктрине установками нормативные правовые акты, регулирующие судебно-экспертную деятельность, в том числе декларирующие указанный принцип независимости, выстраиваются в четкую иерархическую структуру» [7, с. 83]. В данной публикации автор делает акцент на то, что «во многих международных документах, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, используется не термин «независимость», а термин «беспристрастность». Это очень актуально, так как имеет юридическое и международно-правовое значение. Важным элементом беспристрастности является именно независимость, отделенная от преследования» [там же].

Обеспечение беспристрастности достигается путем следования принципам, приведенным в разделе 5 стандарта; среди них можно выделить:

- *нейтралитет* (невмешательство или одинаковое отношение ко всем);
- *честность* (свойство выражать словами свое истинное отношение к чему-либо);
- *открытость* (отсутствие скрытности, искренность);
- *справедливость* (уважение принципов морали и закона);
- *отстраненность* (безучастное отношение к окружающим, взгляд со стороны);

– *отсутствие конфликта интересов* (отсутствие противоречий между субъектами, какой-либо заинтересованности);

– *отсутствие предвзятости* (отсутствие заранее принятого решения, строящегося не на конкретных фактах, а на собственных сложившихся убеждениях).

Многие из указанных терминов нашли отражение в этическом кодексе государственных экспертов системы СЭУ Министерства юстиции Российской Федерации. Это вполне оправданно, поскольку СЭД охватывает большинство участников судопроизводства, иногда порождая конфликтные ситуации, в том числе связанные с оказанием негативного психологического воздействия со стороны заинтересованных лиц [8, с. 152]. Следование общим этическим правилам и нормам профессиональной нравственности позволяет работникам организации более обстоятельно выстраивать отношения с людьми, находить к ним индивидуальный подход, располагать их к себе, добиваться большего доверия и уважения, без которых невозможно обеспечить беспристрастность, самостоятельность и самокритичность. При этом руководитель СЭУ должен также оставаться беспристрастным и не допускать коммерческого, финансового или иного давления, ставящего беспристрастность под угрозу.

Угрозой беспристрастности может стать предубеждение, которое может быть результатом наличия самого интереса, например, в силу зависимости по служебному контракту. «Угроза беспристрастности, – по мнению И.В. Болдырева, – может исходить от заинтересованных лиц: клиентов, потребителей продукции клиентов, государственных органов. Под коммерческим давлением можно понимать отказ в заключении договора, включение в договор неприемлемых условий. Под финансовым давлением можно понимать задержку платежей, требование провести повторные испытания за счет лаборатории. В качестве иных способов давления можно рассмотреть: моральное давление, выставляя лабораторию источником проблем, или муссирование слухов о недостоверности результатов» [9, с. 21–22].

Стандарт к угрозам для беспристрастности относит предвзятость, которая может возникать вследствие:

- а) *личной выгоды* (например, чрезмерной материальной заинтересованности либо страха оказаться безработным);

⁵ https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1150/%D0%A1%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%95%D0%94%D0%9B%D0%98%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 29.04.2019)

б) *самопроверки* (например, оценки соответствия услуги, которая уже была оказана ранее);

с) *заступничества* (например, поддержки определенной организацией – клиентом рассматриваемого СЭУ);

– *чрезмерной фамильярности* (угрозы, возникающей вследствие чересчур доверительного отношения);

– *устрашения* (например, угрозы клиента или другой заинтересованной стороны);

– *соперничества* (явной или скрытой борьбы, например, между оцениваемой компанией и сторонним экспертом по оценке).

В разделе 6 стандарта сгруппированы требования к беспристрастности, на которых базируется сертификация. К ним относятся общие, структурные и требования к персоналу, которые подразделяются в свою очередь на:

– обязательные (конкретные требования, которые используются без редакции);

– рекомендованные (сформулированные требования, которые разрешается редактировать);

– предлагаемые (определенные факторы, которые рекомендуется учитывать при разработке требований).

Структурные требования характеризуются требованиями к конфигурации системы. Главным критерием обязательного требования здесь выступает деятельность по оценке соответствия, которая «должна иметь такую структуру и управляться таким образом, чтобы беспристрастность была гарантирована». Рекомендованные требования заключаются в:

а) разработке соответствующих принципов и политики, относящихся к вопросам беспристрастности;

б) нейтрализации влияний, позволяющих препятствовать непротиворечивому и объективному осуществлению деятельности по оценке соответствия;

с) консультировании по вопросам, воздействующим на беспристрастность деятельности по оценке соответствия, включая общественное восприятие. При этом окончательное решение о соответствии должно приниматься сотрудниками, не реализовавшими выбор и постановку функций.

Положения стандарта содержат также некоторые требования к персоналу организации, которыми должен соответствовать сотрудник на конкретном рабочем месте или занимающий определенную должность. Обязательное требование – беспристраст-

ность сотрудника при оценке соответствия. Рекомендованное же требование – заменяемость персонала, ранее оказывавшего услуги в отношении объекта оценки соответствия, а также управляемость рисками для беспристрастности, возникающими при вольном отношении между персоналом органа и заказчиком.

Эффективными способами устранения рисков для беспристрастности, на наш взгляд, являются подробное описание в политике учреждения по обеспечению беспристрастности всех стадий взаимодействия между отделами и сокращение доступа к информации посторонних лиц. Ограничение доступа, в свою очередь, находит отражение в рассмотрении оценки принципа конфиденциальности.

Стандартом ИСО 17002:2004 определены общедоступные технические требования, которые содержит оценка соответствия элемента «конфиденциальность». Настоящий стандарт является инструментом при разработке стандартов в области подтверждения соответствия услуг, систем качества, подтверждения компетентности испытательных лабораторий и органов по сертификации всеми разработчиками, если при подготовке документов рассматривается элемент «конфиденциальность». В соответствии с требованиями стандарта орган по оценке соответствия должен обеспечивать конфиденциальность личных сведений о заказчике, полученных или созданных в ходе своей деятельности.

Для выполнения установленных стандартом требований руководителю СЭУ необходимо определить состав информации, относящейся к конфиденциальной, выбрать основные средства и оборудование, обеспечивающие ее безопасное хранение, а также установить, в каких случаях конфиденциальная информация может быть раскрыта третьей стороне.

Создание внутренней системы информационной безопасности СЭУ

Особое внимание следует уделить обязательным требованиям, таким как юридическая ответственность за управление всей полученной или созданной информацией, а также немедленное информирование о предоставляемой информации при разглашении третьим лицам. Исключение составляет публично доступная информация.

К конфиденциальной относится любая полученная или созданная информация о

клиенте, даже поступившая не от клиента, а из других источников (например, от подателя жалобы или из регулирующих органов). Следует также отметить, что обеспечение безопасности конфиденциальной информации лежит не только на руководителе СЭУ, но и всем персонале. Конфиденциальность сохраняется благодаря установленным и доведенным до каждого работника требованиям, включением соответствующих вопросов в договора и должностные инструкции.

В целях безопасного хранения и обработки конфиденциальной информации персоналом стандарт требует «иметь в наличии и использовать средства для безопасной обработки (например, почтовые отправления, электронная почта, уничтожение записей) конфиденциальной информации (например, документов, записей) и объектов оценки соответствия (например, пробы продукции)». В настоящее время наиболее надежным способом хранения конфиденциальной информации на бумажном носителе являются сейфы. Сегодня можно приобрести различные сейфы с любой степенью защиты, что даст возможность ограничить доступ к конфиденциальной информации сотрудникам, неуполномоченным на работу с такой информацией.

Документированная информация в электронной форме хранится на серверах, пер-

сональных компьютерах и жестких дисках, сохранение ее обеспечивается средствами защиты электронных данных.

Заключение

Таким образом, продуманная внутренняя система информационной безопасности, своевременное обучение персонала и беспристрастный регулярный контроль со стороны руководителя СЭУ обеспечат надежность и безопасность организации. Беспристрастность гарантирует честную оценку, характеризующуюся в принципе справедливого осуществления СЭД, которая в свою очередь выражается в деятельности руководителя судебно-экспертной организации.

Для сохранения статуса и престижа СЭУ необходимо постоянно развивать и совершенствовать СЭД. При этом в соответствии с международными стандартами придерживаться таких важных принципов, как беспристрастность и конфиденциальность, соблюдение которых укрепит доверие к ее деятельности. Оценка соответствия стандартам позволит выработать единый подход к пониманию независимости, исходя из условия антикоррупционного формирования структуры, и обеспечить доступность информации только для тех, кто имеет соответствующие полномочия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учеб. М.: Юрайт: Право и закон, 2002. 318 с.
2. Моисеева Т.Ф. Стандартизация судебно-экспертной деятельности в целях устранения некоторых процессуальных и методических проблем ее осуществления // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 193–196.
3. Смирнова С.А., Замараева Н.А. Возможности технического регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 46–50. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-1-46-50>
4. Wilson-Wilde L. The international development of forensic science standards – A review // *Forensic Science International*. 2018. Vol. 288. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2018.04.009>
5. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федера-

REFERENCES

1. Zinin A.M., Mailis N.P. *Forensic Sciences: Textbook*. Moscow: Yurait: Pravo i zakon, 2002. 318 p. (In Russ.)
2. Moiseeva T.F. Standardization of forensic expertise to eliminate some procedural and methodological problems of its implementation. *Classification issues of forensic examinations, certification and validation of methodological support, standardisation of forensic activity. Materials of the International Scientific and Practical Conference* (Moscow, 21 January 2016). Moscow: Prospect, 2016. P. 193–196. (In Russ.)
3. Smirnova S.A., Zamaraeva N.A. Opportunities for Technical Regulation of Forensic Science Services in the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 1 (37). P. 46–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-1-46-50>
4. Wilson-Wilde L. The international development of forensic science standards – A review. *Forensic Science International*. 2018. Vol. 288. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2018.04.009>
5. Smirnova S.A., Omelyanyuk G.G., Usov A.I. Current Problems of Codification of Innovations in Forensic Practice in the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016.

- ции // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 26–35. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-26-35>
6. O'Brien É., Nic Daeid N., Black S. Science in the court: pitfalls, challenges and solutions // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2015. Vol. 370. Issue 1674. <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2015.0062>
 7. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мульти-модальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть 1. М.: ЭКОМ, 2012. 656 с.
 8. Микляева О.В. Этический кодекс судебного эксперта: формальность или требование современного общества // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2 (34). С. 152–155. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2014-2-152-155>
 9. Болдырев И.В. ИСО/МЭК 17025:2017. Практические рекомендации по применению. СПб.: ЦОП «Профессия», 2018. 128 с.
 - No. 1 (41). P. 26–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-26-35>
 6. O'Brien É., Nic Daeid N., Black S. Science in the court: pitfalls, challenges and solutions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2015. Vol. 370. Issue 1674. <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2015.0062>
 7. Smirnova S.A. *Challenges of the time and expert law enforcement technologies. Multimodal edition 'Forensic science: reboot'. Part 1*. Moscow: EKOM, 2012. 656 p. (In Russ.)
 8. Miklyaeva O.V. Forensic Sciences Code of Ethics and Conduct: A Mere Formality or Imperative of the Modern Society. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 2 (34). P. 152–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2014-2-152-155>
 9. Boldyrev I.V. *ISO / IEC 17025: 2017: Practical recommendations on application*. St. Petersburg: Professiya, 2018. 128 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суровая Олеся Александровна – главный специалист, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: o.surovaya@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Surovaya Olesya Aleksandrovna – Chief specialist, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: o.surovaya@sudexpert.ru

Статья поступила: 29.04.2019
Received: 29.04.2019

О лицензировании работ в области молекулярно-генетических экспертиз

 И.В. Корниенко^{1,2}, К.В. Степанов², Т.Г. Фалеева^{1,2,3}, В.С. Ракуц², И.Н. Иванов⁴, Е.С. Мишин⁴, Н.В. Кононов⁵, Н.Е. Левченко⁶, Ю.С. Сидоренко^{1,7}

¹ ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону 344006, Россия

² ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону 344006, Россия

³ Филиал № 2 ФГКУ «111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз» Министерства обороны Российской Федерации, Ростов-на-Дону 344000, Россия

⁴ ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург 191015, Россия

⁵ ГБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы», Санкт-Петербург 195067, Россия

⁶ ФГБУ «Российский онкологический научный центр имени Н.Н. Блохина» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва 115478, Россия

⁷ ФГБУ «Ростовский научно-исследовательский онкологический институт» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Ростов-на-Дону 344037, Россия

Аннотация. Рассмотрен вопрос о целесообразности отнесения генетических экспертиз по установлению родства к медицинской услуге. Определение тождества неизвестного живого или умершего индивидуума с конкретным человеком является классическим примером судебно-медицинской генетической экспертизы. В то же время экспертизу по установлению биологического родства людей, личность которых известна и не требует идентификации, нельзя отнести к идентификационной. То есть исследование ДНК человека с целью установления степени родства некорректно относить к классу медицинских экспертиз. Судебно-медицинская экспертиза (в том числе генетическая) является одним из видов медицинской деятельности, осуществляемой медицинской организацией, и, следовательно, нуждается в лицензировании. Однако если экспертиза проводится не в медицинской организации и в ее названии нет слова «медицинская», то такая экспертиза не может считаться медицинской деятельностью и не нуждается в лицензировании, как это сейчас и есть в экспертных учреждениях МВД России. Такие исследования можно рассматривать как род судебно-биологических экспертиз.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза, идентификация личности, установление биологического родства, медицинская деятельность, лицензирование

Для цитирования: Корниенко И.В., Степанов К.В., Фалеева Т.Г., Ракуц В.С., Иванов И.Н., Мишин Е.С., Кононов Н.В., Левченко Н.Е., Сидоренко Ю.С. О лицензировании работ в области молекулярно-генетических экспертиз. 2019. Том 14. № 2. С. 107–114. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-107-114>

On the Licensing of Forensic DNA Analysis Activities

 Igor' V. Kornienko^{1,2}, Konstantin V. Stepanov², Tat'yana G. Faleeva^{1,2,3}, Vladimir S. Rakuts², Igor' N. Ivanov⁴, Evgeniy S. Mishin⁴, Nikolay V. Kononov⁵, Natal'ya E. Levchenko⁶, Yuriy S. Sidorenko^{1,7}

¹ Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don 344006, Russia

² Southern Federal University, Rostov-on-Don 344006, Russia

³ Branch No. 2 of the 111 Main State Center of Medical Forensic and Criminalistics Examinations of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Rostov-on-Don 344000, Russia

⁴ I.I. Mechnikov North-Western State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, St. Petersburg 191015, Russia

⁵ St. Petersburg Bureau of Forensic Medical Examination, St. Petersburg 195067, Russia

⁶ N.N. Blohin Russian Oncological Scientific Center of the Health Ministry of the Russian Federation, Moscow 115478, Russia

⁷ Rostov Research Oncological Institute of the Health Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don 344037, Russia

Abstract. The question of whether it is appropriate to classify genetic examinations of kinship as a medical service is considered in the article. Establishment of identity of an unknown individual (alive or dead) with a specific person is a classic example of forensic medical genetic examination. At the same time an examination on establishment of biological kinship of people whose identity is known and doesn't demand identification cannot be classified as an identificational. That is the study of human DNA to establish kinship cannot be referred to as a class of medical examinations. Forensic medical examination (including genetic) is a type of medical activity which is carried out by a medical organization and therefore needs licensing. However, if an examination is not carried out in a medical organization and there is no word "medical" in the name such an examination cannot be considered as a medical activity and doesn't need licensing exactly as it is arranged in expert institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at this point. Such examinations can be considered as a type of forensic biological expertise.

Keywords: *molecular genetic examination, personal identification, DNA kinship examinations, medical activity, licensing*

For citation: Kornienko I.V., Stepanov K.V., Faleeva T.G., Rakuts V.S., Ivanov I.N., Mishin E.S., Kononov N.V., Levchenko N.E., Sidorenko Yu.S. On the Licensing of Forensic DNA Analysis Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 107–114. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-107-114>

Введение

Для установления личности человека в ходе следственных действий следователь зачастую прибегает к помощи экспертов-криминалистов и врачей – судебно-медицинских экспертов. Необходимость использования знаний в области судебной медицины появляется как при обследовании живых людей, так и в случае идентификации личности при исследовании трупов неизвестных лиц, расчлененных и скелетированных останков [1, 2].

Молекулярно-генетический анализ, называемый геномной (генетической) дактилоскопией или генотипированием, является одним из видов судебно-медицинской идентификационной экспертизы и направлен на выявление индивидуальных особенностей генетической конституции конкретного человека.

Генетическая дактилоскопия, основанная на новейших достижениях биологии, определила перспективы, указала новые возможные пути решения актуальных задач целевого и практического характера в популяционной генетике, медицинской генетике, близнецовом анализе и генеалогических исследованиях, селекции, эпидемиологии, криминалистике. При производстве судебно-медицинской идентификационной экспертизы наиболее доказательным методом анализа биологического материала является исследование ДНК [3–5].

Генетическая экспертиза как медицинская услуга

Приказ Минздрава России от 13.10.2017 № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» классифицирует генетическую экспертизу как медицинскую услугу раздела «В» типа 03 – сложные диагностические услуги (методы исследования: лабораторный, функциональный, инструментальный, рентгенорадиологический и другие), формирующие диагностические комплексы, класса 045 – судебно-медицинская экспертиза и соответствующих видов (порядковые номера В03.045.026, В03.045.027, В03.045.029 – В03.045.031, В03.045.034 – В03.045.039). Следовательно, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности» судебно-медицинская генетическая экспертиза вещественных доказательств и исследование биологических объектов входят в перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность¹.

В настоящее время под медицинской услугой понимается комплекс мероприятий диагностического, лечебно-профилактического, медико-реабилитационного характера, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований,

¹ За исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково».

оказываемых пациенту медицинской организацией (частнопрактикующим врачом) независимо от ее ведомственной принадлежности и формы собственности, источника финансирования, целью которых является лечение, спасение жизни, укрепление здоровья, формирование у пациента навыков жизни для поддержания его здоровья после проведенного лечения [6].

Согласно пункту 84.1. приказа Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», экспертное исследование с использованием методов молекулярно-генетической индивидуализации человека проводят с целью определения индивидуализирующих признаков биологических объектов на уровне геномной ДНК и установления определенных фактов, которые могут иметь доказательственное значение по делу, в частности для решения диагностических и идентификационных экспертных задач.

Генетическая экспертиза может быть назначена с целью установления биологического родства или идентификации личности. В основе данной экспертизы лежит выявление молекулярно-генетических индивидуализирующих характеристик, их анализ в исследуемых и сравниваемых объектах напрямую или опосредованно – через установление родственных связей. Непрямой анализ ДНК позволяет решить вопрос принадлежности исследуемого субъекта к определенному семейному кругу. Субъектами исследования могут быть: спорный ребенок, спорный отец, спорная мать, лицо, которое не способно сообщить о себе сведения либо скрывающее их, неопознанный труп или его останки.

К основным идентификационным признакам индивида относятся аллельные состояния исследуемых полиморфных участков (локусов) ДНК. При генотипировании в каждом локусе могут быть выявлены либо один (гомозиготная форма), либо два аллеля (гетерозиготная форма). В случае если для определенного субъекта генотипировано n локусов, то можно построить идентификационный вектор – профиль ДНК для данного субъекта в виде набора аллельных состояний каждого локуса. Генетический профиль представляет собой набор локальных генотипов – определенных со-

четаний аллелей в отдельном локусе [7]. Гомозиготный генотип ребенка говорит о наследовании одного и того же аллеля от отца и матери, гетерозиготный – двух разных аллелей: одного от отца, другого от матери. Высокую индивидуализацию обеспечивает анализ профиля ДНК по нескольким локусам. От количества исследованных участков ДНК и частот выявленных аллелей зависит степень индивидуальности исследуемого генотипа.

Часто в судебной практике возникает необходимость разрешения вопросов спорного отцовства или материнства. Данный вид экспертиз, согласно пункту 84.3 приказа Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н, также относят к разряду судебно-медицинских. Однако можно ли считать генетические экспертизы по установлению спорного отцовства или материнства медицинской деятельностью? Здесь необходимо дать пояснение, что такое медицинская генетика и из каких разделов она состоит.

Медицинская генетика

Генетика изучает наследственность и изменчивость живых организмов [8] и как наука включает общие и частные разделы. Частные разделы генетики описывают особенности проявления общих закономерностей у разных видов организмов. Среди них генетика человека занимает ведущее положение и включает такие же разделы, что и общая генетика [9]. Медицинская генетика человека изучает роль наследственных факторов в патологии человека на всех основных уровнях организации жизни – от популяционного до молекулярного. Клиническая генетика является основным разделом медицинской генетики и рассматривает этиологию и патогенез наследственных заболеваний, изменчивость клинических проявлений и течение наследственной патологии и болезней, характеризующихся наследственным предрасположением, в зависимости от влияния генетических факторов и факторов окружающей среды [10].

Объектом изучения медицинской генетики является больной человек. Определение роли генов в возникновении у человека патологического процесса является ее главной задачей. Медицинскую генетику и общую генетику объединяет то, что генетический материал и закономерности его функционирования и изменчивости у всех живых организмов принципиально сходны. Однако

значимость исследования генома человека, его организации и реализации, механизмов развития патологического процесса позволило выделить медицинскую генетику в отдельную научную дисциплину [11, 12].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что установление в рамках генетической экспертизы биологического родства, в частности установление внутрисемейных и родственных связей, не имеет отношения к медицинской генетике, хотя и относится к генетике человека.

ДНК-идентификация личности

Установление биологического (кровного) родства (отцовства, материнства) при проведении генотипоскопической экспертизы имеет определенные особенности исследования и экспертной оценки полученных результатов, отличающиеся от стандартной ДНК-идентификации [13]. Следует учитывать, что процедура идентификации личности заключается в установлении тождества (т. е. полного сходства) неизвестного живого или умершего индивидуума с конкретным (искомым) человеком. Индивидуальность объектов материального мира, их взаимосвязь и взаимозависимость, объективный характер изменений и относительная устойчивость являются предпосылками, которые определяют возможность идентификации [1].

Экспертизы по установлению тождества генетических характеристик биологических объектов от неизвестных индивидуумов (например, неизвестных трупов, фрагментов тел) с генотипами конкретных лиц являются классическим примером идентификационной экспертизы.

Основные этапы ДНК-типирования таковы [14]:

1. Организация сбора, маркировка, консервация, транспортировка и хранение биологических образцов.

2. Экстракция суммарной ДНК из биологических образцов, ее качественная и количественная оценка.

3. Проведение всех лабораторных этапов генотипирования полученных препаратов ДНК, анализ и сопоставление генетических профилей.

4. Формулирование экспертного вывода и оформление его в виде заключения эксперта/специалиста.

Существует, однако, большой пласт генетических экспертиз, которые трудно (или невозможно) отнести к идентификацион-

ным экспертизам. При производстве большинства генетических экспертиз по установлению, например, спорного отцовства, назначаемых в рамках гражданских дел, личность предполагаемого отца известна и ее не нужно идентифицировать с помощью специальных методов. Вместе с тем в рамках проведения такого рода генетических экспертиз ввиду того, что ребенок получает только половину наследственной информации от одного из родителей, невозможно установить полное тождество (полное сходство) индивидуальных генетических характеристик сравниваемых биологических материалов предполагаемого отца и ребенка.

Так называемый криминалистический ДНК-анализ в экспертно-криминалистических центрах МВД России основан на современных технологиях исследования ДНК, которые позволяют успешно исследовать практически все ДНК-содержащие жидкости организма человека и ткани, а также объекты, загрязненные микрофлорой, микрочастицами биологического материала и смешанные следы [13].

В разных ведомствах генетическую экспертизу классифицируют по-разному: в подведомственных учреждениях Минздрава РФ ее относят к судебно-медицинским экспертизам, в экспертных учреждениях МВД РФ – к криминалистическим. Возникает вопрос о необходимости или отсутствии необходимости лицензирования этого вида деятельности [15]. Получается, если генетическую экспертизу проводит учреждение, подконтрольное Минздраву, ему необходимо иметь медицинскую лицензию на этот вид деятельности. А если эта же экспертиза проводится в учреждениях МВД РФ, то им не нужно иметь медицинскую лицензию, поскольку эта экспертиза в рамках ведомства не относится к разряду медицинских.

Исходя из статьи 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» можно сделать вывод, что судебно-медицинская экспертиза (в том числе генетическая) является одним из видов медицинской деятельности, осуществляемой медицинской организацией, и, соответственно, нуждается в лицензировании. Однако если экспертиза осуществляется не в медицинской организации и в ее названии нет слова «медицинская», то такая экспертиза не может считаться медицинской деятельностью и не нуждается в лицензировании [16].

Классификации судебных экспертиз

Классификация судебных экспертиз определяет направленность их методического и организационного обеспечения, что имеет большое значение для теории и практики в экспертологии.

На сегодняшний день выделяют 12 классов судебных экспертиз:

- 1) криминалистические;
- 2) медицинские и психофизиологические;
- 3) инженерно-технические;
- 4) инженерно-транспортные;
- 5) инженерно-технологические;
- 6) экономические;
- 7) биологические;
- 8) почвоведческие;
- 9) сельскохозяйственные;
- 10) экологические;
- 11) пищевых продуктов;
- 12) искусствоведческие.

Каждый класс подразделяется на роды и виды экспертиз. Структура каждого класса судебных экспертиз по-разному описывается в криминалистической литературе.

А.Р. Шляхов впервые предложил четырехуровневую систему классификации судебных экспертиз:

- 1) класс (тип)
- 2) род
- 3) вид
- 4) разновидность.

Такая система строилась по комплексному критерию: предмет – объект – метод [17, с. 16]. Таким образом, были выделены девять классов судебных экспертиз:

- 1) криминалистические,
- 2) судебно-медицинские и психофизиологические,
- 3) судебные инженерно-транспортные,
- 4) судебные инженерно-технологические,
- 5) судебно-технические,
- 6) судебно-бухгалтерские и финансово-экономические,
- 7) судебные сельскохозяйственные,
- 8) судебно-экологические,
- 9) судебно-биологические экспертизы объектов животного и растительного происхождения.

Ю.Г. Коруховым данная классификация позднее была дополнена судебно-искусствоведческой экспертизой [18]. Т.С. Волчецкой были предложены еще два класса: судебно-почвоведческая экспертиза и экспертиза пищевых продуктов [19].

Несмотря на то, что существующая классификация судебных экспертиз является общепринятой, в последние годы она подвергается некоторому переосмыслению, особенно в части содержания криминалистических, судебно-биологических, судебно-медицинских и психофизиологических экспертиз. В настоящее время судебную генетическую экспертизу, в том числе экспертизу следов тканей и выделений человека, наравне с судебно-медицинскими экспертами проводят эксперты-генетики, имеющие специальное биологическое или молекулярно-генетическое образование².

Определение исследования в судебной медицине, называемого «экспертиза вещественных доказательств», справедливо подвергается критике. Это обусловлено тем, что в статье 81 УПК РФ³ понятие «вещественные доказательства» имеет четкое процессуальное определение, вследствие чего некорректно отнесение данного понятия только к одной специальной категории объектов. Поэтому исследование выделений, следов и тканей человека следует относить к роду судебно-биологической экспертизы.

Именно такой подход к рассматриваемому нами классу экспертиз (исследование ДНК человека) реализован в действующем приказе МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Согласно Приложению № 2 к приказу (Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) исследования генетического материала, групповых антигенов, волос человека и животных, а также исследования запаховых следов человека относятся к биологической экспертизе тканей и выделений человека. Поэтому исследованием ДНК занимаются экспертные учреждения МВД России, не имеющие лицензий на проведение медицинской деятельности.

² Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, отнесение исследований ДНК человека с целью установления степени родства к классу медицинских экспертиз некорректно. Исследование следов тканей и выделений человека, в том числе, и исследование ДНК

человека, выделяемой из слюны с целью установления степени родства, следует рассматривать как судебно-биологическую экспертизу (криминалистический ДНК-анализ), выполнение которой не требует лицензирования как медицинской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов В.Л. Судебно-медицинская экспертиза. Справочник. СПб: Спец. лит., 1997. 330 с.
2. Latham K.E., Bartelink E.J., Finnegan M. (eds.). *New Perspectives in Forensic Human Skeletal Identification*. London: Elsevier Academic Press, 2018. 374 p.
3. Руководство по судебной медицине / Под ред. В.В. Томилина и Г.А. Пашиняна. М.: Медицина, 2001. 576 с.
4. Butler J.M. *Advanced Topics in Forensic DNA Typing: Methodology*. San Diego: Elsevier Academic Press, 2012. 704 p.
5. Butler J.M. *Fundamentals of Forensic DNA Typing*. San Diego: Elsevier Academic Press, 2010. 520 p.
6. Степанян Ш.У. Медицинская услуга – специфический объект правового регулирования в российском законодательстве // *Медицинское право*. 2015. № 6. С. 13–16.
7. Иванов П.Л. Методические рекомендации. Использование индивидуализирующих систем на основе полиморфизма длины амплифицированных фрагментов (ПДАФ) ДНК в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности и установления родства // *Судебно-медицинская экспертиза*. 1999. № 5. С. 35–41.
8. Генетика. Учебник для вузов / Под ред. В.И. Иванова М.: Академкнига, 2006. 638 с.
9. Горбунова В.Н. Генетика человека с основами медицинской генетики: учеб. для студ. учреждений сред. проф. учеб. заведений. М.: Академия, 2012. 240 с.
10. Бочков Н.П., Захаров А.Ф., Иванов В.И. *Медицинская генетика*. М.: Медицина, 1984. 366 с.
11. Гинтер Е.К. *Медицинская генетика. Учебник*. М.: Медицина, 2003. 448 с.
12. Jorde L.B., Carey J.C., Bamshad M.J. *Medical Genetics*. 5th ed. Philadelphia, PA: Elsevier Academic Press, 2016. 368 p.
13. Пименов М.Г., Культин А.Ю., Кондрашов С.А. *Научные и практические аспекты криминалистического ДНК-анализа: учебное пособие*. М.: ЭКЦ МВД России, 2001. 144 с.
14. Корниенко И.В., Харламов С.Г. Методы исследования ДНК человека. Выделение ДНК и ее количественная оценка в аспекте судебно-медицинского исследования вещественных доказательств биологического происхождения: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2012. 216 с.

REFERENCES

1. Popov V.L. *Forensic medical examination. Reference book*. Saint Petersburg: Special literature, 1997. 330 p. (In Russ.)
2. Latham K.E., Bartelink E.J., Finnegan M. (eds.). *New Perspectives in Forensic Human Skeletal Identification*. London: Elsevier Academic Press, 2018. 374 p.
3. Tomilin V.V. Pashinyan G.A. (eds.). *Guide on forensic medicine*. Moscow: Medicine, 2001. 576 p. (In Russ.)
4. Butler J.M. *Advanced Topics in Forensic DNA Typing: Methodology*. San Diego: Elsevier Academic Press, 2012. 704 p.
5. Butler J.M. *Fundamentals of Forensic DNA Typing*. San Diego: Elsevier Academic Press, 2010. 520 p.
6. Stepanyan Sh.U. "Health care service" as a specific object of legal regulation in the Russian legislation. *Medical Law*. 2015. No. 6. P. 13–16. (In Russ.)
7. Ivanov P.L. Methodological recommendations. Application of individualizing systems based on the amplified DNA fragments length polymorphism in forensic identity testing and establishing the kinship. *Forensic Medical Expertise*. 1999. No. 5. P. 35–41. (In Russ.)
8. Ivanov V.I. (ed.). *Genetics. Textbook for Higher Education Institutions*. Moscow: Akademkniga, 2006. 638 p. (In Russ.)
9. Gorbunova V.N. *Human genetics with fundamentals of medical genetics: textbook for students of secondary vocational educational institutions*. Moscow: Akademiya, 2012. 240 p. (In Russ.)
10. Bochkov N.P., Zakharov A.F., Ivanov V.I. *Medical genetics*. Moscow: Medicine, 1984. 366 p. (In Russ.)
11. Ginter E.K. *Medical genetics. Textbook*. Moscow: Medicine, 2003. 448 p. (In Russ.)
12. Jorde L.B., Carey J.C., Bamshad M.J. *Medical Genetics*. 5th ed. Philadelphia, PA: Elsevier Academic Press, 2016. 368 p.
13. Pimenov M.G., Kultin A.Yu., Kondrashov S.A. *Scientific and practical aspects of forensic DNA analysis: textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2001. 144 p. (In Russ.)
14. Kornienko I.V., Kharlamov S.G. *Research methods of human DNA. Extraction of DNA and its quantifying in the aspect of forensic medical research of physical evidence of biological origin: handbook*. Rostov-on-Don: SFU, 2012. 216 p. (In Russ.)

15. Коробко К.И. Анализ лицензионных требований, предъявляемых к должностным лицам медицинских организаций, ответственным за осуществление медицинской деятельности // Медицинское право. 2016. № 2. С. 36–38.
16. Баклушина Е.К., Бурсикова Д.В. К вопросу об ответственности за незаконную частную медицинскую практику // Медицинское право. 2016. № 3. С. 23–27.
17. Шляхов А.Р. Классификация судебной экспертизы // Общее учение о методах судебной экспертизы. Сборник научных трудов 28 / Под ред. А.И. Винберга и А.Р. Шляхова. М.: ВНИИСЭ, 1977. С. 9–53.
18. Основы судебной экспертизы. Часть 1: Общая теория. Методическое пособие / Под ред. Ю.Г. Корухова. М.: РФЦСЭ, 1997. 430 с.
19. Волчещкая Т.С. Основы судебной экспертизы. Учеб. пособие. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 2004. 195 с.
15. Korobko K.I. Analysis of License Requirements to Officials of Medical Organizations Responsible for Carrying out Medical Activities. *Medical Law*. 2016. No. 2. P. 36–38. (In Russ.)
16. Baklushina E.K., Bursikova D.V. Revisiting Responsibility for Unlawful Private Medical Practice. *Medical Law*. 2016. No. 3. P. 23–27. (In Russ.)
17. Shlyakhov A.R. Classification of forensic examination methods. *General theory of forensic examination methods. Collection of scientific works 28* / A.I. Vinberg and A.R. Shlyakhov (eds.). Moscow: VNIISE, 1977. P. 9–53. (In Russ.)
18. Korukhov Yu.G. (ed.). *Framework of forensic science. Part 1: General theory: methodological guide*. Moscow: RFCFS, 1997. 430 p. (In Russ.)
19. Volchetskaya T.S. *Framework of forensic expertology. Textbook*. Kaliningrad: Kaliningrad State University, 2004. 195 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корниенко Игорь Валериевич – д. б. н., главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук», заведующий научной лабораторией «Идентификация объектов биологического происхождения» Академии биологии и биотехнологии им. Д.И. Ивановского Южного федерального университета; e-mail: ikornienko@yandex.ru

Степанов Константин Владимирович – к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; e-mail: roka-sovetnik@roka-sovetnik.com

Фалеева Татьяна Георгиевна – младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук», врач – судебно-медицинский эксперт филиала № 2 «111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз» Министерства обороны Российской Федерации; e-mail: tatiana.fal@mail.ru

Ракуц Владимир Сергеевич – директор Научно-образовательного центра «Центр судебной экспертологии им. Е.Ф. Бурицкого» Южного федерального университета; e-mail: pereton@mail.ru

Иванов Игорь Николаевич – д. м. н., профессор кафедры судебной медицины Северо-Западного государственного медицинского университета имени И.И. Мечникова; e-mail: Balisong56@mail.ru

Мишин Евгений Степанович – д. м. н., профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Северо-Западного государственного медицинского университета имени И.И. Мечникова; e-mail: centrsum@gmail.com

Кононов Николай Валерьевич – врач – судебно-медицинский эксперт отдела сложных экспертиз Санкт-Петербургского государственного

ABOUT THE AUTHORS

Kornienko Igor' Valerievich – Doctor of Biology, Chief Researcher of the Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Head of Biological Objects Identification Laboratory of D.I. Ivanovsky Academy of Biology and Biotechnology of the Southern Federal University; e-mail: ikornienko@yandex.ru

Stepanov Konstantin Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal trial and Forensics of Law Department of the Southern Federal University; e-mail: roka-sovetnik@roka-sovetnik.com

Faleeva Tat'yana Georgievna – research assistant of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, medical forensic scientist of Branch No. 2 of the 111 Main State Center of Medical Forensic and Criminalistics Examinations of the Russian Ministry of Defense; e-mail: tatiana.fal@mail.ru

Rakuts Vladimir Sergeevich – Director of the Scientific and educational center E.F. Burinsky Forensic Expertology Center of the Southern Federal University; e-mail: pereton@mail.ru

Ivanov Igor' Nikolaevich – Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of Forensic Medicine of I.I. Mechnikov North-Western State Medical University, e-mail: Balisong56@mail.ru

Mishin Evgeniy Stepanovich – Doctor of Medicine, Professor, Head of the Forensic Medicine Department of I.I. Mechnikov North-Western State Medical University; e-mail: centrsum@gmail.com

Kononov Nikolay Valer'evich – medical forensic scientist of the Complex Examinations Department of St. Petersburg Bureau of Forensic Medical Examination; e-mail: kononovnikolay@mail.ru

ного бюджетного учреждения здравоохранения «Бюро судебно-медицинской экспертизы»; e-mail: kononovnikolay@mail.ru

Левченко Наталья Евгеньевна – д. м. н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующая гинекологическим отделением ФГБУ «Российский онкологический научный центр им. Н.Н. Блохина» Минздрава России; e-mail: info@ronc.ru

Сидоренко Юрий Сергеевич – д. м. н., профессор, академик РАН, заведующий отделом Ростовского научно-исследовательского онкологического института Минздрава России; e-mail: simirishka@mail.ru

Levchenko Natal'ya Evgen'evna – Doctor of Medicine, Professor, Leading Researcher, Head of the Gynecological Department of N.N. Blohin Russian Oncological Scientific Center of the Health Ministry of the Russian Federation; e-mail: info@ronc.ru

Sidorenko Yuriy Sergeevich – Doctor of Medicine, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Rostov Research Oncological Institute of the Health Ministry of the Russian Federation; e-mail: simirishka@mail.ru

Статья поступила: 11.09.2018

Received: 11.09.2018

Право экспертной инициативы с позиции юридической герменевтики

А.А. Бойцов^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва 129226, Россия

Аннотация: Анализируется одно из прав, составляющих процессуальный статус судебного эксперта, а именно – право экспертной инициативы. Данное право рассмотрено не только с процессуальной точки зрения, но и в контексте профессиональных и морально-этических норм, которыми должен руководствоваться в своей деятельности судебный эксперт. Право экспертной инициативы рассматривается как профессиональная обязанность эксперта. Сделана попытка с позиций юридической герменевтики установить непосредственного адресата нормы и, самое главное, форму реализации данного права экспертом. Исследуемая норма рассматривается в контексте нормативно-правовых актов, в связи с чем сделана попытка уяснить содержание данной нормы с учетом основного принципа судебно-экспертной деятельности – принципа объективности – и дополняющих его принципов всесторонности и полноты исследований. Автор поднимает вопрос об обязательном характере исследуемой нормы для эксперта независимо от того, какова ее процессуальная форма реализации.

Ключевые слова: право экспертной инициативы, юридическая герменевтика, правосознание, правопонимание, толкование права, принципы права, принципы судебно-экспертной деятельности, конфликт интерпретаций в праве

Для цитирования: Бойцов А.А. Право экспертной инициативы с позиции юридической герменевтики // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 115–127.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127>

The Expert Initiative Right from a Perspective of Legal Hermeneutics

Aleksei A. Boitsov^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Moscow City Pedagogical University, Moscow 129226, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of the rights forming the procedural status of a forensic expert, that is the right of expert initiative. The right is considered not only from a procedural point of view, but also in the context of professional, moral and ethical standards that should guide a forensic expert in his activities. The right of expert initiative is considered as a professional responsibility of an expert. From the perspective of legal hermeneutics an attempt is made to identify its direct recipient and more importantly - the form of realization of this right by the expert. The norm in question is examined within the context of regulatory legal acts and in this connection, we try to understand the content of this norm considering the basic principle of forensic expert activity - the objectivity principle and the complementary principles of comprehensiveness and completeness of a research. The question is raised of the mandatory nature of the norm for the expert regardless of the procedural form of its implementation.

Keywords: expert initiative right, legal hermeneutics, legal awareness, legal thinking, interpretation of law, principles of law, principles of forensic activity, conflict of interpretations in law

For citation: Boitsov A.A. The Expert Initiative Right from a Perspective of Legal Hermeneutics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 115–127. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127>

Введение

Право экспертной инициативы – один из значимых, на наш взгляд, элементов, составляющих не только процессуальный статус судебного эксперта, но и основу самой экспертной деятельности в целом.

На настоящий момент право экспертной инициативы закреплено в следующих нормативно-правовых актах: п. 4 ч. 3 ст. 57 и ч. 2 ст. 204 УПК РФ, ч. 2 ст. 86 ГПК РФ, абз. 3 ч. 2 ст. 86 АПК РФ, п. 3 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ и в п. 5 ч. 13 ст. 49 и ч. 4 ст. 82 КАС РФ. Однако относительно такой базовой нормы в научной среде (да и среди практиков тоже) до сих пор не выработано единого мнения.

Часть ученых считает, что экспертная инициатива связана с такой формой реализации права, как использование (т. е. обусловлена усмотрением субъекта процессуальных правоотношений – эксперта, является для него необязательной). Другая же часть научного сообщества рассматривает инициативу эксперта как обязанность (т. е. реализация данной нормы должна происходить в форме исполнения).

И если в науке такая ситуация столкновения мнений вполне допустима и даже необходима для развития, то неоднозначное толкование нормы на практике может повлечь ощутимые последствия для непосредственных участников судебного процесса.

Как нам кажется, спорный характер научно-правовой оценки данной нормы связан в первую очередь с языком права, с тем, что данная норма в законе отражена в виде конструкций «эксперт вправе указать (вправе давать) заключение», где слово «вправе» ориентирует читателя, обычно юриста, на то, что описываемая норма относится к праву, а не к обязанности. И таким, знакомым с теорией права, читателем сам язык права также понимается вполне однозначно – например, как «язык специальный, искусственно создаваемый юристами и законодателями, формальный, обеспечивающий необходимое однозначное понимание языка общения» [1].

Но законы языка, несмотря на попытку юристов его подчинить, все равно берут верх: как в языке общения, используемом всеми членами общества, так и в предназначенном для профессионального (правового) общения юристов языке права нередко приходится наблюдать неоднозначность, смысловые противоречия, колли-

зии, которые могут быть устранены путем анализа контекста и дискурса.

Именно языковая коллизия в самом широком ее понимании, по нашему мнению, и порождает различные толкования норм о праве экспертной инициативы. И разрешить данную коллизию можно при помощи юридической герменевтики. Но сначала хотелось бы проанализировать различные позиции относительно права экспертной инициативы, которые на настоящий момент могут быть актуальны для юридической науки.

Цель настоящей работы – разрешить коллизию, связанную с формой реализации экспертной инициативы как права. В современном законодательстве норма права, касающаяся экспертной инициативы, закреплена с помощью языковой конструкции со словом «вправе», что с юридической точки зрения должно пониматься как право эксперта на инициативу, как возможность проявления инициативы по собственному усмотрению. Наряду с этим профессиональные обязанности эксперта предполагают полное и всестороннее исследование предоставленных эксперту объектов, что требует от эксперта проанализировать, установить и учесть в своем заключении все значимые для дела обстоятельства, фактические данные. Т. е. эксперт при исследовании не может избирательно, произвольно учитывать одни обстоятельства и сведения и не учитывать другие. Таким образом, процессуальное право вступает в коллизию с профессиональной обязанностью эксперта; этот вопрос освещен в современной научной литературе недостаточно. Данную коллизию мы попытаемся разрешить с помощью юридической герменевтики, толкования нормативно-правовых актов.

Обзор полемики об экспертной инициативе

В научной литературе имеются разные точки зрения не только относительно того, каким образом может/должна быть реализована экспертная инициатива, но и относительно того, каковы ее границы, содержание, предмет и задачи, условия реализации.

Например, А.И. Хмыз экспертную инициативу рассматривает достаточно широко и предлагает в зависимости от содержания инициативы две формы реализации

подобного права: «экспертную инициативу следует рассматривать не только как право отразить в заключении что-то, но и право, а в ряде случаев <...> и обязанность обозначить меры профилактического характера» [2].

О профилактических задачах экспертной инициативы пишет и И.Э. Никитина, включая в инициативу еще и прогнозирование, а также задачи по развитию специальных баз данных и учета: «Экспертную инициативу можно определить как деятельность, не предусмотренную экспертным заданием, основывающуюся на специальных знаниях и опыте, осуществляемую посредством проведения экспертиз и исследований, прогнозирования, профилактики, формирования, ведения, автоматизации и использования криминалистических баз данных и учета и направленную на установление новых обстоятельств уголовного дела» [3].

Е.И. Майорова кратко упоминает о возможности направления профилактических рекомендаций в назначавший экспертизу орган в качестве экспертной инициативы [4]. Об уведомлении с подобными рекомендациями в качестве проявления экспертной инициативы еще раньше писал Р.С. Белкин, указывая на то, что именно таким образом чаще всего и реализуется экспертная инициатива [5].

О значимости экспертной инициативы для профилактики преступлений пишет профессор Е.А. Зайцева: «Весьма существенную роль играет инициатива экспертов в деле профилактики преступлений. Нередко при проведении экспертизы эксперт выявляет факты, которые указывают на причины и условия, способствовавшие совершению того или иного преступления, определенные закономерности, которые приводят к нарушениям или злоупотреблениям в этой сфере» [6, с. 195].

К проявлению экспертной инициативы некоторые авторы относят в том числе и заявление ходатайств следователю «о необходимости проведения с участием эксперта конкретного следственного действия» (например, об эксперименте и реконструкции на месте происшествия), а также возможность самостоятельно определять «последовательность решения поставленных задач»¹. Следует отметить, что, по мнению

И.В. Глазуновой², не все формы проявления экспертной инициативы предусмотрены в законе достаточно определенно: в первую очередь это касается сужения объема исследования, получения объектов исследования, профилактической деятельности и иных инициативных действий эксперта.

Дискутируется и возможность или невозможность самостоятельного сбора экспертом материалов для экспертизы. Подавляющее большинство ученых указывают на то, что самостоятельный сбор материалов недопустим.

С.Л. Мельник прямо говорит, что «экспертная инициатива может иметь место лишь в отношении объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы. В тех случаях, когда эксперт берет на себя миссию исследовать объекты, не поименованные в постановлении, которые он обнаружил сам, имеет место существенное нарушение закона» [7]. Эта же мысль прослеживается и в другой ее статье [8]. О том, что «установление фактических данных производится экспертом в пределах тех объектов и материалов дела, которые ему представлены следователем и судом», пишет в своей диссертации и А.В. Кудрявцева³.

Не возникает разногласий у авторов и относительно того, что одним из предметов экспертной инициативы являются фактические обстоятельства по делу. И.В. Глазунова предмет экспертной инициативы понимает как сведения об обстоятельствах, которые могут быть установлены в результате инициативных действий эксперта в ходе производства судебной экспертизы и имеют отношение к предмету экспертного исследования⁴. Из работы А.В. Кудрявцевой следует, что предметом инициативы являются «фактические обстоятельства дела»⁵, а из работы Е.А. Зайцевой – «обстоятельства, имеющие значение для дела» [6, с. 197].

Такое понимание предмета экспертной инициативы не противоречит существующему пониманию предмета судебной экспертизы в целом как «фактов, обстоятельств (фактических данных), установ-

¹ Мельник С.Л. Актуальные вопросы экспертной инициативы: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 287 с.

² Глазунова И.В. Теоретические и правовые аспекты участия эксперта в досудебном производстве по уголовным делам: по материалам ФТС России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 29 с.

³ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.

⁴ Глазунова И.В., там же.

⁵ Кудрявцева А.В., там же.

ливаемых посредством экспертизы» [9, с. 271] и согласуется с тем, как в криминалистической науке понимается принцип относимости, а именно с тем, что «доказательство будет относимым, если содержит сведения о любых фактах, обстоятельствах, имеющих какое-то значение для дела» [10, с. 6].

Для целей нашего исследования интересны и научные работы, касающиеся формы реализации права экспертной инициативы. Так, часть исследователей говорит о том, что экспертная инициатива – это право. «Проявление инициативы – право, а не обязанность эксперта» [11].

Как право инициативу эксперта понимает И.Н. Горбулинская: «при формулировке выводов эксперт может не указать выявленные им и имеющие значение для дела обстоятельства, по поводу которых ему не были заданы соответствующие вопросы...» [12].

При этом некоторые исследователи, говоря об инициативе как о праве, ограничивают⁶ его необходимостью согласования своей инициативы со следователем, а фактически о необходимости получения от него разрешения дать вывод по тем или иным обстоятельствам. Е.П. Гришина указывает, что «эксперт вправе по своей инициативе с согласия следователя проводить исследование для установления обстоятельств, имеющих значение для дела» [13].

Другие авторы говорят о еще более жестком ограничении экспертной инициативы и ставят эксперту в обязанность согласование со следователем самой необходимости проявления инициативы (но не изменится ли в этом случае само суще-

ство инициативы?). Так, А.В. Мишин пишет, что «эксперт в случае выявления фактов и обстоятельств, по которым ему не были поставлены вопросы, имеющие значение для дела, должен сообщить об этом следователю и совместно с ним решить вопрос о необходимости их исследования и отражения его результатов в заключении» [14, с. 36–37]. Автор говорит и о важности «сохранять тактическое взаимодействие следователя с экспертом (комиссией экспертов)» [там же], что, по нашему мнению, может вступать в некоторое противоречие с принципом независимости эксперта (или восприниматься таким образом со стороны других участников процесса).

Наряду с такими дискуссионными толкованиями экспертной инициативы существуют и откровенно сомнительные подходы к пониманию этой нормы, которые развивают идею о необходимости согласования хода и содержания исследования с одной из сторон по делу (в зависимости от того, кем были предложены на исследование те или иные вопросы). Например, А.В. Фролова, с чьей позицией мы категорически не согласны, пишет, что «следует учитывать вопросы, связанные с составительным характером процесса, в частности, тот факт, что при проведении экспертизы по инициативе стороны эксперт не вправе без согласования с ней ставить и разрешать вопросы, поскольку может иметь место ситуация, когда обстоятельства, установленные экспертом, негативно отразятся на положении участника процесса, чьи интересы он обязан отстаивать средствами судебной экспертизы» [15].

Нам же наиболее близка позиция ученых, которые рассматривают экспертную инициативу не как право, а как обязанность эксперта. Например, Е.А. Зайцева пишет, что «если при производстве экспертизы эксперт по своей инициативе установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он должен указать их в своем заключении» [6, с. 197]. Профессор А.А. Эксархопуло с соавторами придерживаются той же точки зрения: «Эксперты именно ДОЛЖНЫ, а не ВПРАВЕ, как это закреплено в ст. 204 УПК РФ, обращать внимание на выявленные в процессе экспертного исследования обстоятельства, по поводу которых им не были заданы вопросы, но которые могут иметь существен-

⁶ По данному поводу хотелось бы сделать небольшое отступление. Мысль относительно необходимости согласования инициативы прослеживается в работах разных авторов, посвященных судебной экспертизе. И, на наш взгляд, подобное ограничение может быть допустимо, но только в особых, исключительных случаях, когда инициатива связана, например, с необходимостью получения дополнительных материалов, с изменением или уничтожением объектов и др. Когда же эксперт может оперировать предоставленным ему объектом без изменения его свойств, и этот объект является пригодным и достаточным, согласование и получение разрешения от следователя кажется нам избыточным. Эксперт таким образом будет в значительной части лишен своей хоть и не большой, но процессуальной самостоятельности, что в свою очередь может повлиять не только на общее качество исследования, но и на то, как оно будет использовано в качестве доказательства. В этой связи в таких однозначных случаях реализация инициативы, по нашему мнению, должна происходить в уведомительном, а не разрешительном порядке.

ное значение для дела» [16, с. 110]. Свою позицию эти ученые подкрепляют ссылками на работы известного правоведа-криминалиста времен Российской империи Л.Е. Владимирова, который, обращаясь к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (к одному из источников современного уголовного права с точки зрения исторической преемственности), более ста лет назад также оценивал экспертную инициативу не как право, а как процессуальную обязанность экспертов (сведущих людей в дореволюционной терминологии): «Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины (ст. 333 Устава уголовного судопроизводства). Эта обязанность экспертов представляет в настоящем свете ст. 332, по которой следователь предлагает сведущим людям словесно или письменно вопросы, подлежащие их разрешению. Эксперт, следовательно, по ст. 333 не связан в своих изысканиях вопросами, которые часто могут быть неполны, односторонни и даже нецелесообразны» [17, с. 282].

Закончить настоящий обзор хотелось бы словами профессора Р.С. Белкина, которые, на наш взгляд, могут отчасти объяснить отсутствие в сообществе экспертов жарких дискуссий относительно формы реализации права экспертной инициативы. Р.С. Белкин пишет, что реализованное экспертом право на инициативу «не влечет за собой подобных обязанностей для органа, назначившего экспертизу: он волен учитывать или не учитывать обстоятельства, инициативно установленные экспертом при производстве назначенной им экспертизы» [18].

Таким образом, уже из той небольшой части приведенных выше работ, посвященных экспертной инициативе, видно, что это достаточно многогранный правовой институт, содержание которого оказывается значительно шире того текста, который непосредственно отражен в статье закона. Однако в настоящем исследовании мы постараемся (насколько это возможно) избежать расширительного толкования и проанализировать норму лишь в той части, которая касается формы реализации права эксперта.

Особенности герменевтического метода при анализе нормы о праве экспертной инициативы

Прежде всего следует отметить, что нормы о праве экспертной инициативы, имеющиеся в отраслевом и межотраслевом законодательстве, друг другу не противоречат и имеют одинаковую структуру:

– гипотеза, которая предполагает, что эксперт в ходе исследования установит обстоятельства, имеющие значение для дела;

– диспозиция, в которой содержится правило должного поведения: ‘эксперт указывает на такие обстоятельства в своем заключении’.

Для целей настоящей статьи мы будем ссылаться на уголовно-процессуальные нормы и анализировать их как наиболее значимые с социальной точки зрения.

Для толкования этой нормы мы используем один из основных методов юридической герменевтики⁷ – интерпретацию. В этой связи следует напомнить, что толкование права, как верно пишет Н.Н. Ефремова, «выступает отдельным видом толкования как интеллектуальной деятельности. Первое и последнее соотносятся как частное и общее, поэтому толкованию права присущи соответственно как общие интерпретационные черты, так и специфические, определяемые особым объектом, имеющим правовую природу» [20, с. 383].

Ю.Ю. Ветютнев, переосмысливая подходы своих предшественников, предлагает следующую последовательность (процедуру) герменевтического анализа правовой нормы из восьми шагов (выбор текста, «курсорное чтение», поиск темных мест, задавание вопросов, «набросок», проверка, синтез, возвращение к началу) [21, с. 138–141], которая, по нашему мнению, применима и для нормы об экспертной инициативе. Наиболее интересными нам кажутся третий, четвертый и пятый шаги – поиск темных мест, вопрос и формулирование гипотезы.

⁷ В данном случае позволим себе согласиться с мнением Е.М. Крупени о том, что «в современном теоретическом правоведении юридическая герменевтика имеет статус частной теории – теории толкования права в связи с его текстуальной формой выражения» [19, с. 221]. Но вместе с этим отметим, что такой, необщетеоретический, характер юридической герменевтики не мешает ни анализу норм права, ни их уяснению, ни толкованию.

Анализ с позиции герменевтики

Ясно, что темным местом нормы о праве экспертной инициативы будут вопросы, имеющие отношение к предмету экспертного исследования и обстоятельства, которые имеют значение для дела. В связи с этими формулировками возникают следующие вопросы:

1) зачем вообще законодатель предоставляет эксперту возможность самостоятельно ставить вопросы?

2) чем эксперту, зачастую не обладающему юридическими знаниями и навыками правовой квалификации, руководствоваться при определении значимости того или иного обстоятельства для дела?

3) кому адресована данная норма (адресована ли она эксперту?).

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к отраслевому законодательству, а именно к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД), в котором указаны задачи судебно-экспертной деятельности (СЭД): оказание содействия суду и следствию в разрешении вопросов, требующих специальных знаний. Информацию о том, какого качества должно быть такое содействие и зачем оно необходимо в принципе, можно получить исключительно из широкого правового контекста⁸.

Этим контекстом будут принципы уголовного судопроизводства и принципы государственной СЭД. Именно принципы, на наш взгляд, и содержат то господствующее значение, о котором И.Л. Честнов пишет как о необходимом компоненте для герменевтического анализа, для понимания права: «Интерпретативный анализ <...> должен включать в себя и соотнесение субъективного смысла с господствующими в данной культуре значениями и со значениями, существующими в других культурах» [22, с. 238]. В другом своем исследовании в качестве одного из эффективных инструментов («реалистичная программа анализа») для восприятия права этот автор называет и критический дискурс-анализ [23, с. 71].

При этом, говоря о том, что принципы права являются основными составляю-

щими правового дискурса, не следует забывать о необходимости рассматривать и анализировать эти принципы не только во взаимосвязи с конкретной нормой, но и во взаимосвязи между собой. Важность учета такой взаимосвязи конкретно в дискурсе СЭД подчеркивают С.А. Смирнова и О.В. Микляева: «Принципы права, его отраслей и правовых институтов тесно взаимосвязаны и образуют единую логико-правовую систему. Нарушение хотя бы одного из принципов приводит, как правило, к нарушению другого принципа или всей цепи принципов, <...> что, в свою очередь, не даст возможность полноценно осуществить правосудие и восстановить нарушенные права и законные интересы граждан» [24]. Мысль о взаимосвязанности, взаимозависимости принципов права поддерживается и в современной западной правовой науке. Так, известный немецкий теоретик права Роберт Алекси (Robert Alexy) пишет, что «принципы могут и должны быть сбалансированы. Достижение баланса между принципами (оценка веса, взвешивание принципов) является типичной формой реализации принципов» [25, с. 44].

Учитывая указанные выше положения, ответ на вопрос, зачем эксперту предоставлено право экспертной инициативы, потребует обращения к закрепленным в ст. 4 ФЗ о ГСЭД нормам-принципам: законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Важны для толкования исследуемой нормы и принципы, закрепленные в ст. 6 УПК РФ, из которой можно понять, что право экспертной инициативы в том числе связано с желанием законодателя гарантировать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. То есть ст. 6 УПК РФ фактически позволяет проверить и подтвердить обозначенную выше гипотезу: право экспертной инициативы обеспечивает защиту прав потерпевших и обвиняемых/подсудимых от произвола в уголовном процессе, которая в свою очередь зависит от объективности расследования в

⁸ Цели содействия нельзя понять и из норм статей, закрепляющих основные положения правового статуса суда (ст. 29 УПК РФ) и следователя (ст. 37 УПК РФ) – конкретно указанных в качестве тех, кому закон обязывает эксперта оказывать содействие.

целом и объективности экспертизы в частности⁹.

Ответ на вопрос, связанный с определением значимости обстоятельства для дела, можно найти также в контексте правовых принципов. Понятно, что имеется в виду не любая значимость, а только та, которая может оказать влияние на правовую квалификацию деяния, т. е. словосочетания «имеющие отношение» и «имеют значение» в ст. 57 и 204 УПК РФ используются законодателем в качестве равноценных и связаны с принципом относимости доказательств. Т. е. эксперту не требуется учитывать характер этой значимости, например связан ли он с подтверждением/опровержением позиции следствия/защиты. Эксперту важно лишь наличие связи между устанавливаемым им фактом и существом дела и то, что об установленном им факте ему не был поставлен вопрос (и, вероятно, из предоставленных материалов неизвестно, что такой вопрос был поставлен ранее и как он был разрешен).

Установив непосредственную связь нормы о праве экспертной инициативы с конкретными принципами права, следует уяснить характер влияния данных принципов на содержание исследуемой нормы – на форму реализации права (и, как следствие, на определение субъекта данной нормы). В данном случае возникает тот самый конфликт интерпретаций: с одной стороны, возможность реализации права по усмотрению эксперта, а с другой стороны – противоречащий этой возможности принцип объективности (реализация которого в свою очередь взаимосвязана с принципами всесторонности и полноты исследований, т. е. принцип объективности как бы охватывает принципы всесторонности и полноты исследований, включает их в себя – без всесторонности и полноты экспертное исследование вряд ли можно будет считать объективным).

Однозначное понимание данного принципа в правовой судебно-экспертный дискурс введено емким определением Н.П. Майлис и используется в системе экспертных учреждений Минюста России при обучении экспертов: «Под объективностью понимается установление истины при решении поставленной следователем (судом) задачи. Эксперт, при достаточности

представленных материалов исследования, должен установить истину независимо от версии следователя (суда), не опираясь на сведения из материалов дела, очевидцев события преступления и т. п. В случае если материалов недостаточно, эксперт должен отказаться от решения вопроса или подготовить сообщение о невозможности дачи заключения» [26, с. 163].

Кроме того, из работ Н.П. Майлис можно понять, что объективность – это не только правовой принцип, связанный непосредственно с производством экспертного исследования, но и моральный закон, категорический императив, которому в своей профессиональной деятельности должен следовать человек, принявший на себя статус эксперта: «...при осуществлении профессиональной деятельности в экспертном учреждении, закладываются моральные нормы, которым должен следовать эксперт, реализовывая их при выполнении своих функций: принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность» [27, с. 31]. Таким же образом со ссылкой на аналогичные правовые принципы правовое положение эксперта оценивается и в зарубежной литературе и зарубежном законодательстве. Так, например, Кассационный суд Бельгии указывает, что эксперт – это лицо, которое назначается судьей, но действует независимо и беспристрастно (*independently and impartially*), честно и добросовестно (*in honour and decency, in an honest and conscientious way*) [28]. О честности и непредвзятости (*honest and unbiased*) как категориях, аналогичных российскому принципу объективности, сообразно которым должен действовать судебный эксперт, говорят и специалисты-медики из Израиля [29]. Следование принципам объективности и полноты исследования (*objectively well-grounded, exhaustive and based on convincing arguments*) для эксперта считают важным и итальянские ученые [30]. Категории чести и добросовестности (*en leur honneur et conscience*), которые также можно расценить как аналог отечественного принципа объективности, фигурируют и во французском уголовно-процессуальном и межотраслевом законодательстве в части, закрепляющей правовой статус судебного эксперта¹⁰. Принципу

⁹ Т. е. в данном случае можно говорить о взаимосвязанности принципов, закрепленных в ст. 6 УПК РФ, с принципом объективности.

¹⁰ См., например, ст. 157 УПК Франции (*Code de procédure pénale*), в которой сделана отсылка к закону о судебных экспертах (*Loi n° 71-498 du 29 juin 1971 relative aux experts judiciaires (Version consolidée au 22 mai 2019)*), а именно в статье 6 идет речь о клятве (*serment*) судебного эксперта.

беспристрастности¹¹ (unparteiisch und nach bestem Wissen und Gewissen erstattet habe) в экспертной деятельности следуют и в германском уголовно-процессуальном праве.

Р.С. Белкин писал, что «цель экспертного исследования – установление истины в рамках задачи, поставленной перед экспертом следователем или судом, поэтому эксперт не вправе связывать себя ни версией обвинения, ни версией защиты или истца и ответчика; но должен добросовестно искать истину, невзирая на то, кому эта истина будет выгодной, и помня, что она всегда “выгодна” правосудию и законности» [18, с. 128].

Опираясь на сообразные позиции авторитетных отечественных ученых Н.П. Майлис и Р.С. Белкина, можно с уверенностью утверждать: если эксперт не будет в своей деятельности руководствоваться принципом объективности, то и цели экспертного исследования он не достигнет.

Однако в некоторых случаях может возникнуть потребность в разграничении цели экспертного исследования как глобально-направленного всей экспертной деятельности вообще (здесь мы имеем в виду профилактические задачи экспертизы) и как конкретного исследования по конкретному делу (установление фактов, сведений и т. п.).

Например, по делам о противодействии экстремизму объектом лингвистической экспертизы могут становиться тексты и высказывания, связанные с реакцией автора на публикацию или высказывание, которые, как окажется в процессе исследования, сами будут иметь признаки возбуждения вражды или пропаганды какой-либо законодательно запрещенной идеологии. Так, может быть, что дело возбуждается в отношении автора комментариев к размещенной на неонацистском ресурсе статье, где и сами комментарии, и сама статья, послужившая для них поводом, носят сомнительный характер с точки зрения законодательства о противодействии экстремизму. Допустим, в статье призывают дискриминировать лиц определенной национальности, а автор комментариев, имеющий отношение к этой дискриминируемой национальности, реагируя на эту статью, в ответ начинает призывать дискриминировать лиц той национальности, от имени

которой ведется повествование в статье. Естественно, при анализе комментариев эксперт учтет коммуникативную ситуацию и содержание статьи, послужившей информационным поводом. Все эти действия регламентированы соответствующей методикой по делам, связанным с противодействием экстремизму [31], которая прошла проверку временем и одобрена большинством авторитетных отечественных судебных экспертов. Кстати, авторы методики по экстремизму прямо указывают на конкретный случай, когда инициатива эксперта может пониматься как его обязанность: «При неполноте вопроса (экспертного задания) эксперт должен восстановить ее¹² в полном объеме, воспользовавшись своим правом на инициативу» [там же, с. 26].

Но, возвращаясь к статье сомнительного содержания и таких же комментариев к ней, необходимо ли эксперту и в этом случае проявить инициативу и в виде отдельного вывода дать оценку такому провокативному, распространяющему неодобряемые обществом взгляды тексту¹³, послужившему поводом для спорных комментариев? Будет ли такой вывод направлен на достижение профилактических целей или же такая экспертная оценка изменит положение подсудимого? Будет ли и должна ли быть принята такая инициатива судом во внимание при вынесении приговора по конкретному делу? Не будет ли нарушен другой принцип – принцип справедливости, – в случае если в таком деле эксперт не проявит инициативу?

В некоторых случаях ставящиеся перед экспертом вопросы предполагают такие выводы, которые подтвердят версию следствия (суда); вопросы же, которые могут поставить эту версию под сомнение или даже опровергнуть ее, не ставятся. Например, по делам о взятке перед экспертом-лингвистом может быть поставлен вопрос о побуждении к передаче денежных средств со стороны лица, давшего взятку. Формальное разрешение данного вопроса не предполагает ни анализа побуждений

¹² Полноту вопроса – Прим. автора.

¹³ Обычно на исследование эксперту представляются как сами комментарии, так и материал, послуживший для них поводом. Поэтому в данном случае инициатива эксперта никак не будет связана с самостоятельным сбором материалов для производства судебной экспертизы, который (сбор) является законодательно установленным запретом для эксперта (хотя и является, как отмечено выше, дискуссионным в научной среде).

¹¹ См., например, § 79 УПК Германии (Strafprozeßordnung).

со стороны лица, берущего взятку, ни установления того, кому принадлежала инициатива введения в разговор темы передачи денежных средств. Очевидно, что положение давшего взятку может существенно измениться в случае установления побуждений к передаче денежных средств со стороны лица, берущего взятку. Уголовное дело может быть прекращено в связи с провокацией, а обвиняемый может «поменяться» с потерпевшим процессуальным статусом, и дело будет переквалифицировано со взятки на вымогательство и злоупотребление полномочиями (превышение полномочий).

Или же по делам об оскорблении перед экспертом-лингвистом может быть поставлен вопрос о наличии в тексте негативной информации о каком-то лице, а также вопрос о наличии в этом же тексте бранной или неприличной, нецензурной лексики. Очевидно, исходя из смысла нормы об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ, «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»), что не любая негативная информация должна быть квалифицирована как оскорбление, а также что наличие в тексте, высказываниях бранной или неприличной, нецензурной лексики не обязательно свидетельствует о совершении правонарушения, которое должно быть квалифицировано как оскорбление.

Для проведения экспертиз и исследований по делам об оскорблении в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России опытными экспертами (Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецовым и А.М. Плотниковой) была разработана методика [32], позволяющая провести четкую грань между высказываниями, за которые должна/может наступать юридическая ответственность, и высказываниями, которые оскорблением в его правовом понимании не являются. Однако, несмотря на наличие такой методики, перед экспертами продолжают ставить пространственные и нечеткие вопросы о негативной информации (которые к тому же в подавляющем большинстве случаев по делам об оскорблении вполне могут быть разрешены и без участия эксперта). При этом вопрос о наличии негативной информации не выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста, сам вопрос актуален при производстве экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (и по клевете), и для ре-

шения такого вопроса также выработан соответствующий методический подход [33]. Т. е. в целом при назначении экспертизы по делу об оскорблении с вопросом о негативной информации у эксперта нет формальных оснований ни для переформулирования вопроса, ни для отказа от его решения. Эксперт может лишь направить запрос органу (или лицу), назначившему экспертизу, с просьбой переформулировать, заменить, изменить или снять вопрос, но при отказе будет вынужден его решать. И далее при квалификации деяния с опорой на подобное заключение эксперта следствие или даже суд могут, сами того не ведая, вынести решение, вступающее в противоречие с принципами законности, объективности и справедливости.

Инициатива эксперта в данном случае должна заключаться в том, чтобы соотнести категорию дела с имеющимися методическими наработками и разрешать не только поставленные следователем вопросы, но и самому поставить те типовые вопросы, которые соответствуют категории дела. В рассмотренном случае (по делам об оскорблении) – вопрос о наличии значения унижительной оценки лица, и в случае наличия – о лингвистических признаках неприличной формы выражения.

То есть не проявление экспертом инициативы влечет нарушение принципа объективности, а наблюдаемый в таком случае конфликт интерпретаций лишается того гносеологического значения, о котором писал П. Рикер (Paul Ricoeur) [34], и должен быть разрешен объективно. Именно принцип объективности, как нам кажется, является имманентным для СЭД, без которого такая деятельность теряет всякий смысл и необходимость. Таким образом, формой реализации права экспертной инициативы будет не использование, а исполнение, а сама экспертная инициатива – обязанностью эксперта¹⁴. И обязанность эта может быть и не включена в его правовой статус, но точно ему не противоречит, она лежит в области правосознания эксперта, его добросовестности и профессиональной этики.

Трудно будет оценить как правомерное поведение эксперта, который обнаружил какой-то значимый факт, но не отразил

¹⁴ Фактически эксперт оказывается и юридически, и морально скован принципом объективности, а любое его действие должно быть сообразно в первую очередь принципу объективности.

его в своем заключении из-за, например, нехватки времени, дополнительной работы, необходимости выпустить заключение в запланированный срок или просто нежелания вникать в обстоятельства дела и собственного безразличия. Возможно, такое поведение эксперта при наличии соответствующих доказательств должно быть оценено как дисциплинарный проступок.

Конечно же, из любого правила могут быть исключения. И в данном случае единственным условием, которое, по нашему мнению, может хоть как-то оправдать отсутствие инициативы со стороны эксперта, будет его «добросовестное заблуждение» относительно значимости установленных в ходе исследования фактов, связанное, например, с отсутствием у эксперта юридического образования, знаний в области теории права и криминалистики. Однако вопрос об условиях «добросовестности» заблуждения при не проявлении экспертной инициативы является темой отдельного исследования.

Выводы

Ключевым же моментом для разрешения конфликта интерпретаций, возникающего в связи с тем, что норма, являющаяся по своей сути профессиональной обязанностью, была названа в процессуальном законодательстве правом, будет, по нашему мнению, определение адресата данной нормы. Конфликт интерпретаций указывает на то, что норма не может иметь основным адресатом того, о ком в ней непосредственно идет речь – эксперта. Данная норма в первую очередь устанавливает правила должного поведения в отношении эксперта, т. е. защищает экспертную инициативу от неправомерного поведения со стороны других участников процесса, других субъектов СЭД.

Англо-американский теоретик права Рональд Дворкин (Ronald Dworkin) пишет, что судья в своей деятельности не принимает решения по собственному усмотрению, а должен обратиться к закону, понять его и «действовать в соответствии с этим пониманием (независимо от того, будет оно оспорено или нет)» [35, с. 63–64]. Точно такой же подход, нам кажется, должен исповедовать и эксперт в своей деятельности, т. е. при уяснении нормы о праве экспертной инициативы эксперт также должен уяснить и нормы-принципы

объективности, всесторонности и полноты исследований – должен учитывать взаимосвязанность, взаимозависимость норм.

Таким образом, говоря о праве экспертной инициативы с позиций юридической герменевтики, мы должны понимать, что по своему существу право экспертной инициативы с точки зрения эксперта не является правом в его бытовом (и уж тем более юридическом) понимании. Данная норма является правом лишь в том смысле, что сама инициатива эксперта не может быть ограничена кем-либо, т. е. адресована эта норма в первую очередь не эксперту, а другим субъектам СЭД (суду, следствию), а для эксперта – это прямая профессиональная обязанность, намеренный отказ от исполнения которой может быть оценен как неправомерное поведение.

И говоря здесь об обязанности, мы имеем в виду исключительно ее профессиональный характер, а не обязанность как часть процессуального статуса эксперта (хотя нам и кажется вполне уместным перевод этой обязанности из области дисциплинарных требований в область процессуальную). Обязанность эта должна реализовываться лишь в тех редких случаях, когда она необходима для объективного расследования дела: эксперт вовсе не обязан проявлять инициативу в каждой своей экспертизе без повода.

Кроме того, обязательный характер инициативы позволяет эксперту реализовать не только свою вспомогательную функцию (связанную с косвенным участием в правоприменении – с «оказанием содействия»), но и фактически дает ему право непосредственно принимать участие в правоприменительной деятельности, указывая суду и следствию на обстоятельства, которые были ими не отмечены (по незнанию, из добросовестного заблуждения или, может быть, злонамеренно). И хотя такое участие не имеет столь большого значения в итоговой правовой квалификации¹⁵, как участие других процессуальных фигур – судьи, следователя, прокурора, защитника, оно позволяет эксперту следовать обязательному для него принципу – принципу объективности, а также избегать манипуляций его позицией и добросовестно выполнять свою работу на благо общества.

¹⁵ И может даже вообще не повлиять на судьбу обвиняемого или потерпевшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Н.Н. Правовое общение и правосудие в контексте истории российской юстиции // Государство и право. 2011. № 10. С. 85–94.
2. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы / Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 105–108. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10027>
3. Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 110–118. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-3-110-118>
4. Майорова Е.И. Особенности экспертной профилактики при производстве судебно-экологических экспертиз // Право и государство. 2018. № 3–4 (80–81). С. 144–154.
5. Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 111 с.
6. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 437 с.
7. Мельник С.Л. О границах экспертной инициативы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 20–22.
8. Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. К вопросу о становлении института экспертной инициативы при производстве судебно-медицинских экспертиз в России // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 124–130. <https://doi.org/10.12737/24123>
9. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ЭКОМ, 2012. 455 с.
10. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
11. Яровенко В.В. Применение экспертной инициативы в современной экспертной практике // Юридические исследования. 2017. № 6. http://e-notabene.ru/lr/article_22855.html
12. Горбулинская И.Н. Об экспертной инициативе // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 41–42.
13. Гришина Е.П. Ошибки экспертной инициативы // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 9–10.
14. Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу. Учебное пособие. Казань: КФУ, 2017. 94 с.
15. Фролова А.В. Право экспертной инициативы и экспертная профилактика в современном

REFERENCES

1. Efremova N.N. Legal Dialogue and Justice in a Context of History of the Russian Justice. *State and Law*. 2011. No. 10. P. 85–94. (In Russ.)
2. Hmyz A.I. To a Question about Expert Prevention in the Production of Judicial Expertise. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2019. No. 1. P. 105–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10027>
3. Nikitina I.E. Current Issues in Justice and Home Affairs Cooperation between EU Member States Pertaining to Forensic Services and Investigative Operations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 3. P. 110–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-3-110-118>
4. Maiorova E.I. Peculiarities of Expert Preventive Inspection in the Process of Judicial Ecological Expertise. *The Law and the State*. 2018. No. 3–4 (80–81). P. 144–154. (In Russ.)
5. Belkin R.S. *Forensics. Brief encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1993. 111 p. (In Russ.)
6. Zaitseva E.A. *The Concept of Development of the Forensic Science Institution in the Conditions of Adversarial Criminal Proceedings. Monograph*. Moscow: Yurлитinform, 2010. 437 p. (In Russ.)
7. Melnik S.L. On the Boundaries of the Expert Initiative. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 2 (28). P. 20–22. (In Russ.)
8. Melnik S.L., Revenko Ya. D. On the Question of the Formation of the Institute of Expert Initiative in the Production of Forensic Enquiry in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2017. No 2. P. 124–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/24123>
9. Smirnova S.A. (ed.) *Encyclopedic Dictionary of Forensic Science. Multimodal Edition "Forensic Science: Reboot". Part 2*. Moscow: EKOM, 2012. 455 p. (In Russ.)
10. Orlov Yu.K. *The issues of the theory of evidence in criminal proceedings*. Moscow: Yurist, 2009. 175 p. (In Russ.)
11. Yarovenko V.V. Expert Initiative in the Modern Expert Practice. *Legal Studies*. 2017. No. 6. (In Russ.). http://e-notabene.ru/lr/article_22855.html
12. Gorbuninskaya I.N. On the Initiative of the Expert. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. No 2. P. 41–42. (In Russ.)
13. Grishina E.P. Mistakes of Expert's Initiative. *Expert-Criminalist*. 2012. No 2. P. 9–10. (In Russ.)
14. Mishin A.V. *Forensic Examination in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. Study guide*. Kazan: Kazan Federal University, 2017. 94 p. (In Russ.)
15. Frolova A.V. The Right of Expert Initiative and Expert Prevention in the Modern Criminal

- уголовном процессе // Проблемы техногенной безопасности и устойчивого развития. 2011. Вып. 2. С. 277–281.
16. Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. Монография. М.: Юрайт, 2019. 167 с.
 17. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
 18. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х томах. Том 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.
 19. Крупеня Е.М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики / Под ред. Е.Н. Тонкова и И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 219–234.
 20. Ефремова Н.Н. Толкование права: становление доктрины и практики в российской империи. XVIII – первая половина XIX в. / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики. СПб.: Алетейя, 2017. С. 383–392.
 21. Ветютнев Ю.Ю. Процедурность юридической герменевтики / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики. СПб.: Алетейя, 2017. С. 133–141.
 22. Честнов И.Л. История и методология юридической науки. Учебник. М.: Инфра-М, 2018. 283 с.
 23. Честнов И.Л. Интерпретация механизма воспроизводства правовой реальности / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики. СПб.: Алетейя, 2017. С. 33–72.
 24. Смирнова С.А., Микляева О.В. Принцип законности в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 10–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2015-1-10-15>
 25. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
 26. Майлис Н.П. Этические нормы в экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 162–165.
 27. Майлис Н.П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 1 (4). С. 28–32.
 28. Vermeylen Y. The Role of the Forensic Expert in Criminal Procedures according to Belgian Law // *Forensic Sci. Int.* 2010. Vol. 201. No. 1–3. P. 8–13. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2010.04.017>
 29. Hissa J., Freunda M., Kahanab T. The forensic expert witness – An issue of competency // *Forensic Sci. Int.* 2007. Vol. 168. No. 2–3. P. 89–94. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.004>
 30. Fusaro N. The Role of the Expert, of the Technical Consultant and of the Consultant for the Defensive Process. *Problems of technological safety and sustainable development.* 2011. Issue 2. P. 277–281. (In Russ.)
 16. Eksarkhopulo A.A., Makarenko I.A., Zainullin R.I. *Criminalistics: History and Development Prospects. Monograph.* Moscow: Yurait, 2019. 167 p. (In Russ.)
 17. Vladimirov L.E. *The Theory of Criminal Evidence.* Tula: Autograph, 2000. 462 p. (In Russ.)
 18. Belkin R.S. *Course of Forensics. In 3 volumes. Vol. 3. Forensic means, techniques and recommendations.* Moscow: Yurist', 1997. 480 p. (In Russ.)
 19. Krupenya E.M. The Interpretation of Law, Legal Hermeneutics in the Context of the Subject Approach. In: Tonkov E.N. and Chestnov I.L. (eds.) *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 219–234. (In Russ.)
 20. Efremova N.N. The Interpretation of Law: Formation of Doctrine and Practice in the Russian Empire. XVIII – the first half of the XIX century / In: *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 383–392. (In Russ.)
 21. Vetyutnev Yu.Yu. The Procedural Nature of Legal Hermeneutics / In: *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 133–141. (In Russ.)
 22. Chestnov I.L. *History and Methodology of Legal Science: A Textbook.* M.: Infra-M, 2018. 283 p. (In Russ.)
 23. Chestnov I.L. Interpretation of the reproduction of legal reality mechanism / In: *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 33–72. (In Russ.)
 24. Smirnova S.A., Miklyaeva O.V. The Principle of Legality in Forensic Practice. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2015. No. 1 (37). P. 10–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2015-1-10-15>
 25. Alexy R. *Begriff und Geltung des Rechts.* Translated from German by Laptev A.N., Kal'shoiera F. Moscow: Infotropic Media, 2011. 192 p. (In Russ.)
 26. Mailis N.P. Ethics Norms in expert activity. *Vestnik Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia = Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* 2011. No. 9. P. 162–165. (In Russ.)
 27. Maylis N.P. The Etiquette of Court Expert as a Component of Professional Ethics in Forensic Activities. *Forensic Examination of Belarus.* 2017. No. 1 (4). P. 28–32. (In Russ.)
 28. Vermeylen Y. The Role of the Forensic Expert in Criminal Procedures according to Belgian Law. *Forensic Sci. Int.* 2010. Vol. 201. No. 1–3. P. 8–13. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2010.04.017>
 29. Hissa J., Freunda M., Kahanab T. The forensic expert witness – An issue of competency. *Forensic Sci. Int.* 2007. Vol. 168. No. 2–3. P. 89–94. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.004>
 30. Fusaro N. The Role of the Expert, of the Technical Consultant and of the Consultant for the Defensive

- Investigations in the Criminal Trial // *Forensic Sci. Int.* 2004. Vol. 146. Suppl. P. S219–S220.
<https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.09.067>
31. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ, 2014. 98 с.
 32. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М.: РФЦСЭ, 2016. 90 с.
 33. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: РФЦСЭ, 2018. 136 с.
 34. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
 35. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ. М.Д. Лахути и Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
- Investigations in the Criminal Trial. *Forensic Sci. Int.* 2004. Vol. 146. Suppl. P. S219–S220.
<https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.09.067>
 31. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Methodology of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Examination of in Cases Connected with Counteraction to Extremism and Terrorism.* Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.)
 32. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. *Forensic Linguistics in Cases on Insult.* Moscow: RFCFS, 2016. 90 p. (In Russ.)
 33. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I. et al. *Semantic Research in Forensic Linguistics. A Handbook.* S.A. Smirnova (ed.). Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.)
 34. Ricoeur P. *Le conflit des interpretations. Essais d'hermeneutique* / Trans. from French by I.S. Vdovina. Moscow: Academic Project, 2008. 695 p. (In Russ.)
 35. Dworkin R. *Taking Rights Seriously* / Trans. from English by M.D. Lakhutie, L.B. Makeeva. Moscow: ROSSPEN, 2004. 392 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бойцов Алексей Александрович – заместитель заведующего лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
 e-mail: alexey.boytsov@yandex.com

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei Aleksandrovich Boitsov – Deputy Head of the Laboratory of Forensic Linguistics, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice;
 e-mail: alexey.boytsov@yandex.com

Статья поступила: 28.04.2019

Received: 28.04.2019

Особенности оценки рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности при проведении судебных экспертиз

К.О. Мамиконян

Национальное бюро экспертиз Республики Армения, Ереван 0004, Республика Армения

Аннотация. Незаконное использование интеллектуальной собственности нарушает права человека/компании, которому она принадлежит. Экспертиза объектов интеллектуальной собственности во многом способствует восстановлению справедливости в случае нарушения прав. Для ее проведения необходимы знания не только в области интеллектуальных прав, но и в сфере деятельности, к которой относится спорная интеллектуальная собственность. В статье рассмотрены некоторые подходы к оценке рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности, в частности использование оценки средневзвешенной стоимости капитала (WACC) компании при расчете ставки дисконтирования объектов интеллектуальной собственности (например, бренда). Обоснована гипотеза, согласно которой методология определения ставок дисконтирования при «традиционном» подходе, когда ставка дисконтирования учитывает все риски и применяется к наиболее вероятным значениям измерителя дохода, основана на непосредственных наблюдениях на рынке стоимости капитала для бизнеса. Отмечено, что ставка дисконтирования для нематериальных активов не обязательно должна отличаться от ставки дисконтирования для бизнеса. Таким образом, метод оценки WACC – это ставка дисконтирования для инвестированного капитала. Метод оценки ставки дисконтирования на основе WACC показывает норму дохода, которую следует выплатить за использование инвестиционного капитала. Последний может состоять из двух источников финансирования: собственного капитала и заемного. В статье дан детальный анализ WACC и показано, что он может быть использован как при финансовом, так и при инвестиционном анализе оценки будущей доходности инвестиций с учетом первоначальных условий доходности (рентабельности) инвестиционного капитала.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, объект интеллектуальной собственности, ставка дисконтирования объектов, оценка*

Для цитирования: Мамиконян К.О. Особенности оценки рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности при проведении судебных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 128–135. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-128-135>

The Features of Market Value Assessment of the Objects of Intellectual Property When Conducting Forensic Expertise

Karen H. Mamikonyan

National Bureau of Expertise of the Republic of Armenia, Yerevan 0004, the Republic of Armenia

Abstract. Illicit use of intellectual property violates the rights of the person/company that owns it. The expertise of intellectual property in many ways helps to restore justice in cases of rights violation. To conduct such expertise the knowledge of not only the intellectual property rights is required, but also of the activity to which the disputed intellectual property belongs. The article discusses some approaches to assessment of the market value of intellectual property, for instance it is assumed that when calculating the discount rate of intellectual property (for example, a brand), a company's weighted average cost of capital (WACC) can be used. A hypothesis is substantiated that the methodology for determining discount rates using the "traditional" approach, when the discount rate takes all risks into account and is applied to the most probable values of the income measure, is based on the direct observations on the capital value market for a business. It is noted that the discount rate for intangible assets not necessarily should differ from that for a business. Thus, WACC assessment method is a discount rate for the invested capital. The method of estimating the discount rate based on WACC, shows the rate of return to be paid for the use of investment capital. The latter may consist of two sources of financing: own capital and debt capital. The article provides a thorough and detailed analysis of the WACC and notes that it can be used in both

financial and investment analysis to assess future returns on investments, considering the initial conditions for profitability of investment capital.

Keywords: *forensic expertise, object of intellectual property, discount rate of objects, assessment*

For citation: Mamikonyan K.H. The Features of Market Value Assessment of the Objects of Intellectual Property When Conducting Forensic Expertise. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 128–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-128-135>

Введение

В настоящее время становится все проще пользоваться результатами чужого интеллектуального или творческого труда и все труднее защитить авторство своего произведения от несанкционированного заимствования. Поэтому защита товарных знаков, авторских и иных прав на произведения и изобретения является приоритетным во всем мире.

Нарушения прав интеллектуальной собственности (ИС) возможны для любого типа продукта. Эти явления наносят ущерб экономике страны, ставят под угрозу здоровье и безопасность потребителей и создают основу для организованной преступности. Именно поэтому правительства несут ответственность за предотвращение правонарушений в сфере интеллектуальной собственности.

Основными направлениями международного сотрудничества в области интеллектуальной собственности в Республике Армения являются укрепление и развитие сотрудничества с Международной патентной организацией (WIPO), Европейским патентным ведомством (EID), Евразийским патентным ведомством (EAPA), а также участие в различных международных договорах и соглашениях. На текущий момент Правительством Республики Армения подписаны, в частности, следующие важнейшие международные договора и соглашения:

– Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности (подписан членами Евразийского экономического союза 08.09.2015, вступил в силу 19.07.2016);

– Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, Астана, 29.05.2014);

– Сингапурский договор о законах по товарным знакам (Сингапур, 27.03.2006, вступил в силу 7.09.2013);

– Договор о патентном праве (Женева, 01.06.2000, вступил в силу 17.09.2013);

– Локарнское соглашение об учреждении Международной классификации промышленных образцов (8.10.1968, вступило в силу 13.07.2007);

– Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов – Женевский акт (02.07.1999, вступило в силу 13.07.2007);

– Ниццкое соглашение о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (15.06.1957, вступило в силу 06.03.2005);

– Международное соглашение по охране авторского права, разработанное Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) («Договор ВОИС в области Интернета», Женева, 1996, вступило в силу 06.03.2005);

– Страсбургское соглашение о международной патентной классификации (24.03.1971, вступило в силу 06.12.2005);

– Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (г. Марракеш, 15.04.1994, вступило в силу 05.02.2003);

– Протокол Мадридского соглашения о международной регистрации знаков (28.06.1989, вступил в силу 19.10.2000);

– Евразийская патентная конвенция (Москва, 09.09.1994, вступила в силу 27.02.1996);

– Парижская конвенция по охране промышленной собственности (20.03.1983, вступила в силу 25.12.1991);

– Договор о патентной кооперации (Вашингтон, 19.06.1970, вступил в силу 25.12.1991);

– Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (14.04.1991, вступило в силу 25.12.1991).

Экспертиза объектов интеллектуальной собственности

По мнению доктора юридических наук профессора М.В. Рыбкиной, экспертиза по спорам, связанным с защитой прав интеллектуальной собственности, отличается значительной сложностью, а в некоторых

случаях также и исключительностью [1]. Для проведения такой экспертизы необходимы знания не только в области интеллектуальных прав, но и в той сфере деятельности, к которой относится спорная интеллектуальная собственность. Интеллектуальная собственность является базой формирования нематериальных активов организации, поэтому результаты интеллектуальной деятельности играют все большую роль в получении стабильных доходов на рынке в долгосрочной перспективе. По этой причине понятие «интеллектуальная собственность» фигурирует как в бухгалтерском и финансовом учете, так и в управлении и оценочной деятельности. Однако определение этого понятия различно для разных видов деятельности и в национальных стандартах бухгалтерского учета разных стран.

Экспертиза объектов интеллектуальной собственности (ОИС) – специальное исследование, в ходе которого определяются характеристики исследуемых объектов. Необходимость проведения экспертного исследования в отношении физических и юридических лиц может возникнуть, если их права на распоряжение тем или иным результатом творческого труда были нарушены. На сегодняшний день экспертиза ОИС довольно востребована, о чем свидетельствует количество поданных (табл. 1) и зарегистрированных (табл. 2) заявок на регистрацию промышленных образцов и товарных знаков согласно данным за 2015–2017 годы,

опубликованным Агентством интеллектуальной собственности Министерства экономического развития и инвестиций Республики Армения¹.

Понятие объектов интеллектуальной собственности довольно широкое. Ниже приведены некоторые положения, которые закреплены в действующем законодательстве Республики Армения.

Так, согласно Гражданскому кодексу Республики Армения:

Фирменное наименование – это название, под которым коммерческая организация осуществляет свою деятельность и отличается от других юридических лиц (ст. 1166.1, п. 1).

Правообладатель фирменного наименования имеет исключительное право запрещать третьим лицам использовать свое фирменное наименование или наименование, или товарный знак, сходный со своим фирменным наименованием до степени смешения, если это может ввести в заблуждение потребителя и стать причиной предположения о связи между ними, учитывая, что это может причинить вред правообладателю фирменного наименования (ст. 1167, п. 2).

Товарным знаком и знаком обслуживания является обозначение, которое используется для различения товаров и (или) услуг одного лица от товаров и (или) услуг других лиц (ст. 1171, п. 1).

¹ <https://www.aipa.am/hy/trademark/>

Таблица 1. Количество поданных заявок на регистрацию промышленных образцов и товарных знаков

Table 1. The number of applications for registration of industrial designs and trademarks

Заявители	Товарные знаки / Промышленные образцы		
	2015	2016	2017
Национальные заявители	1340 / 29	1261 / 23	1348 / 54
Иностранные заявители	555 / 9	456 / 6	535 / 4
По Мадридскому соглашению	3149 / 0	2268 / 0	2997 / 0
Всего	5044 / 38	3985 / 29	4880 / 58

Таблица 2. Количество зарегистрированных заявок на промышленные образцы и товарные знаки

Table 2. The number of registered applications for industrial designs and trademarks

Заявители	Товарные знаки / Промышленные образцы		
	2015	2016	2017
Национальные заявители	1039 / 27	1148 / 17	1325 / 32
Иностранные заявители	449 / 4	416 / 6	110 / 2
Всего	1488 / 31	1564 / 23	1435 / 34

Правообладатель товарного знака имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение товарным знаком, а также на разрешение или запрет его использования другими лицами (ст. 1172, п. 1).

В соответствии со ст. 2 закона Республики Армения «О торговых марках»: «товарный знак – обозначение, которое используется для отличия товаров и (или) услуг одного лица от товаров и (или) услуг другого лица».

П. 1 ст. 3 закона Республики Армения «Об авторском праве и смежных правах»: «Объектом авторского права считается оригинальный результат творческого труда, осуществленного самостоятельно или совместно с другими авторами в области литературы, науки и искусства, ..., который выражен в устной, письменной или иной объективной форме, включая электронную форму, сохраняемую постоянно или временно независимо от объема, назначения, достоинств и цели создания произведения».

Стоимость нематериального актива является производной от его нематериального характера [2]. В развитие данного постулата можно сослаться и на пункт 17 Международного стандарта финансовой отчетности IAS 38 «Нематериальные активы»: «К будущим экономическим выгодам, происходящим из нематериального актива, могут относиться выручка от продажи продукции или услуг, снижение затрат или другие выгоды, возникающие от использования актива организацией. Например, использование интеллектуальной собственности в процессе производства может способствовать сокращению будущих производственных затрат, а не увеличению будущей выручки». Согласно пункту 21 того же стандарта, «Нематериальный актив подлежит признанию тогда и только тогда, когда: (а) признается вероятным, что организация получит связанные с данным объектом будущие экономические выгоды; и (b) первоначальная стоимость данного актива может быть надежно оценена».

Важно подчеркнуть, что оценка активов предприятия, включающих ОИС (нематериальные активы), имеет решающее значение при определении его реальной рыночной стоимости и инвестиционной привлекательности. В контексте сказанного к исследуемым объектам, являющимся собственностью промышленных предприятий, следует отнести торговые марки (бренды), то-

варные знаки, фирменные наименования, изобретения и полезные модели, рационализаторские предложения, программные обеспечения, сорта растений и штаммы микроорганизмов, селекционные достижения и прочие права ИС (патенты, лицензии и т. п.).

Методы оценки рыночной стоимости интеллектуальной собственности

Для оценки рыночной стоимости ИС из общепринятых подходов оценки интеллектуальной собственности (затратного, сравнительного (рыночного) и доходного) наиболее подходит доходный подход, так как именно доход, получаемый от использования ИС, преимущественно определяет его стоимость.

Рыночная стоимость ОИС с использованием доходного подхода определяется дисконтированием или капитализацией доходов от его использования. Показателем доходности может быть либо прибыль, либо денежный поток.

В рамках доходного подхода при оценке ОИС широко используются следующие методы:

- освобождение от лицензионного вознаграждения (данный метод широко известен как метод освобождения от роялти);
- дисконтирование денежных доходов (потоков);
- прямая капитализация доходов;
- избыточная прибыль;
- выигрыш в себестоимости;
- преимущество в прибылях.

Выбор метода – это компромисс между стремлением к высокому качеству результата и разумным стремлением к простоте процедуры оценки. Считается, что наиболее сложные методы доходного подхода основаны на дисконтировании денежных потоков, а наиболее простые – на прямой капитализации прибыли. ОИС по доходному подходу оценивается, когда имеется возможность надежно спрогнозировать доходы, которые могут быть получены от использования ОИС. Если же ОИС ранее не был использован, то единственной формой возможного дохода является единовременный доход от продажи прав на его использование. Основное назначение доходного подхода заключается в прогнозировании или использовании фактических данных о доходах собственника, получаемых от использования прав на оцениваемые результаты, и их структуры (затраты, прибыль),

оценке доли прибыли, принимаемой в качестве искомой стоимости оцениваемого объекта.

Рассмотрим первые два метода.

I. Метод *освобождение от роялти* используется для оценки стоимости ОИС в рамках общего рынка, и при его применении необходимо, чтобы одной из процедур являлась оценка соответствующей ставки роялти для использования в анализе ОИС [3, с. 57]. Данный метод больше всего подходит для оценки патентов и лицензий при их продаже; стоимость ОИС вычисляется путем дисконтирования, что позволяет определить размер лицензионных отчислений, которые компания должна заплатить, если она не владеет ОИС. Экономическая суть метода роялти базируется на предположении о распределении прибыли, полученной от использования лицензии на ОИС, между лицензиаром и лицензиатом в согласованной справедливой пропорции. Ключевым предположением является ставка роялти. Роялти представляет регулярные выплаты, рассчитываемые в виде процентов от выручки, получаемой от реализации лицензионной продукции. Стандартные ставки роялти в различных отраслях публикуются в специальной литературе.

При использовании метода освобождения от роялти действует допущение, что патентом (свидетельством) владеет третья сторона и, следовательно, истинный владелец должен платить роялти за право пользования. Однако патент на самом деле является собственностью владельца, и ему не нужно платить роялти – по этой причине метод получил название «освобождение от роялти», т. е. экономия расходов [4, с. 185]. Другими словами, если объект оценки принадлежит истинному собственнику, которому не надо платить роялти, то происходит псевдоэкономия на расходах, то есть «освобождение от роялти».

В современной научной литературе этот метод освобождения от роялти называют также методом отраслевых стандартов или методом приращения стоимости.

Таким образом, метод расчета величины денежного потока основывается на двух допущениях:

- оцениваемый объект не принадлежит истинному собственнику;
- временный владелец должен платить роялти, поскольку объект предоставлен ему на лицензионной основе.

Для определения стоимости ОИС методом дисконтирования денежных потоков, рассчитанных с помощью метода освобождения от роялти, используется зависимость

$$C = \sum_{i=1}^N \frac{V_i C_i R}{(1+r)^i} \quad (1)$$

где C – стоимость ОИС,
 V_i – объем произведенной с использованием ОИС продукции в год i ,
 C_i – продажная цена единицы с использованием ОИС в году i ,
 R – размер роялти в году i ,
 i – предполагаемый срок заключения лицензионного договора (период, в течение которого сохранится преимущество в прибыли),

r – коэффициент дисконтирования в году i .

Пошаговый расчет включает:

1. Оценку чистых продаж ОИС в течение последующих 3–5 лет.
2. Определение разумной ставки роялти, которую две невзаимосвязанные стороны установили бы для передачи сопоставимого ОИС. Ставка роялти зависит от престижности ОИС, срока действия соглашения, эксклюзивности, переговорных полномочий сторон, жизненного цикла продукта и маржи, получаемой на местном рынке.
3. Умножение расчетной ставки роялти на прогнозируемые продажи компании с целью ежегодной экономии роялти.
4. Оценку экономии роялти после уплаты налогов.
5. Оценку постоянных темпов роста стоимости ОИС, экономический срок его полезного использования и ставку дисконтирования, а также скидку платы после налогообложения [5, с. 17].

При этом размер ставки роялти может быть определен с использованием следующих подходов.

– *Эмпирический подход*, при котором ставку роялти, для примера, можно определить примерно как 25 % операционной прибыли лицензиата или как 5–8 % его продаж. Стоит отметить, что существует несколько вариантов оценки ставки роялти, например: престижность ОИС, дифференциал операционной маржи, кластерный или групповой анализ, метод сравнения рынка и другие модели, которые создают условия для переговоров между лицензиаром и лицензиатом.

– *Расчетный подход*, при котором можно использовать метод предельного роялти (расчет величины дополнительной прибыли лицензиата) и метод, основанный на учете доли лицензиара в валовой прибыли лицензиата.

II. Основываясь на методе *дисконтирование будущих денежных потоков* (Discounted Free Future Cash-Flows – DCF), оценщик обязан приводить прогнозируемые доходы, генерируемые ОИС по соответствующей ставке дисконта к чистой текущей стоимости. Для объектов оценки, приносящих за равные периоды времени неравные денежные потоки от их использования, величина стоимости определяется путем дисконтирования будущих денежных потоков от использования ОИС. При этом текущую стоимость ОИС определяют в следующем порядке:

– находят ожидаемый оставшийся срок полезного использования ОИС, т. е. период времени, в течение которого необходимо дисконтировать прогнозируемые доходы от его использования;

– оценивают будущие денежные потоки, составляющие чистый доход от использования ОИС и величину амортизации ОИС;

– определяют ставку дисконтирования;

– рассчитывают суммарную текущую стоимость будущих доходов;

– добавляют к полученному результату стоимость ОИС, приведенную к текущему периоду [6, с 9].

Рыночная стоимость ОИС рассчитывается как суммарная текущая стоимость дисконтированных доходов, приходящихся на долю этого актива. Оценка будущих денежных потоков, отражающих динамику чистого дохода предприятия по годам прогнозируемого периода, должна быть основана на маркетинговых и финансовых исследованиях [4, с. 180].

Ставку дисконтирования для различных ОИС, используемых предприятием, составляют путем наращивания к базовой ставке специфических рисков, характерных для оцениваемых объектов. В частности, наибольшие риски – для гудвилла и бренда; средние риски – для коммерциализованных товарных знаков; небольшие риски – для патентов, прошедших стадию коммерциализации и используемых в серийной продукции предприятия; минимальные риски – для устойчивого франчайзинга при положительной истории развития. Важно подчеркнуть, что данный вопрос недостаточно

изучен и требует дополнительных исследований.

Рассматривая метод дисконтирования будущих денежных потоков (DCF), необходимо иметь в виду, что он учитывает денежные потоки трех видов деятельности: производственной (основной), финансовой и инвестиционной. Формула расчета коэффициента дисконтирования денежных потоков такова:

$$DCF = \sum_{i=1}^n \frac{CF_i}{(1+r)^i} \quad (2)$$

где: DCF (Discounted Free Future Cash-Flows) – дисконтирование будущих денежных потоков

CF (Cash Flow) – денежные потоки временного периода i ,

r – ставка дисконтирования (норма дохода),

n – количество временных периодов, по которым появляются денежные потоки.

Оценка средневзвешенной стоимости капитала

При расчете ставки дисконтирования (r) ОИС (например, бренда) может быть использована оценка средневзвешенной стоимости капитала (Weighted Average Cost of Capital – WACC) компании, используя методологию определения ставок дисконтирования при «традиционном» подходе, когда ставка дисконтирования учитывает все риски и применяется к наиболее вероятным значениям измерителя дохода (Cash Flow – CF), основанного на непосредственных наблюдениях на рынке стоимости капитала для бизнеса, базисом которого являются права на ОИС – объект оценки. На практике есть понимание того, что большинство бизнесов основано на большом количестве активов, и при этом оцениваемые права не являются самыми основными. В то же время необходимо иметь в виду, что ставка дисконтирования для нематериальных активов не обязательно должна отличаться от ставки дисконтирования для бизнеса. Таким образом, метод средневзвешенной стоимости (цены) капитала (WACC) – это ставка дисконтирования для инвестированного капитала.

Отметим, что метод оценки ставки дисконтирования на основе WACC показывает норму дохода, которую следует выплатить за использование инвестиционного капитала. Последний может состоять из двух источников финансирования: собственного

капитала и заемного. Зачастую WACC используют как в финансовом, так и в инвестиционном анализе для оценки будущей доходности инвестиций с учетом первоначальных условий к доходности (рентабельности) инвестиционного капитала. Экономический расчет средневзвешенной стоимости капитала состоит в расчете минимально допустимого уровня доходности (прибыльности, рентабельности) проекта, бизнеса.

Средневзвешенная стоимость капитала определяется по формуле:

$$WACC = k_d \times (1-T) \times \frac{D}{D+E} \times k_e + \frac{E}{E+D} \quad (3)$$

где: E – величина собственного капитала,
 D – величина заемных средств,
 T – ставка налога на прибыль (или ставка, выраженная в долях единицы),

k_d – рыночная стоимость заемного капитала (то есть процентная ставка),

k_e – рыночная (требуемая) ставка доходности собственного капитала (обычно используется соотношение чистой прибыли и собственного капитала, либо доходность акционерного капитала, выраженная в процентах).

В инвестиционных проектах применяется также и следующая формула:

$$WACC = w_d \cdot (1-T) \cdot k_d + w_{ce} \cdot k_{ce} + w_{pe} \cdot k_{pe} \quad (3.1)$$

где: w_d – удельный вес заемного капитала,

w_{ce} – удельный вес акционерного капитала,

w_{pe} – удельный вес привилегированных акций,

k_d – стоимость заемного капитала,

k_{ce} – стоимость акционерного капитала,

k_{pe} – общая стоимость привилегированных акций,

T – ставка налога на прибыль.

Таким образом, можно констатировать, что дисконтированная ставка денежных потоков инвестиционного капитала равняется взвешенной стоимости заемных средств и собственного капитала. Необходимо учитывать также, что формула 3 может меняться в зависимости от преобразования показателя доходности капитала (k_e) «после налогообложения» в показатель «до налогообложения», и если в капитале присутствует стоимость привилегированных акций, то в формулу должны быть включены дополнительные слагаемые для каждого источника капитала.

Следует иметь в виду, что чем значительнее разрыв между уровнями прибыльности компании и средневзвешенной стоимостью капитала, тем выше его внутренний финансовый потенциал развития. Будучи критерием для принятия управленческих решений, он позволяет оценивать уровень доходности разных финансовых инструментариив либо дает возможность выбрать виды наиболее выгодных инвестиций [7, с. 25].

Заключение

Для проведения экспертизы объектов интеллектуальной собственности необходимы знания и в той сфере деятельности, к которой относится спорная интеллектуальная собственность. Для данных судебных экспертиз могут быть выполнены комплексные исследования экспертами из разных областей, например, с привлечением эксперта оценщика (товароведа) и эксперта экономиста. Таким образом, использование специальных знаний в комплексных исследованиях обеспечит качественную экспертизу путем проведения разносторонних и полноценных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбкина М.В. О защите интеллектуальных прав в Российской Федерации // Мир экономики и права. 2015. № 4. С. 52–58.
2. Reilly R.F., Schweih R.P. Guide to Intangible Asset Valuation. 2nd Revised Edition. New York: Wiley, 2016. 784 p.
3. Nielsen J.M. Guidance for Applying the Relief from Royalty Method to Value Trademarks and Trade Names // Insights. 2018. P. 52–58. http://www.willamette.com/insights_journal/18/summer_2018_5.pdf

REFERENCES

1. Rybkina M.V. On the protection of intellectual property in the Russian Federation. *The world of economics and law = Mir ekonomiki i prava*. 2015. No. 4. P. 52–58. (In Russ.)
2. Reilly R.F., Schweih R.P. *Guide to Intangible Asset Valuation*. 2nd Revised Edition. New York: Wiley, 2016. 784 p.
3. Nielsen J.M. Guidance for Applying the Relief from Royalty Method to Value Trademarks and Trade Names. *Insights*. 2018. P. 52–58. http://www.willamette.com/insights_journal/18/summer_2018_5.pdf

4. Леонтьев Б.Б., Мамаджанов Х.А. Принципы и подходы к оценке интеллектуальной собственности и нематериальных активов. Учеб. пособие. М.: Ринфо, 2003. 270 с.
5. Bulgarelli F. Methods of Brand Valuation: A case study on Alibaba.com. 2015. http://www.vernimmen.com/ftp/Francesca_Bulgarelli_Master_Thesis.pdf
6. Дорофеев А.Ю., Филатов В.В., Медведев В.М., Фадеев А.С., Шестов А.В., Дадугин М.В., Методология оценки нематериальных активов // Интернет-журнал «Наукоедение». 2015. Том 7. № 1. <http://dx.doi.org/10.15862/95EVN115>
7. Мамиконян К.О. Подходы оценки рыночной стоимости компании методом дисконтирования будущих денежных потоков при проведении финансово-экономических экспертиз // Проблемы и вопросы современной науки. Тенденции развития науки и образования. Декабрь 2018 г. № 1 (1). Ч. 4. Самара: НИЦ МОАН, 2018. С. 22–29. <http://dx.doi.org/10.18411/pivsn-58>
4. Leont'ev B.B., Mamadzhanov Kh.A. *Principles and approaches to the assessment of intellectual property and intangible assets. Textbook.* Moscow: Rinfo, 2003. 270 p. (In Russ.)
5. Bulgarelli F. Methods of Brand Valuation: A case study on Alibaba.com. 2015. http://www.vernimmen.com/ftp/Francesca_Bulgarelli_Master_Thesis.pdf
6. Dorofeev A.Yu., Filatov V.V., Medvedev V.M., Fadeev A.S., Shestov A.V. Dadugin M.V. The methodology for the valuation of intangible assets. *Internet-journal "Naukovedenie"*. 2015. Vol. 7. No. 1. <http://dx.doi.org/10.15862/95EVN115>
7. Mamikonyan K.O. The approaches to appraise company's market value by discounting future cash flows when conducting financial and economic expertise. *Problems and issues of contemporary science. Trends of science and education development. December 2018. No. 1(1). Part 4.* Samara: NITs MOAN, 2018. P. 22–29. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.18411/pivsn-58>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамиконян Карен Оганесович – к. э. н., доцент, начальник отдела координации научных исследований и технического апробирования, эксперт отдела финансово-экономических и бухгалтерских экспертиз Национального бюро экспертиз Республики Армения;
e-mail: mamikonyankaren@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Mamikonyan Karen Hovhannes – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department for Coordination of Scientific Research and Technical Testing, Expert of the Department of Economic and Accountant Expertise, National Bureau of Expertise of the Republic of Armenia;
e-mail: mamikonyankaren@gmail.com

Статья поступила: 25.04.2019

Received: 25.04.2019

Краткие правила для авторов

Редакция журнала просит авторов строго соблюдать следующие правила. Присылаемые статьи не должны быть уже где-либо опубликованы или представлены для публикации в других изданиях. Оригинальность текста рукописи составляет более 75 %.

В редакцию в электронном виде (через сайт журнала www.tipse.ru или по электронной почте tipse@sudexpert.ru) должны быть предоставлены: 1) отсканированная копия сопроводительного письма с места работы (учебы) автора, 2) файл статьи в формате Word, 3) отсканированный текст статьи, подписанный всеми авторами, 4) файлы рисунков.

Материалы рукописи размещаются в одном файле в следующей последовательности.

1. Название статьи.
2. Инициалы и фамилия автора(ов).
3. Официальное наименование учреждения, в котором работает автор, город и индекс, страна.
4. Аннотация статьи на русском языке (150–250 слов).
5. Ключевые слова на русском языке.
6. Название статьи на английском языке.
7. Транслитерированные в формате BSI (написанные латиницей) имя, отчество и фамилия автора(ов) (сайт для автоматической транслитерации в формате BSI <https://transliteration.pro/bsi>).
8. Место(а) работы автора(ов), город, индекс, страна на английском языке.
9. Аннотация на английском языке (Abstract).
10. Ключевые слова на английском языке (Keywords).
11. Текст статьи.
12. Список литературы.
13. Список References (для выгрузки списка литературы в зарубежные информационные системы).
14. Сведения об авторе(ах) на русском и английском языках.

Изложение материала должно быть ясным, лаконичным и последовательным, без дублирования в тексте данных таблиц и рисунков. Статья должна быть структурирована и включать рубрики: введение / краткий литературный обзор, цель работы, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение / краткие выводы. Произвольная структура допустима для теоретических и обзорных статей.

Для выделения используется курсив; все иллюстрации, графики и таблицы располагаются в соответствующих местах в тексте, а не в конце статьи. Объем статьи не должен превышать 25 страниц.

В тексте ссылки на цитируемые публикации приводятся в квадратных скобках с указанием их порядкового номера в списке литературы (в порядке встречаемости в тексте). При наличии нескольких источников они перечисляются в порядке возрастания номеров через запятую, например [3, 5, 12] или [3–7]. При цитировании после номера источника указывается страница, например: [1, с. 5], [5, с. 10–12; 10, с. 225].

При необходимости используются подстрочные ссылки со сквозной нумерацией (арабскими цифрами).

Источники в списке литературы располагаются в порядке их приведения в тексте.

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники, словари, энциклопедии указываются в сносках и в списке литературы не дублируются.

Ссылки в списке литературы на журнальные публикации должны содержать их DOI. Пример оформления: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Ссылки на диссертационные исследования следует заменить статьями соответствующего автора или же дать ссылку на диссертацию (автореферат) в виде сноски.

Самоцитирование не должно превышать 20 % от общего количества цитируемых источников.

Подробные правила для авторов доступны на сайте журнала по ссылке:

<https://www.tipse.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Индекс УДК: 343 977
Объем издания: 15,80 уч. изд. л.
Подписано в печать: 28.06.2019.
Тираж 200 экз.